

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

VOL. 5, №4
TOM 5, №4

2023

16+

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 00.11.2023. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. 0/0. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 00.11.2023. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № 0/00. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганова, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Дэжин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Bereza E.V.</i> Enum notation in Modern Chinese with the words 等 (děng) and 等等 (děngděng)	10
<i>Kotelnikova N.N.</i> The phenomenon of graphic derivation in Chinese Internet communication	21
<i>Dmitrieva O.A., Zhang Shuyi.</i> Language expression of taboo on the material of Chinese superstitions	35
<i>Ignatenko A.V., Vavilenkova D.V.</i> The persuasive features of of speakers in Chinese and Russian talk shows	46
<i>Sirota L.V., Kraevskaya I.O.</i> Medical terminology in the Chinese series 'Surgeons' and ways of its translation into Russian	56
<i>Storozhuk A.G.</i> Case of one afterword: issue of forbidden love in Pu Songling's short-stories	67
<i>Emelchenkova E. N.</i> The legal status of the language in China	74
<i>Wang Qianqian.</i> Conceptual metaphor of brotherhood in Chinese and Russian languages: specifics of formation and function	90
<i>Zhou Liangke, Yang Sinru.</i> Comparative study on "medical mask culture" in China and Russia	104

HISTORICAL SCIENCES & INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Semenov A.V.</i> On the issue of the PRC's strategic initiative "One Belt, One Road" in the new era	117
<i>Martynova Y.A.</i> Review: Chebodaeva M.P., Valeev R.M., Dankina N.A. From the shores of Askiz to the banks of the Neva. The scientific path of Professor N. F. Katanov (1862-1922)	127
<i>Tarasova E.I.</i> Key cultural concepts of China's foreign cultural policy under Xi Jinping	133
<i>Zuenko I.Y.</i> Perspectives and problems of Russia–China joint development of Bolshoy Ussuriysky Island	147
<i>Lychagin A. I.</i> Russia and China in a multipolar world in the context of the Ukrainian crisis	166

PHILOSOPHY AND CULTURE

<i>Varova E.I.</i> The doctrine of Buddhism in China (the experience of historical and cultural research of the «ancient Buddhist Monastery 药师古«Yaoshigucha»)	174
<i>Storozhuk A.G., Smirnova A.A.</i> Modern practice of traditional Chinese holidays on the example of the "Birthday of Ksitigarbha Bodhisattva"	185
<i>Isvaeva L.I.</i> Symbols in the Chinese farewell ritual	198
Information for authors	228
Article formatting sample	233

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Береза Е.В.</i> Обозначение перечисления в современном китайском языке со словами 等 (děng) и 等等 (děngděng)	10
<i>Котельникова Н.Н.</i> Феномен графодеривации в китайской интернет-коммуникации	21
<i>Дмитриева О.А., Чжан Ш.</i> Языковое выражение табу на материале китайских суеверий	35
<i>Игнатенко А.В., Вавиленкова Д.В.</i> Персуазивные особенности самопрезентации ораторов в китайских и русских ток-шоу	46
<i>Сирота Л.В., Краевская И.О.</i> Медицинская терминология в китайском сериале «Хирурги» и способы ее перевода на русский язык	56
<i>Сторожук А.Г.</i> История одного послесловия: тема запретной любви в новеллах Пу Сун-лина	67
<i>Емельченкова Е.Н.</i> Правовой статус языка в Китае	74
<i>Ван Цяньцзянь.</i> Метафорическая конструкция о «Братстве» и размышления о ее переводе с китайского на русский язык	90
<i>Чжоу Лянкэ, Ян Синьжу.</i> Сравнительное исследование «культуры медицинских масок» в Китае и России	104

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ & МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Семенов А.В.</i> К вопросу о стратегической инициативе КНР «Один пояс, один путь» в новую эпоху	117
<i>Мартынова Ю.А.</i> Рецензия: Чебодаева М.П., Валеев Р.М., Данькина Н.А. С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922).	127
<i>Тарасова Е.И.</i> Ключевые культурные концепции внешней культурной политики КНР при Си Цзиньпине	133
<i>Зуенко И.Ю.</i> Перспективы и проблемы совместного российско-китайского освоения острова Большой Уссурийский	147
<i>Лычагин А.И.</i> Россия и Китай в многополярном мире в контексте украинского кризиса	166

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Варова Е.И.</i> Доктрина буддизма в Китае (опыт историко-культурологического исследования «древнего буддийского монастыря 药师古 «Яошигуча»)	174
<i>Сторожук А.Г., Смирнова А.А.</i> Современная практика традиционных китайских праздников на примере «Дня рождения бодхисаттвы Кшитигарбхи».	185
<i>Исаева Л.И.</i> Символика в китайском прощальном ритуале	198
Информация для авторов	228
Образец оформления статьи	233

Юбилей Артёма Игоревича Кобзева

15 октября 2023 г. свое семидесятилетие отметил один из ведущих российских и мировых синологов, автор оригинальных научных трудов и концепций — Артём Игоревич Кобзев. В короткой редакционной статье невозможно написать о том, что потребует солидной монографии — и речь будет идти только об описании. Поэтому нам остаётся представить читателям краткий очерк и отсылать к многочисленным трудам и выступлениям самого юбиляра.

Артём Игоревич родился в Москве в семье известного советского поэта и общественного деятеля Игоря Ивановича Кобзева (1924 – 1986). В объёмном интервью, данном в 2013 г. для проекта «Российское китаеведение — устная история», А.И. Кобзев отмечал, что детство его пришлось как раз на период «Великой дружбы» СССР и КНР, один из родственников — военный — находился в 1950-е гг. в длительной командировке в Китае. Игорь Иванович в 1960 г. также был командирован Союзом советских писателей в Китай и во Вьетнам, а его стихи переводили на китайский язык. Окончательно жизнь и судьба его сына оказалась связана с Китаем после 1970 г., когда Артём Игоревич поступил на философский факультет МГУ, на котором в результате известных событий на о. Даманский была организована группа со специализацией по китайской философии и изучением языка. Среди сокурсников А.И. Кобзева оказались незаурядные синологи: Л.Е. Янгутов — известный бурятский буддолог, А.Е. Лукьянов (1948 – 2021) — исследователь традиционной китайской науки, автор значительной части

пятого тома энциклопедии «Духовная культура Китая», К.М. Гарибов — журналист-международник, и многие другие. По собственным словам учёного, магистральной темой с самого начала, от студенческих лет, сделалась для него именно классическая китайская философия. Главным наставником по китайской философии на долгие годы стал М.Л. Титаренко (1934 – 2016, глава ИДВ РАН и главный редактор упомянутой энциклопедии «Духовная культура Китая»), а вот заняться изучением наследия великого неоконфуцианца Ван Янмина (1472 – 1529) подсказал ныне здравствующий доктор философских наук В.Г. Буров. Окончив университет, А.И. Кобзев заинтересовался рядом общетеоретических вопросов, и уже в процессе обучения в аспирантуре (1975 – 1978) активно сотрудничал с Отделом Китая тогдашнего ИВАН, то есть Института востоковедения АН СССР. В аспирантуре молодой учёный углублённо занимался вэньянем с А.И. Карапетьянцем (1943 – 2021) и глубоко погрузился в мир структурализма, который привел в дальнейшем Кобзева к его наиболее примечательным открытиям.

Собственная философская (и общегуманитарная) концепция А.И. Кобзева, вполне разделяемая и нами, заключается в том, что китайская и западная культуры наиболее отличаются друг от друга. «Запад» А.И. Кобзев трактует максимально широко, цитируя академика В.П. Васильева, который к западным относил все культуры, обладающие алфавитной письменностью, включая Индию и арабо-мусульманский

На фото — поздравления А.И. Кобзева с 65-летием в рамках XI международной научно-практической конференции «Россия – Китай». Слева директор ИМО КФУ Р.Р. Хайрутдинов

мир. Китайский мир, основанный на иероглифике, базируется на очень глубоких антропологических предпосылках, вплоть до различий психотипов, восходящих к различиям в процессе сапиентизации человечества в отдалённых регионах земного шара. Цитируется и Тейяр де Шарден, что Китай — «это бесконечно усложнённый неолит». То есть философия в первую очередь трактуется как методология культуры.

Рассматривая ситуацию с методологией в Древнем Китае, А.И. Кобзев выдвинул гипотезу, что в этой цивилизации сложилось противостояние «протологики» (представленной, прежде всего, у последователей Мо-цзы и Сюнь-цзы)

и, собственно, китайской нумерологии, характерной для конфуцианско-даосских мыслителей. Формальная логика отсутствует в китайской философии в качестве общенаучного и общефилософского «органа». Нумерология, то есть учение о символах и числах (чему была посвящена докторская диссертация А.И. Кобзева, опубликованная в виде монографии в 1993 г.), как теоретическая система характеризуется тем, что её элементы — в том числе числовые и геометрические — связаны между собой символически, ассоциативно, эстетически, и как угодно ещё. То есть нумерология не является ни логикой, ни наукой (даже в функциональном смысле). Нумерологическая «методология»,

достигшая высокой степени формализации в традиционной китайской культуре, непосредственно представлена в древних текстах, и прежде всего в «Каноне перемен».

А.И. Кобзев впервые в российской синологии занялся Ван Янмином, творчество которого практически единодушно признается вершиной развития автохтонной китайской мысли до ее соприкосновения с европейской философией. Именно на материале текстов и мыслительной системы Ван Шоужэня юбиляр вел исследование специфики китайской философии и сформулировал вышеобозначенную разницу в ментально-структурной основе Запада и Востока. Ещё в 1980-е гг. А.И. Кобзев последовательно критиковал определение янминизма как идеалистической философии, и постепенно подошел к определению натурализма китайской мысли. На этой фундаментальной основе А.И. Кобзев единолично осуществил комплексное исследование философии неоконфуцианства. Как обычно в синологической науке, это было невозможно осуществить вне активной переводческой и комментаторской деятельности. Ещё в 1986 г. Артем Игоревич начал перевод «Да-сюэ», одного из наиболее важных нормативных текстов неоконфуцианской доктрины. В настоящее время осуществлен полный перевод этого канона с полным комментарием Чжу Си (1130 – 1200). А.И. Кобзев опубликовал ряд прозаических и поэтических переводов из наследия Ван Янмина, частично вошедших в «Философию китайского неоконфуцианства»; ныне мы ожидаем и выхода большого тома с переводами важнейших текстов Шоужэня. Это привело исследователя к работе над классиче-

ской поэзией Китая — в первую очередь Бо Цзюйи. Много лет юбиляром отдано переводу и публикации полного перевода романа «Цзинь, пин, мэй», относительно недавно вышедшего в полном виде. Это неотделимо от исследования эротизма как практической реализации натурализма и нумерологичности китайской культуры.

Даже из предельно лапидарного перечисления важнейших сюжетов полувековой научной деятельности А.И. Кобзева (заведомо неполного, у нас нет возможности говорить о его вкладе в историю синологической науки) следует, что это — несравненный энциклопедист. Данное определение следует понимать и в прямом смысле: все многообразие своих интересов Артем Игоревич сводил именно к энциклопедизму. Даже в самых ранних своих работах он всегда сопровождал аргументацию огромным количеством структурированной энциклопедической информации, что в конечном итоге вылилось в три грандиозных проекта. В смутном 1994 г. вышел изящный и чрезвычайно ёмкий том «Китайская философия. Энциклопедический словарь», который, как оказалось, сделался лишь полигоном и пролегоменами огромного шеститомного компендиума «Духовная культура Китая», точного эквивалента которому не создано и в КНР. Наконец, Отделом Китая ИВ РАН, которым уже много десятилетий руководит юбиляр, поддерживается портал «Синология.ру», являющийся своеобразным фокусом всех отраслей синологической науки, существующих на русском языке.

Автор этих строк со всем основанием называет Артема Игоревича своим учителем. Как бывает в китайской традиции, процесс этот был извилист и включал много этапов. Попавший в руки школьника зеленый том словаря китайской философии стимулировал определиться с выбором призвания. В студенческие годы нам доводилось читать фантастические по глубине рассуждения о существовании утопии в Древнем Китае и нумерологическом смысле мифологемы о «колодезных полях». Сразу после выхода в 2002 г. «Философии китайского неоконфуцианства» мы поняли, что обрели долгожданный методологический фундамент собственной кандидатской диссертации, и великим счастьем стало полноценное незаочное знакомство в стенах Отдела Китая в марте 2004 г. с самим Артемом Игоревичем. Так получилось, что для нас А.И. Кобзев явился дважды оппонентом (помимо кандидатской, ещё и на защите докторской диссертации в 2013 г.) и несколько раз принимал участие в международной конференции «Россия — Китай: история и культура», проводимой Институтом международных отношений КФУ. Пожелаем юбиляру долгих лет жизни, здоровья и просветленности духа.

Д.Е. Мартынов

Enum notation in Modern Chinese with the words

等(děng) and 等等(děngděng)

Обозначение перечисления в современном китайском языке

со словами 等(děng) и 等等(děngděng)

Береза Евгения Викторовна

Амурский государственный университет,

Благовещенск, Россия

kravchenko0992@mail.ru

Evgeniya V. Bereza

Amur State University,

Blagoveschensk, Russia

kravchenko0992@mail.ru

УДК 81-22 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-10-20](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-10-20)

АННОТАЦИЯ

При перечислении объектов в современном китайском языке употребляются различные слова и выражения, указывающие на конец перечисления или завершающие неполное перечисление. Данные слова и выражения имеют свои особенности и правила употребления. Цель настоящего исследования состоит в проведении анализа функционирования лексических единиц 等 (děng) и 等等 (děngděng), использующихся при перечислении объектов. Материалом исследования послужили данные корпуса Пекинского университета языка и культуры, в частности раздел публицистики и разговорной речи, в котором методом сплошной и направленной выборки были отобраны примеры функционирования служебных слов 等 (děng) и 等等 (děngděng). В результате исследования посредством описательно-сравнительно-сопоставительного методов

ABSTRACT

For enumerating objects in modern Chinese, various words and expressions are used that indicate the end of the enumeration or complete an incomplete enumeration. These words and expressions have their own characteristics and rules of use. The purpose of this study is to analyze the functioning of the lexical units 等 (děng) and 等等 (děngděng) used in the enumeration of objects. The material of the study was the data of the corpus of Beijing University of Language and Culture, in particular, the section of publicistic and colloquial speech, in which we selected examples of the function words 等 (děng) and 等等 (děngděng) by using the method of continuous and directed sampling. As a result of the study, by descriptive, comparative methods and the method of semantic and contextual analysis, a characteristic of the part-of-speech belonging of the words 等 (děng) and 等等 (děngděng) is provided, the main features and

и метода семантического и контекстного анализа предоставлена характеристика частеречной принадлежности слов 等 (děng) и 等等 (děngděng), описаны основные особенности и правила их употребления, обозначены общие и различные способы функционирования, выделены спорные вопросы, связанные с возможностью их использования. Автор приходит к выводу о том, что слова 等 (děng) и 等等 (děngděng) относятся к служебным частям речи, а именно к классу 助词 (zhùcí) вспомогательные слова или частицы, употребляются в основном в публицистическом и разговорном стилях речи, обладают общими и различными значениями и правилами функционирования. Результаты исследования могут быть использованы при чтении курса лекций по теоретической грамматике китайского языка, на практических занятиях по современному китайскому языку, а также будут полезны широкому кругу использующих китайский язык при общении с носителями и чтении литературы на китайском языке.

Ключевые слова. 等 (děng), 等等 (děngděng), служебное слово, частица, вспомогательное слово, перечисление, обобщение

Для цитирования: Береза Е.В. Обозначение перечисления в современном китайском языке со словами 等 (děng) и 等等 (děngděng). *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (4). С. 10-20 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-10-20>

rules for their use are described, common and different ways of functioning are indicated, controversial issues, related to the possibility of use of these words, are highlighted. The author comes to the conclusion that the words 等 (děng) and 等等 (děngděng) belong to the auxiliary parts of speech, namely to the class 助词 (zhùcí) auxiliary words or particles, are used mainly in publicistic and colloquial styles of speech, have common and various meanings and rules of using. The results of the study can be used in the course of lectures on the theoretical grammar of the Chinese language, in practical classes of Chinese, and can be also useful to those who use Chinese in communication with native speakers and reading literature in Chinese.

Keywords. 等 (děng), 等等 (děngděng), function word, separate, auxiliary word, enumeration, generalization

For citation: Bereza E.V. Enum notation in Modern Chinese with the words 等 (děng) and 等等 (děngděng). *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№4). P. 10-20 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-10-20>

В современном китайском языке для выражения окончания перечисления или завершения неполного перечисления используются разные лексические единицы. Объектами настоящего исследования являются слова 等 (děng) и 等等 (děngděng), которые на русский язык переводятся как *и так далее, и прочее, и тому подобное, типа*. Актуальность настоящего исследования состоит в отсутствии исследований на русском языке относительно способов функционирования слов 等 (děng) и 等等 (děngděng) при перечислении предметов, несмотря на то, что они являются наиболее употребительными элементами среди языковых единиц, выполняющих подобные функции. В русскоязычной литературе предлагается основное значение данных слов, но отсутствует информация о правилах их употребления и разнице между собой, что было восполнено в настоящем исследовании.

В качестве материала исследования мы воспользовались данными корпуса Пекинского университета языка и культуры, как мощнейшей онлайн-платформой лингвистических исследований (Корпус ВСС). Выбор пал на разделы публицистики и разговорной речи, так как в соответствии с результатами исследований китайских лингвистов основной сферой употребления 等 (děng) и 等等 (děngděng) является книжная речь, а именно официально-деловой, публицистический и научный стили, это газеты, научные статьи, политические дискуссии и др. При этом 等等 (děngděng) также часто употребляется в разговорной речи, в пьесах и романах на разговорном языке, в отличие от 等 (děng). Это можно объяснить тем, что 等等

(děngděng) состоит их двух слогов, соответственно интонация более мягкая и произносится гармоничнее (Чэнь Баолянь 2008, 115).

Вопрос относительно частеречной принадлежности слов 等 (děng) и 等等 (děngděng) вызвал множество дискуссий среди китайских лингвистов. Некоторые склоняются к отнесению данных элементов к классу местоимений (Ян Шучжан 1981, 66; Лю Гунван 1988, 93; Чжу Цзюнь 2008, 42). Основным аргументом является возможность данных элементов замещать конструкции размером от одного слова до целого предложения (Чжу Цзюнь 2008, 42–49). В соответствии с данной точкой зрения слова 等 (děng) и 等等 (děngděng) относятся к знаменательным частям речи, что не соответствует таким их характеристикам, как невозможность самостоятельного употребления и отсутствие конкретного семантического значения. Данный факт наводит большинство ученых на мысль, что элементы 等 (děng) и 等等 (děngděng) являются служебными словами, однако, ученые указывают на их особенность, которая заключается в слабой степени грамматикализации, в отличие от других классов служебных слов они выражают семантическую категорию, нежели грамматическую. В классификации служебных слов китайские лингвисты относят их к классу 助词 (zhùcí), а именно 列举助词 (lièjǔ zhùcí) (Люй Шусян 1999, 167; Чжан Бинь 2000, 242; Ма Чжэнь 2004, 118; Чжан Ишэн 2002, 247; Бай Сяохун 2007, 211 ; Ян Юйлин 2011, 186). Сам термин 助词 (zhùcí) на русский язык может быть переведен как *вспомогательные слова* или *частицы*, если трактовать их как слова, которые присоединяются к словам, словосочетаниям

и предложениям, выполняя вспомогательную функцию и передавая дополнительные грамматические и смысловые значения (Краткий словарь способов употребления служебных слов современного китайского языка 1984, 32 ; Чжу Ичжи 1990, 189; Гао Гэншэн 2008, 93), что соответствует понятию частиц в общем языкознании: «частицы — это разряд неизменяемых служебных слов, участвующих в выражении форм отдельных морфологических категорий, входя в состав слова, либо присоединяясь к нему, передающих коммуникативный статус высказывания, а также выражающих отношение высказывания и/или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому» (Языкознание. Большой энциклопедический словарь 1998, 579). В словарях современного китайского языка исследуемые элементы также обозначены как 助词 (zhùcí) (Словарь современного китайского языка 2001; Практический стандартизированный словарь современного китайского языка 2001). Отнесенность 等 (děng) и 等等 (děngděng) к служебным словам также говорит о включении этих элементов в специализированные словари служебных слов современного китайского языка, где они также отмечены как 助词 (zhùcí) (Краткий словарь способов употребления служебных слов современного китайского языка 1984); Словарь служебных слов современного китайского языка 1995]. Группу слов в классе 助词 (zhùcí), в которую входят исследуемые элементы 列举助词 (lièjǔ zhùcí) можно, соответственно, перевести как *вспомогательные слова, использующиеся при перечислении* или же *частицы перечисления*. Необходимо отметить, что

лингвисты, придерживающиеся прототипического подхода, относят 等 (děng) и 等等 (děngděng) к прототипам группы 列举助词 (lièjǔ zhùcí), а остальные элементы данной группы к периферийным (Бай Сяохун 2007, 211; Чжан Ишэн 2002, 6–7).

Перейдем к описанию основных способов функционирования 等 (děng) и 等等 (děngděng) в современном китайском языке с общих для обоих слов 等 (děng) и 等等 (děngděng) завершают неполное перечисление, употребляясь:

1) в конце предложения (Чжан Бинь 2000, 242). Например:

还有大量的葡萄、桃、李、杏、梨、枣等。
Еще есть множество винограда, персиков, слив, абрикосов, груш, фиников и т.п.

艺术团体涵盖了粤剧、哑剧、魔术、武术以及民族舞、现代舞、街舞等等。 *Художественные группы состоят из кантонского театра, пантомимы, фокусов, ушу, народных танцев, современных танцев, уличных танцев и т.п.*

2) в середине предложения в конце перечисления (Краткий словарь способов употребления служебных слов современного китайского языка 1984, 44). Например:

欧元标价现已在法国普及，餐馆、面包店、发廊、旅行社等都不例外。 *Цены в евро сейчас распространены во Франции, включая рестораны, пекарни, парикмахерские, туристические агентства и т. д.*

一切自然的优点——如风景、山冈、湖沼、河海等等——都应保存而利用。 *Все природные достоинства такие, как пейзажи, горы, озера,*

болота, реки, моря и т.п., должны быть сохранены и правильно использованы.

При обозначении неполного перечисления в конце и середине предложения等 (děng) и 等等 (děngděng) взаимозаменяемы. Остальные способы употребления либо различны полностью, либо ограничены определенными правилами. Рассмотрим их по отдельности для каждого слова.

等 (děng)

1. Обобщает перечисленные впереди объекты, выполняя функцию завершения перечисления. После него часто стоит числительное, указывающее на полное количество объектов (Люй Шусян 1999, 167).

应邀参加比赛的有波兰、丹麦、阿尔及利亚、泰国、伊朗、日本、新加坡和香港等 8 个国家和地区的足球队。 *Футбольные команды из 8 стран и регионов приняли приглашение на участие в соревнованиях: команды Польши, Дании, Алжира, Таиланда, Ирана, Японии, Сингапура и Гонконга.*

Иногда указывается общее количество объектов, но перечислены не все. В данном случае функция завершения неполного перечисления. Например:

与会代表来自中国、美国、俄罗斯等36个国家。 *Представители, принимающие участие в конференции, приехали из 36 стран, таких как Китай, Америка, Россия и др.*

2. Используются после одного слова или словосочетания, обозначая наличие однотипных предметов, переводится как *типа..., такие*

как ... (Чэнь Баолян 2008, 118). Например:

公共卫生部门一般只强调预防太阳光等 B 型紫外线。 *Департамент общественного здравоохранения обычно делает упор только на предотвращение ультрафиолетовых лучей типа B, таких как солнечный свет.*

3. Используется в конце перечисления, после него указывается обобщающее слово (Краткий словарь способов употребления служебных слов современного китайского языка 1984). Например:

与大飞机、大火箭等 “国之重器” 不同，博览会上的这个机器人来自民营企业北京众德迪克科技公司。 *В отличие от «самого тяжелого оружия страны», как большие самолеты и ракеты и т.п., этот выставочный робот был представлен частной Пекинской научно-технической компанией «Чжундэдикэ».*

4. Используется после имени собственного (название места или имя человека), обозначая неполное перечисление (Чжан Бинь 2000, 243). Например:

邦迪等4人的文章第一次提出“现在需要重新研究”这一核政策是否明智。 *В статье Бонди и других четырех людей впервые был поднят вопрос о разумности политики «Сейчас нужно заново исследовать».*

等等 (děngděng)

1. Интонация сильнее, чем у 等 (děng), обозначает, что не перечисленных объектов больше (Словарь служебных слов современного китайского языка 1995, 65). Например:

把外国的资金、技术、管理经验、人才等等“引进来”，这是完全必要的，也是卓有成效的。*«Ввоз» иностранного капитала, технологий, управленческого опыта, специалистов и т. д. абсолютно необходим и эффективен.*

2. Может дублироваться для выражения большого количества неназванных объектов перечисления. Выделяют следующие конструкции “X等等等等”，“X，等等等等”，“X等等，等等”，“X，等等，等等”。В разговорном языке может встречаться повтор в еще большем количестве (Чэнь Баолян 2008, 116). Например:

我梦见，我们一起去购物一起吃饭等等等等。 *Мне снится, что мы вместе ходим за покупками, едим и т. д., и т. п.*

介绍介绍有吃的特色的，喝的特色的，等等等等。 *Расскажите, что есть специфическое поесть, попить и т. д., и т. п.*

跟我说下要求，体重，身高，三围，肤色，语言，籍贯，爱好等等，等等。 *Скажите, какие требования, вес, рост, параметры тела, цвет кожи, язык, гражданство, хобби и т. д., и т. п.*

他们为什么需要，什么是生活，一个人活着为的是什麼，什么是爱和恨，等等，等等。 *Почему им нужно, что такое жизнь, ради чего живет человек, что такое любовь и ненависть и т. п., и т. п.*

В данном случае следует поднять вопрос о том, что 等等 (děngděng) сейчас не рассматривается как дублирование слова 等 (děng). Исходное его употребление было именно таким, но в процессе исторического развития и многократного использования данной формы

оно стало рассматриваться как самостоятельное отдельное слово, функционирующее наряду с 等 (děng) (Чэнь Баолян, 2008, 116).

3. При использовании после одного объекта перечисления, необходимо обращать внимание на слоговой состав. Не допускается постановка 等等 (děngděng) после одного объекта перечисления, состоящего из одного слога (Цзоу Чжэчэн, 2007, 33). Например:

所谓“糖弹”就是通过灯红酒绿等等“细行”打过来的。 *Так называемые «соблазны» исходят из таких «мелких проступков» как разгулье и разврат.*

4. Часто используется в сочетании с 如此，如是 (Словарь служебных слов современного китайского языка 1995, 65). Например:

155毫米口径的远程大炮和其它苏制武器源源不断地运进柬埔寨，如此等等。 *Дальнобойная артиллерия диаметром в 155 мм. и другое вооружение советского производства непрерывно ввозится в Камбоджу, и т. д., и т. п.*

一个显然的问题就是应该先到那一家，然后再到那一家，如是等等。 *Очевидный вопрос — это в какое место следует обратиться в первую очередь, а затем уже ехать.*

5. Между объектами перечисления и 等等 (děngděng) можно поставить запятую для обозначения паузы. Обычно запятая ставится, когда объекты перечисления осложненные словосочетания или небольшие предложения. В данном случае также можно использовать точку с запятой [Краткий словарь способов употребления служебных слов современного китайского языка, 1984, 44]. Например:

人们决不能把盗贼同被盗窃者相提并论，等等。*Люди ни в коем случае не должны ставить в один ряд разбойников и пострадавших от них и т.д.*

他们由此受到启发，决定本着“扬长避短，补其不足”的方针，在西丽湖增加了一些旅游项目，如：（1）风枪打靶；（2）放烟花、鞭炮；（3）跑马场；（4）度假房（一个房间设八个床位）和搭帐篷；（5）提供野味食品；等等。*Вдохновленные этим, они решили добавить некоторые туристические объекты на озере Сили в соответствии с политикой «развивать сильные стороны и избегать слабых сторон, компенсируя недостатки», такие как: (1) стрельба из духового ружья; (2) запуск фейерверков и петарды; (3) скачки (4) дома отдыха (одна комната с восемью кроватями) и палатки; (5) предоставление еды из мяса диких животных и т. д.*

6. На письме перед ним можно поставить многоточие, после него нет Словарь служебных слов современного китайского языка, 1995, 65). Например:

现在满脑子舌面前音，塞音，擦音，。。。。等等。*Сейчас в голове только среднеязычные согласные звуки, смычно-взрывные согласные, фрикативные согласные и др.*

Существует некоторые спорные моменты относительно употребления слова 等等 (děngděng). Рассмотрим подробнее каждый из них.

1. Употребление 等等 (děngděng) после имен собственных

Несмотря на общераспространенное мнение о невозможности употребления 等等 (děngděng) после имен собственных (Ма Чжэнь

2004, 118, Люй Шусян 1999, 167; Чжан Бинь 2000, с. 243; Словарь служебных слов современного китайского языка 1995, 65; Краткий словарь способов употребления служебных слов современного китайского языка 1984, 44), некоторые лингвисты отмечают, что данный способ функционирования возможен [Чэнь Баолянь 2008, 119]. Нами были также найдены следующие примеры, подтверждающие мнение последних:

屈原、司马迁、嵇康、阮籍、陶渊明、李白、杜甫、范仲淹、苏轼、文天祥、李清照、辛弃疾、徐渭、郑板桥、蒲松龄、曹雪芹等等人物，深刻表现了历史的传承。

如果曹雪芹对他笔下的贾宝玉、林黛玉、薛宝钗等等人物不熟悉，对当时的社会情况，对大观园里里外外的生活不熟悉，他能写出那么一部人物众多而又鲜明，内容复杂而又丰满的《红楼梦》来，是不可设想的。

2. Употребление после 等等 (děngděng) обобщающего слова.

Многие китайские лингвисты указывают, что после 等等 (děngděng) не должно быть обобщающего слова (Ма Чжэнь 2004, 119; Люй Шусян 1999, 167; Словарь служебных слов современного китайского языка 1995, 65; Краткий словарь способов употребления служебных слов современного китайского языка 1984, 44]. Чэнь Баолянь отмечает, что все же встречаются случаи использования после 等等 (děngděng) обобщающего слова, однако это происходит намного реже, чем после 等 (děng) (примерно 1:10) и существуют ограничения: это слово должно состоять из двух и более слогов; после обобщающего слова нельзя поставить запятую.

При таком способе употребления после 等等 (děngděng) можно использовать частицу 的 de, в отличие от примеров с использованием 等 (děng) (Чэнь Баолянь 2008, 120). Например:

这个厂房有美观、经济、坚固、光线充足和有效使用面积大等等“优点”。*У этого цеха есть такие «достоинства» как эстетичность, экономичность, прочность, хорошее освещение, большая полезная площадь и др.*

我们毕竟是由于缔结了为期二十五年的‘和平、友好、合作和文化等等’的条约而结合在一起了。*В конце концов, нас связывает двадцатипятилетний договор о «мире, дружбе, сотрудничестве, культуре и т. д.»*

3. Указание общего количества перечисленных предметов после 等等 (děngděng).

Несмотря на то, что во всех изученных нами источниках было сказано, что общее количество перечисленных ставится только после слова 等 (děng) (Краткий словарь способов употребления служебных слов современного китайского языка 1984, 44; Люй Шусян 1999, 167; Чжан Бинь 2000, 243; Словарь служебных слов современного китайского языка 1995, 65; Чэнь Баолянь 2008, 120; и др.) в разделе публицистики корпуса мы нашли примеры такого функционирования, однако, стоит отметить, что примеров полного перечисления предметов найдено не было, то есть перечисление не было законченным. Например:

在春季，青壮年妇女有撒粪、修理边堰、耙耨土地、点种、牵牲口、锄麦子等等 16种工作，老年妇女有切蔓菁、选种籽等等4种工作。*Весной у женщин молодого и среднего возраста 16 видов работ, таких как разбрасывание навоза, ре-*

монт боковых водосливов, боронование земли, посадка, ведение скота, прополка пшеницы и т. д. У пожилых женщин 4 вида работ, таких как резка репы, отбор семян и т. п.

发展到今天一共有北京、天津、上海、西安、大连、广州、武汉、福州、厦门和合肥等等 19家软件园。*На сегодняшний день существует 19 парков программного обеспечения в таких городах, как Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Сиань, Далянь, Гуанчжоу, Ухань, Фучжоу, Сямэнь и Хэфэй.*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что слова 等 (děng) и 等等 (děngděng) являются служебными словами современного китайского языка, основной сферой функционирования которых является публицистический и разговорный стили речи. В соответствии с мнением большинства китайских лингвистов их частеречная принадлежность определена как 列举助词 (lièjǔ zhùcí) *вспомогательные служебные слова, используемые при перечислении, или частицы перечисления*. При употреблении слов 等 (děng) и 等等 (děngděng) для обозначения перечисления необходимо руководствоваться определенными правилами их функционирования, из которых общими являются обозначение неполного перечисления в середине и в конце предложения. Отличительным является обозначение окончания перечисления и обобщения объектов словом 等 (děng), у 等等 (děngděng) такого значения нет. Также выделяются некоторые способы функционирования, в которых 等 (děng) употребляется без ограничений, а 等等 (děngděng) с ограничениями — после одного объекта перечисления в значение *типа, такие как*, и с обобщающим словом,

употребление с которым является спорным моментом в китайском языкознании, однако, на примере корпуса мы убедились, что такое функционирование возможно. Спорными моментами, также оказались способы употребления с именами собственными и с указанием общего количества объектов, что также было решено на основе примеров из корпуса. Кроме этого, в настоящем исследовании были проиллюстрированы различные способы оформления предложений со словом *等等* (děngděng) на письме и рассмотрены варианты его дублирования в разговорной речи.

Список литературы

- 1) Корпус ВСС (ВСС 语料库). <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (Дата обращения: 20.07.2023) (на кит.яз.)
- 2) Чэнь Баолянь. (陈宝莲) Сопоставительный анализ частиц перечисления *等* (děng) и *等等* (děngděng). (列举助词“等”与“等等”辨析) *Журнал Хуайбэйского угольного педагогического университета*. 2008. Вып. 29. №5. С. 115-120 (на кит.яз.)
- 3) Ян Шучжан. (杨淑璋) Некоторые способы употребления местоимений *等* (děng) и *等等* (děngděng). (代词“等”和“等等”的一些用法) *Преподавание и изучение языков*. 1981. №1. С. 66-72 (на кит.яз.)
- 4) Лю Гунван. (刘公望) Обзор грамматических функций и частеречной принадлежности *等* (děng) и *等等* (děngděng) (试论“等”和“等等”的词性及语法功能) *Вестник Тибетского университета*. 1998. №1. С. 93-97 (на кит.яз.)
- 5) Чжу Цзюнь. (朱军) Исследование семантических и синтаксических особенностей частицы перечисления *等* (děng) и связанных с ней структур (列举助词“等”及相关结构的句法、语义特点研究) *Преподавание и изучения языков*. 2008. №1. С. 42-49 (на кит.яз.)
- 6) Люй Шусян. (吕叔湘) *Восьмьсот слов современного китайского языка* (现代汉语八百词). Пекин: Коммерческое изд-во, 1999. 760 с. (на кит.яз.)
- 7) Чжан Бинь, Чжан Ишэн. (张斌, 张谊生) *Служебные слова современного китайского языка* (现代汉语虚词). Шанхай: Изд-во Восточно-китайского педагогического университета, 2000. 315 с. (на кит.яз.)
- 8) Ма Чжэнь. (马真) *Методология исследования служебных слов современного китайского языка* (现代汉语虚词研究方法论). Пекин: Коммерческое изд-во, 2004. 341 с. (на кит.яз.)
- 9) Чжан Ишэн. (张谊生) *Частицы и их конструкции* (助词与相关格式). Хэфэй: Изд-во образования Аньхуэй, 2002. 384 с. (на кит.яз.)
- 10) Бай Сяохун. (白晓红) *Пятнадцать лекций по служебным словам китайского языка* (汉语虚词15讲). Пекин: Изд-во Пекинского университета языка и культуры, 2007. 315 с. (на кит.яз.)

- 11) Ян Юйлин, Ин Чэньцзинь. (杨玉玲, 应晨锦) *Ответы на вопросы по грамматике современного китайского языка* (现代汉语语法问答). Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2011. Ч. 1. 266 с. (на кит.яз.)
- 12) Краткий словарь способов употребления служебных слов современного китайского языка (现代汉语虚词用法小词典) / под ред. Ван Цзыцяна (王自强). Шанхай: Шанхайское лексикографическое изд-во., 1984. 239 с. (на кит.яз.)
- 13) Чжу Ичжи. (朱一之) *Терминологический словарь грамматики современного китайского языка* (现代汉语语法术语词典). Пекин: Изд-во преподавания китайского языка, 1990. 501 с. (на кит.яз.)
- 14) Гао Гэншэн. (高更生) *Исследование грамматики китайского языка* (汉语语法研究). Цзинань: Народное изд-во пров. Шаньдун, 2008. 321 с. (на кит.яз.)
- 15) Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. 685 с.
- 16) Словарь современного китайского языка (现代汉语词典) / под ред. Лингвистического исследовательского института Китайской академии общественных наук. Шанхай: Коммерческое изд-во, 2001. 1722 с. (на кит.яз.)
- 17) Практический стандартизированный словарь современного китайского языка (实用现代汉语规范词典) / под ред. Ян Фэна (杨枫). Цзилинь: Изд-во Цзилиньского университета, 2001. 1565 с. (на кит.яз.)
- 18) Словарь служебных слов современного китайского языка (现代汉语虚词词典) / под ред. Тао Жаня (陶然). Пекин: Изд-во Китайского международного радиовещания, 1995. 346 с. (на кит.яз.)
- 19) Цзоу Чжэчэн. (邹哲承). Функционирование 等(děng) и 等等(děngděng) (助词“等”与“等等”的作用). *Лингвистические исследования*. 2007. №4. С. 33-36. (на кит.яз.)

References

- 1) Corpus BCC. <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (accessed: 20.07.2023) (In Chinese)
- 2) Chen Baolian. Distinguish between enumerating particles 等(děng)&等等(děngděng). *Journal of Huaibei Coal Pedagogical University*. 2008. Vol.29. No. 5. pp. 115-120 (In Chinese)
- 3) Yang Shuzhang. Some ways of using the pronouns 等(děng) and 等等(děngděng). *Language Teaching and Learning*. 1981. No. 3. pp. 66-72 (In Chinese)
- 4) Liu Gongwang. Overview of grammatical functions and part-speech 等(děng) and 等等(děngděng). *Bulletin of the Tibetan University*. 1998. No. 1. pp. 93-97 (In Chinese)
- 5) Zhu Jun. Study of the semantic and syntactic features of the enumeration particle 等(děng) and related structures. *Teaching and learning languages*. 2008. No. 1. pp. 42-49 (in Chinese)
- 6) Lv Shuxiang. Eight hundred words of Modern Chinese. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1999. 760 p. (in Chinese)

- 7) Zhang Bin, Zhang Yisheng. Function words of modern Chinese. Shanghai: Huadong shifan daxue chubanshe, 2000. 315 p. (in Chinese)
- 8) Ma Zhen. Methodology for the study of function words of modern Chinese. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2004. 341 p. (in Chinese)
- 9) Zhang Yisheng. Particles and their constructions. Hefei: Anhui jiaoyu chubanshe, 2002. 384 p. (in Chinese)
- 10) Bai Xiaohong. Fifteen Lectures on Function Words of Chinese. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2007. 315 p. (in Chinese)
- 11) Yang Yulin, Ying Chenjin. Modern Chinese Grammar Answers. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2011. P. 1. 266 p. (in Chinese)
- 12) Brief Dictionary of the Ways of Using Functional Words in Modern Chinese / ed. Wang Ziqiang. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 1984. 239 p. (in Chinese)
- 13) Zhu Yizhi. Modern Chinese Grammar Terminology Dictionary. Beijing: Huayu jiaoxue chubanshe, 1990. 501 p. (in Chinese)
- 14) Gao Gengsheng. Chinese Grammar Study. Jinan: Shandong renmin chubanshe, 2008. 321 p. (in Chinese)
- 15) Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary / ed. V. N. Yartseva. 2nd ed. M.: Bol'shaya Rossiiskaya Enciclopediya, 1998. 685 p. (In Russ.)
- 16) Dictionary of Modern Chinese / ed. Linguistic Research Institute of the Chinese Academy of Social Sciences. Shanghai: Shangwu yinshuguan, 2001. 1722 p. (in Chinese)
- 17) Practical Standardized Dictionary of Modern Chinese / ed. Yang Feng. Jilin: Jilin daxue chubanshe, 2001. 1565 p. (in Chinese)
- 18) Dictionary of function words of modern Chinese / ed. Tao Ran. Beijing: Zhongguo guoji guangbo chubanshe, 1995. 346 p. (in Chinese)
- 19) Zou Zhecheng. Functioning of 等(děng) and 等等(děngděng). *Linguistic research*. 2007. No. 4. pp. 33-36. (in Chinese)

Сведения об авторе

Береза Евгения Викторовна

Доцент, канд. филол. наук

Амурский государственный университет,
кафедра китаеведения

Россия, Амурская обл., г. Благовещенск,
ул. Игнатъевское шоссе 21, к. 7, ауд. 503

kravchenko0992@mail.ru

Information about the author

Evgeniia V. Bereza

Associate Professor, Candidate of Philology
Amur State University, Department of Chinese Studies

Russia, Amur region, Blagoveshensk town,
Ignatievskoe highway street 21, building 7,
classroom 503

kravchenko0992@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

**The phenomenon of graphic derivation
in Chinese Internet communication**

**Феномен графодеривации в китайской
интернет-коммуникации**

Котельникова Надежда Николаевна

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия*

kotelnikova_n_n@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0001-9900-1983>

Nadezhda N. Kotelnikova

*Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, Russia*

kotelnikova_n_n@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0001-9900-1983>

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-21-34](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-21-34)

АННОТАЦИЯ

Китайский интернет-сленг характеризуется высокой скоростью расширения и обновления лексического арсенала, создаваемого с помощью различных средств лингвокреатива. При этом языковые игры и словообразовательные эксперименты затрагивают не только семантику и морфологию, модернизации подвергается и графическая форма слова, результатом чего становится появление визуальных неологизмов, создаваемых с помощью графодеривации. В настоящей статье рассматриваются три основных вида сознательного изменения графического облика слова в китайской интернет-коммуникации: создание новообразований графическими средствами одного

ABSTRACT

Chinese Internet slang is characterized by a high rate of expansion and renewal of the lexical arsenal created with the help of various means of linguistic creativity. Language games and word-formation experiments affect not only semantics and morphology, the graphic form of the word is also undergoing a modernization process. As a result we can observe mass appearance of visual neologisms created with the help of graphic derivation. This article discusses three main types of conscious change in the graphic appearance of a word in Chinese Internet communication: creation of a neoplasm by graphic means of one language (both with the help of Chinese characters and with the help of Latin alphabet),

языка (как с помощью иероглифики, так и на основе латиницы), при помощи сочетания графических средств разных языков, а также с использованием неязыковых знаков. Проанализированы сущность и функциональные особенности графодериватов, обозначены причины их широкого распространения в китайском интернет-пространстве.

Ключевые слова: китайский язык, интернет-коммуникация, графические неологизмы, графодеривация, монографикация, полиграфикация, кодографикация, эрративы

Для цитирования: Котельникова Н.Н. Феномен графодеривации в китайской интернет-коммуникации. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (4). С.21–34 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-21-34>

В соответствии с данными, представленными в Отчете о развитии Интернета в Китае, который был опубликован в марте 2023 г. Информационным центром интернет-инфраструктуры Китая (中国互联网络信息中心), численность жителей Китая, пользующихся интернетом, к концу 2022 г. достигла 1,067 млрд. человек, 97,2% которых используют его в первую очередь как средство общения (Пятьдесят первый... 2023). В интернет-общении, которое максимально приближено к устной форме коммуникации, соблюдение языкового стандарта уступило место скорости и простоте передачи информации. На китайских виртуальных просторах сформировался

by combination of graphic means of different languages, and by using non-linguistic signs. The essence and functional features of graphic neologisms are analyzed, the reasons for their widespread use in the Chinese Internet space are indicated.

Keywords. Chinese language, Internet communication, graphic neologisms (grapho-derivatives), types of graphic derivation, erratives

For citation: Kotelnikova N.N. The phenomenon of graphic derivation in Chinese Internet communication. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№4). P.21-34 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-21-34>

особый интернет-язык (网络语言) — интернет-сленг, имеющий свои законы и пути развития, предполагающий использование определенной манеры общения, определенного набора лексики и способов подачи информации. Этот подъязык характеризуется высокой скоростью расширения и обновления лексического арсенала, создаваемого с помощью различных средств лингвокреатива. При этом языковые игры и словообразовательные эксперименты затрагивают не только семантику и морфологию, модернизации подвергается и графическая форма слова, результатом чего становится появление визуальных неологизмов, получивших название «графодериваты».

Термин деривация (от лат *derivatio* — отведение, отклонение) в трудах по языкознанию используется в качестве гиперонима, обозначающего процесс развития или преобразования языковых единиц любого уровня. Как отмечают Т.М. Шкапенко и С.С. Ваулина, «деривация есть общий, универсальный процесс образования вторичных языковых знаков, отдельные уровни которого отличаются лежащими в их основе когнитивными механизмами, целями номинативных актов, типом мотивирующих элементов и образуемых дериватов» (Шкапенко 2020, 211). На основе данных параметров выделяют три уровня деривации: семантическая, морфологическая и графическая. В настоящей статье рассматривается лишь один из этих трех уровней — графодеривация, представляющая собой особый интерес в связи с иероглифическим характером китайской письменности.

Н.В. Перцов определяет графодеривацию как «один из широко распространенных в настоящее время окказиональных способов словообразования, в основе которого лежит принцип нарушения и обыгрывания графическо-орфографической формы слова» (Перцов 2001, 216). Т.В. Попова описывает сущность этого явления как «способ образования новых слов с использованием приемов графической языковой игры» (Попова 2007, 230). В более широком смысле графодеривацию можно понимать как «необычное графическое оформление новых языковых единиц или изменение графического облика существующих слов, словосочетаний и предложений» (Тошович, 2019, 27). В этом случае графодериватом можно называть языковую единицу, являющуюся результатом

не только необычной графической организации нового производного слова, но и графической реорганизации существующего слова, т.е. графический вариант слова. Особенность графодериватов состоит в том, что их новизна воспринимается только «на глаз», а звуковой облик слова либо не затрагивается совсем, либо подвергается незначительной деформации.

Ряд ученых делают акцент на окказиональной (т.е. единичной, случайной) природе графодериватов. Так, например, А.С. Пучнина отмечает, что эти графические неологизмы чаще всего бывают единожды употреблены в определенном дискурсе, и, возникнув в определенных контекстуальных условиях, не получают массового распространения (Пучнина 2013, 102). Однако мы придерживаемся мнения о том, что часть графодериватов вполне успешно проходит процесс узуализации (т.е. вхождения во всеобщее, в больших или меньших масштабах, пользование), чему, безусловно, способствует стремительное развитие интернет-технологий. Так, например, говоря о китайском сегменте Интернета, следует отметить большое количество графодериватов, которые, изначально возникнув как индивидуально-авторские визуальные неологизмы, получили широкое распространение в сети и в настоящее время не только активно воспроизводятся членами китайского интернет-сообщества, но и фиксируются в лексикографических источниках. Материалом для настоящего исследования как раз послужили графодериваты из числа популярных китайских интернет-неологизмов. Подбор примеров для анализа был осуществлен методом целенаправленной выборки

из текстов чатов и форумов китайского многофункционального коммуникационного приложения WeChat (微信), списков популярной интернет-лексики (网络流行语大全), ежегодно публикуемых на разных интернет-ресурсах, а также опубликованного в 2023 г. «Словаря неологизмов китайского языка (2000-2020)» (汉语新词语词典(2000-2020)).

В попытке дать классификацию графодериватам китайского интернет-сленга мы опираемся на классификацию и терминологическое описание, предложенные Т.В. Поповой (Попова 2013), в основе которых лежит характер элементов, используемых с целью образования графодериватов. В соответствии с этим критерием Т.В. Попова выделяет следующие виды графодеривации: монографикация, полиграфикация, кодографикация, типографикация (Там же).

1. Монографикация

Под монографикацией понимается создание новообразований графическими средствами одного языка. Говоря о китайском интернет-сленге, можно выделить два вида монографодериватов: графические неологизмы, созданные средствами китайского иероглифического письма, и монографодериваты, созданные на основе латиницы.

1.1. Иероглифические монографодериваты

1.1.1. Эрративное написание слов

Значительную долю монографодериватов китайского интернет-сленга составляют эрра-

тивы (от лат. «errare» — ошибаться) — «слова или выражения, подвергнутые умышленному искажению носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания особого эффекта» (Арпентьева 2018, 6). Эрративы искажают письменную норму, воспроизводя устную форму слова, при декодировании сообщения адресат внутренней речью воспроизводит заданное произношение. Для этого китайские интернет-пользователи используют омонимичные иероглифические единицы, например: 杯具 (bēijù — чашка, стакан) вместо 悲剧 (bēijù — трагедия, драма); 栗子 (lìzi — каштан) вместо 例子 (lìzi — пример). Однако устная форма чаще всего воспроизводится также с неким искажением, прежде всего в тональном рисунке слова, например: 果酱 (guǒjiàng — повидло, варенье) вместо 过奖 (guòjiǎng — пере-хваливать, давать слишком высокую оценку); 鸭梨 (yālǐ — груша яли — известный сорт груш из провинции Хэбэй) вместо 压力 (yālì — давление, напряжение, нагрузка); 油墨 (yóumò — типографская краска) вместо 幽默 (yōumò — юмор).

Слоговый характер китайского языка, в котором слог является неделимым устойчивым звукообразованием, и ограниченное количество слогов (всего 418 слогов без учета тональных различий) приводят к регулярной омонимии на уровне слога. При фонетическом клавиатурном вводе иероглифов электронное устройство само предлагает на выбор несколько вариантов знаков, соответствующих введенной фонетической комбинации. Чаще всего невозможно установить, сознательно ли по ошибке (автоматически выбран редактором

метода ввода) был введен интернет-пользователем тот или иной неверный иероглиф, однако, если искаженное слово приобретает в связи с изменением удачный дополнительный семантический контекст и «подхватывается» другими участниками коммуникации, то такое ошибочное написание довольно быстро в интернет-среде становится «нормой». Эрративное написание этих слов позволяет соотносить их с разными мотиваторами, что обуславливает неоднозначное осмысление производного, придает ему яркую ироничную окраску. Например: 美眉 (měiméi — красотка; *досл.* красивые брови) вместо 妹妹 (mèimèi — младшая сестра; *обращение к молодой женщине*); 大虾 (dàxiā — королевская креветка) вместо 大侠 (dàxiá — интернет-эксперт, продвинутый интернет-пользователь); 泥 (ní — грязь) вместо 你 (nǐ — ты); 歪果仁 (wāiguǒrén — *досл.* кривой орех) вместо 外国人 (wàiguórén — иностранец); 菌男 (*досл.* 菌 jūn — грибок, плесень, микроб, бактерия + 男 nán — мужчина) вместо 俊男 (jùnnán — красавчик); 央屎 yāng shǐ — (*досл.* 央 yāng — центральный + 屎 shǐ — кал, дерьмо) вместо 央视 yāngshì — центральное телевидение). Подобная «игра с графикой» является примером нелинейной графодеривации, суть которой состоит в том, что «слова, и соответственно смыслы, наслаиваются на одном и том же материальном отрезке, на одной и той же цепочке языковых знаков» (Маринова 2005, 129). Экспрессивный потенциал таких графических неологизмов значительно выше, чем у тех, в которых «семантическое приращение отсутствует» (Там же).

Эрративы в китайской интернет-коммуникации используются и в тех случаях, когда адресант имитирует особенности разговорного или диалектного произношения. В Китае существует множество диалектов, некоторые из которых соответствуют критериям полноценного языка, например кантонский, шанхайский и др. Фонетические особенности диалектов способствуют формированию определенного акцента у их носителей при разговоре на официальном китайском языке путунхуа. Так, например, в южных диалектах редко встречаются ретрофлексные инициалы «zh», «ch», «sh», поэтому носители этих диалектов в своей речи на путунхуа произносят их как апиально-зубные «z», «c», «s». С помощью эрративов интернет-пользователи имитируют эти отступления от произносительных норм путунхуа, например: 葱白 (cōngbái — стебель лука) вместо 崇拜 (chóngbài — восхищаться, преклоняться); 筒子 (tǒngzi — труба) вместо 同志 (tóngzhì — товарищ; *разг.* гомосексуал). В некоторых диалектах (провинции Хунань, Хубэй, Сычуань, Аньхой, Фуцзянь и др.) инициаль «h» произносится как губно-зубной «f», в результате чего появились такие эрративы как 稀饭 (xīfàn — жидкая каша), употребляемый вместо 喜欢 (xǐhuan — нравится), и 粉 (fěn — порошок), употребляемый вместо 很 (hěn — очень). В диалектах провинций Цзянсу и Аньхой и большей части диалектов группы У нет различий между переднеязычными («-n») и заднеязычными («-ng») носовыми финалями, результатом чего стало появление популярного эрратива 盆友 (*досл.* 盆 pén — миска + 友 yǒu — друг), употребляемого вместо 朋友 (péngyou —

друг) (Диалекты ...). Приведем еще несколько примеров широко распространенных интернет-эративов, возникших как результат имитации региональных особенностей произношения: 虾米 (xiāmǐ — сушеные креветки) вместо 什么 (shénme — *вопросит. что? какой?*) под влиянием южнофуцзяньского диалекта; 木油 (mùyóu — древесное масло) вместо 没有 (méiyǒu — не иметь) под влиянием шанхайского диалекта; 阔以 (досл. 阔 kuò — широкий + 以 yǐ — *служ.слово*) вместо 可以 (kěyǐ — мочь, можно) под влиянием сычуаньского диалекта; 淫 (yín — порочный, безнравственный) или 银 (yín — серебро) вместо 我 (wǒ — я, мой) под влиянием дунбэйского диалекта; 额 (é — лоб) вместо 我 (wǒ — я, мой) под влиянием диалектов провинций Шэньси и Шаньси (Цзэн Хайпин 2009, 140).

Некоторым южным диалектам, в частности кантонскому диалекту, диалектам провинции Фуцзянь, Гонконга и Тайваня, свойственно явление стяжения слогов (合音), которое подразумевает слитное произнесение двух слогов как одного (Сюй Мэй 2016, 136). Это фонетическое отклонение от произносительной нормы путунхуа также фиксируется в интернет-сленге с помощью эративного написания. Например: 不要 (bùyào — не надо) записывается как 表 (biǎo); 有时候 (yǒushíhòu — иногда) заменяется на 有兽 (yǒushòu), а 今天 (jīntiān — сегодня) передается с помощью иероглифа 间 (jiān).

Еще одной из причин распространения эративов в китайском интернет-пространстве является система веб-цензуры. Национальный проект интернет-филтрации «Золотой

щит» (金盾工程), также известный как «Великий китайский файрвол» (防火长城), начал реализовываться в 2003 г. и уже к 2006 г. охватил почти 100% Интернет-пространства Китая. С его помощью власти КНР не только защищают китайское информационное поле от деструктивного влияния извне, изолируя его от проникновения нежелательного (по мнению правительства) контента, но и осуществляют контроль за своим населением. В 2017 г. в силу вступил Закон о кибербезопасности, предполагающий локализацию персональных данных и расширение полномочий правительства в области получения и распространения информации. Закон обязал интернет-компании и сервисы обмена сообщениями регистрировать пользователей исключительно под их настоящими именами, что дало дополнительный импульс усилению самоцензуры. Чтобы избежать возможных для себя неприятных последствий, многие интернет-пользователи, высказываясь на нежелательные для обсуждения темы, намеренно используют ошибочное написание слов, что позволяет обходить интернет-фильтры (Чи Чанхай 2022). Например: 浮拜 (досл. 浮 fú — плавать + 拜 bài — кланяться) вместо 腐败 (fǔbài — коррупция); 正腐 (досл. 正 zhèng — прямой + 腐 fǔ — разлагаться) вместо 政府 (zhèngfǔ — правительство); 皿煮 (досл. 皿 mǐn — сосуд + 煮 zhǔ — варить) вместо 民主 (mínzhǔ — демократия); 几圈 (досл. 几 jǐ — несколько + 圈 quān — круг) вместо 集权 (jíquán — централизация власти); 方义 (досл. 方 fāng — квадрат + 义 yì — долг) вместо 防疫 (fángyì — борьба с эпидемией).

Эрративы, образованные на основе созвучия, часто используются и для «визуальной эвфимизации» обсценной и сниженной лексики, часто употребляемой в интернет-коммуникации, например: 草泥马 (cǎonímǎ — лошадка из глины с соломой) вместо 操你妈 (cāonǐmā — *груб.* твою мать!); 煞笔 (shābǐ — эпилог, заключительное слово) вместо 傻逼 (shǎbī — *вульг.* неприятный человек).

1.1.2. Разложение иероглифов на графемы

Одним из способов монографикации в китайском языке является разложение иероглифов на графемы (拆字). Графема — минимальная графическая часть иероглифа, обладающая собственным устойчивым лексическим значением. Способ «графического расчленения» иероглифов преимущественно используется в интернет-коммуникации с целью эффатического выделения слова, например: 马又虫 вместо 骚 (sāo — беспокоиться); 丁页 вместо 顶 (dǐng — поддерживать, выражать одобрение); 竹本 вместо 笨 (bèn — глупый). Подобному графическому искажению подвергаются не только односложные слова, но и многосложные лексические образования, например: 火暴女子 вместо 爆好 (bàohǎo — отлично, превосходно); 走召弓虽 вместо 超强 (chāoqiáng — суперсильный); 彳亍口巴 вместо 行吧 (xíngba — *разг.* да ладно, ну всё). Графодеривация этого типа, по нашему мнению, схожа с явлением графической пролонгации звуков (многократного повторения при письме одной или нескольких букв в слове), часто используемой в интернет-коммуникации носителями языков с буквенной письменностью, например: Привееееет!

Клааааааааааа! Лооооооооооо! Таким образом, интернет-пользователи, лишенные вспомогательных паралингвистических средств выражения своих эмоций, стремятся графически придать эмоциональную значимость своему сообщению. Поэтому подобному расчленению часто подвергаются китайские междометия, за счет чего происходит дополнительное усиление их экспрессивно-эмоциональной функции, например: 口区 вместо 呕 (ōu — *междомет., выражающее неприязнь, отвращение*); 口黑 вместо 嘿 (hēi — *междомет., выражающее удивление*); 口可 вместо 呵 (hē — *междомет., выражающее изумление, восхищение*); 口我 вместо 哦 (ò — *междомет., выражающее понимание чего-л.*).

Еще одной функцией этого способа графодеривации является избегание прямого употребления нецензурной или сниженной лексики (Бай Сяоли 2009, 148), например: 米共 вместо 粪 (fèn — кал, дерьмо); 蠢虫虫 вместо 蠢 (chǔn — глупый, тупой); 人也女马白勺 вместо 他妈的 (tāmāde — *груб.* твою мать).

В китайской интернет-коммуникации распространен и способ, противоположный описанному, — **слияние иероглифов** (合字), который подразумевает написание многосложного лексического образования одним иероглифом. Так, например, слово 好心 (hǎoxīn — доброта, добрый) записывается интернет-пользователями иероглифом 恏 (hào), слово 土共 (tǔgòng — компартия, пренебрежительное название Коммунистической партии Китая) записывается иероглифом 垚 (hóng), а в иероглифе 戇 (tiān) «зашифровано» ругательство 王八 (wángba — *груб.* негодяй, мерзавец). Как

и в предыдущем случае, эти иероглифы представляют собой своеобразные ребусы, содержащие информацию, которую должен декодировать адресат. Часто подобные «иероглифические лигатуры» состоят из нескольких (двух и более) одинаковых частей и используются с целью подчеркнуть усиление признака. Например, иероглиф 犇 (bēn), состоящий из трех 牛 (niú — разг. крутой) используется в значении «очень крутой», а иероглиф 糞 (méi), состоящий из двух 采 (dāi — глупый, тупой) — в значении «очень глупый». Отметим, что мы сознательно не выделяем эту категорию интернет-лексики как одну из разновидностей монографодеривации. Дело в том, что программы ввода китайских иероглифов не предполагают возможности создания новых иероглифических единиц, а предлагают к использованию лишь готовые иероглифы. Это значит, что приведенные выше примеры слитного написания не являются абсолютно новыми, придуманными интернет-пользователями иероглифами, все они уже существовали в иероглифическом фонде китайского языка, хоть и имели совершенно другие значения, а некоторые из них являются устаревшими, вышедшими из употребления. Никаких трансформаций в своем написании эти иероглифы не претерпели, интернет-пользователи лишь переосмыслили их значение, опираясь на графическую структуру знаков, поэтому, считаем, что в этом случае речь уже идет не о графической, а о семантической деривации. Подобное переосмысление интернет-пользователями значений иероглифов происходит и при использовании некоторых из них в качестве эмодзи,

однако, в отличие от предыдущих примеров, в этом случае семантическая деривация происходит не на основании структуры иероглифа, а на основе его графической формы, «картинки», напоминающей части тела человека. Например, иероглиф 囧 (jiǒng — светлый) используется в качестве смайлика, изображающего лицо грустного, подавленного человека; иероглиф 囧 (gù — гора с плоской вершиной) используется как изображение головы человека с короной; иероглиф 囧 (древнее написание иероглифа 国 guó — страна) в интернет-коммуникации изображает человека, который не знает, что сказать («нет слов»); иероглиф 囧 (mǐn — сосуд) изображает зубы и используется в значении «скрежетать зубами от гнева». Несмотря на то, что в этом случае ключевым является именно графический образ знака, к графодеривации такой способ креативного использования иероглифов мы также отнести не можем.

1.2. Монографодериваты, созданные на основе латиницы

Этот вид монографодеривации представляет собой запись китайских лексических единиц с помощью букв латинского алфавита, а точнее — с помощью букв латинизированного фонетического алфавита пиньинь (拼音), используемого для транскрибирования китайских слов. Нередко в интернет-коммуникации можно встретить слова, чаще всего односложные, полностью записанные при помощи пиньинь, но без указания тона, например: «ai» вместо 爱 (ài — любить), «ta» вместо 他/她 (tā — он/она). Однако значительно большее распространение получило явление аббревиации —

записи китайских слов с помощью первых букв транскрипции каждой из морфем, входящих в его состав, например: «hs» вместо 划算 (huásuàn — выгодный), «py» вместо 便宜 (piányi — дешевый), «fl» вместо 福利 (fúli — благосостояние), «nc» вместо 脑残 (nǎocán — идиот), «bhys» вместо 不好意思 (bùhǎoyìsi — прошу прощения). Следует отметить, что в этом случае аббревиацию нельзя рассматривать как способ словообразования, а лишь как «механизм компрессии» письменной речи, поскольку при озвучивании сообщения воспроизводится полная звуковая оболочка исходных лексических единиц, подвергшихся графодеривации.

Причиной популярности такого способа сокращенного написания слов является высокая скорость общения в киберпространстве. С помощью подобной аббревиации «кодируются» не только отдельные слова, но и популярные разговорные фразы и устойчивые выражения, например: «xswl» вместо 笑死我了 (xiàosǐ wǒle — умираю со смеху), «bdjw» вместо 不懂就问 (bù dǒng jiù wèn — не понимаешь — спроси), gwkk вместо 让我看看 (ràng wǒ kànkàn — дай я посмотрю), «nsdd» вместо 你说的对 (nǐ shuō de duì — ты говоришь верно), «yyds» вместо 永远的神 (yǒngyuǎn de shén — сленг. вечный Бог, лучший из существовавших). Однако скорость набора не является единственной причиной увлечения китайскими интернет-пользователями этим видом графодеривации, определенное влияние оказывает и популярность аббревиации в англоязычном интернет-дискурсе. Также можно согласиться с мнением Ю.М. Кувшинской о том, что аббревиатуры в интернет-коммуникации «представляют со-

бой своего рода компромисс между стремлением к экономии, к экспрессивности и желанием привлечь внимание адресата» (Кувшинская 2014, 25).

2. Полиграфиксация

Под полиграфиксацией понимают создание гибридных графических новообразований при помощи сочетания графических средств разных языков, в случае с китайским интернет-дискурсом — иероглифики и латиницы. Полиграфиксаты, часто создаваемые и используемые китайскими интернет-пользователями, представляют собой многосложные (преимущественно двусложные) слова, где одна из морфем записывается иероглифом, другая — передается с помощью алфавита пиньинь. Как и в случае с монографодериватами, созданными на основе латиницы, здесь возможно два варианта буквенного кодирования, первый из которых — полная фонетическая транскрипция одного из слогов без указания тона, например: 主bo вместо 主播 (zhǔbō — стример); 出gui вместо 出轨 (chūguǐ — досл. сойти с рельсов, обр. нарушать верность в любви); gong投 вместо 公投 (gōngtóu — референдум). Однако больше популярен прием усечения написания одного из слогов многосложного слова до одной первой буквы, например: 精P вместо 精品 (jīngpǐn — товары высшего качества, элитная продукция); 房D вместо 房贷 (fángdài — ипотечный кредит); X骚扰 вместо 性骚扰 (xìngsāorǎo — сексуальное домогательство); 缺D вместо 缺德 (quēdé — бесстыжий, безнравственный).

3. Кодографикация

Кодографикация представляет собой «создание неолексем с помощью сегментных средств разных кодовых систем, одна из которых не является естественно-языковой» (Попова 2013, 164). Как отмечают Т.М. Шкапенко и С.С. Ваулина, «кодографикаты являют собой свидетельство гибридизации самого мышления современного человека, в котором иконическая составляющая занимает все большее место» (Шкапенко 2020, 211). Подавляющее большинство кодографикатов китайского интернет-дискурса являются нумерографикатами — графическими неологизмами, созданными с помощью цифр, которыми интернет-пользователи записывают один или несколько слогов исходного слова. Этот прием основан на созвучии (иногда весьма условном) произношения цифр с произношением определенных слов или частей слов. В связи с ограниченным количеством цифр и широким распространением в китайском языке омонимии, одна и та же цифра может использоваться для замещения разных слов. Например, цифрой 5 (wǔ) в интернет-коммуникации заменяют слова 我 (wǒ — я), 无 (wú — не, не иметь), 呜 (wū — *звукоподражание плачу*), 吻 (wěn — целовать), 唯 (wéi — единственный); цифра 9 (jiǔ) используется вместо слов 就 (jiù — сразу), 走 (zǒu — идти, уходить), 救 (jiù — спасать), 久 (jiǔ — долго), 求 (qiú — просить), 旧 (jiù — старый), 球 (qiú — мяч) и др. Цифровыми комбинациями заменяются не только отдельные слова и словосочетания, но и целые предложения — в основном, разговорные фразы и устойчивые выражения, которые легко поддаются «дешифровке»,

например: 0487 (líng sì bā qī) вместо 你是白痴 (nǐ shì báichī — Ты — идиот); 25184 (èr wǔ yī bā sì) вместо 爱我一辈子 (ài wǒ yībèizi — Люби меня вечно); 57386 (wǔ qī sān bā liù) вместо 我去上班了 (wǒ qù shàngbānle — Я пошел на работу); 70885 (qī líng bā bā wǔ) вместо 请你帮帮我 (qǐng nǐ bāng bāng wǒ — Пожалуйста, помоги мне). Подобное использование цифровой раскладки клавиатуры помогает интернет-пользователям значительно экономить время при вводе сообщения. Также используются и цифровые графогриды, в которых цифра заменяет одну из слогоморфем, а вторая записывается иероглифом или латиницей, например: 7饭 (qī fàn) вместо 吃饭 (chīfàn — есть, употреблять пищу); 9吧 (jiǔ bā) вместо 酒吧 (jiǔbā — бар); 1起 (yī qǐ) вместо 一起 (yīqǐ — вместе); 9命 (jiǔmìng) вместо 救命 (jiùmìng — караул! на помощь!); 小3 (xiǎo sān) вместо 小三 (xiǎosān — содержанка, любовница); 3Q (sān + Q) вместо *англ.* thankyou (спасибо); P9 (P + jiǔ) вместо 啤酒 (píjiǔ — пиво).

Помимо нумерографикатов в китайском интернет-пространстве встречаются и кодографикаты, создаваемые с помощью математических и других компьютерных символов на основе созвучия, например: == 我 (děng (*знак равенства*) děng wǒ) вместо 等等我 (děngděng wǒ — подожди меня); +U (jiā (плюс) + U) — 加油 (jiāyóu — *фраза поддержки* Давай!, Вперёд!); ˊ死我了 (xià (внизу) sǐ wǒ le) вместо 吓死我了 (xiàsǐ wǒ le — напугал до смерти).

Примеры типографикации, под которой понимается «создание неолексем с помощью

суперсегментных средств графического (типографического) оформления текста: курсива, шрифта, подчеркивания, разного расположения относительно строки и т.п.» (Попова 2013, 168-169), нами в китайском интернет-пространстве выявлены не были. Однако были обнаружены комбинированные графодериваты, созданные с помощью сочетания нескольких видов графодеривации, например: 并du вместо 病毒 (bìngdú — вирус) — первая морфема заменена на омонимичную 并 (bìng), вторая записана фонетическим алфавитом пиньинь; 100 篊Q вместо 100 块钱 (yī bǎi kuài qián — сто юаней) — счетное слово 块 записано с помощью омонимичного 篊 (kuài), существительное 钱 (qián — деньги) обозначено первой буквой транскрипции; М一宋一 вместо 买一送一 (mǎi yī sòng yī — при покупке одной вещи вторая — в подарок) — первое слово устойчивого словосочетания записано первой буквой транскрипции, третье — омонимом; -T1 呆1 右 вместо 上天保佑 (shàngtiān bǎoyòu — Боже, сохрани!) — первое слово устойчивого словосочетания 上天 (shàngtiān — Небеса) записано с помощью знака «стрелка вверх», который соотносится с первой морфемой, и первой буквы транскрипции второй морфемы, иероглифы второго слова 保佑 (bǎoyòu — благословлять) записаны с помощью приема разложения на графемы.

Как мы можем видеть, феномен графодеривации, основанный на неординарном, каламбурном, креативном изменении графического облика слов, получил широкое распространение в китайском интернет-

пространстве. Модификация графики китайскими интернет-пользователями — это не просто способ выделиться, ее использование может преследовать разные цели: создание смысловой многоплановости слова, отражение авторских эмоций, экономия языковых средств, быстрота и удобство ввода информации, обход цензуры, передача фонетических особенностей устной речи, повышение степени вовлеченности адресата в коммуникацию в процессе декодирования информации и пр. Широкое распространение графодеривации объясняется и лингвистическими особенностями самого китайского языка, в котором *слогоморфемы*, являясь базовыми единицами китайской просодии и лексики, легко подвергаются замене, а обширный арсенал омонимов обеспечивает богатый строительный материал для новых графических образований. Кроме того, популярность графодериватов у китайских интернет-пользователей можно объяснить также и пространственно-образным типом мышления и склонностью к наглядно-образному восприятию, сформированному у носителей китайского языка под влиянием использования иероглифической системы письма.

Список литературы

- 1) *Пятьдесят первый статистический отчет о развитии Интернета в Китае (第51次中国互联网络发展状况统计报告)*. Информационным центром интернет-инфраструктуры Китая (中国互联网络信息中心), 2023. <https://cnnic.cn/n4/2023/0302/>

- c199-10755.html (дата обращения: 08.08.2023). (на кит. яз.)
- 2) Шкапенко Т. М., Ваулина С. С. Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.* 2020; Т. 19. № 6. С. 204–215.
 - 3) Перцов Н. В. *Инварианты в русском словоизменении.* Москва: Языки славянской культуры, 2001.
 - 4) Попова Т. В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка : тр. и материалы.* Москва: МГУ, 2007. С. 230–231.
 - 5) Тошович Б. Г. Семантика, стилистика и поэтика графодеривации. *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова.* 2019; № 19. С. 27–35.
 - 6) Пучнина А. С. Графодериваты как особые единицы речи. *Вестник Челябинского государственного университета.* 2013; № 16. С. 102–104.
 - 7) Попова Т. В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. *Лингвистика креатива-1. 2-е изд.* Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. С. 147–175.
 - 8) Арпентьева М. Р. Эрративы «интернетояза». *Языки и литература в поликультурном пространстве.* 2018; № 4. С. 5–14.
 - 9) Маринова Е. В. Визуальные неологизмы: новая графика «старых слов». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Филология.* 2005; Выпуск 1 (6). С. 127–132.
 - 10) Диалекты и интернет-язык (方言与网络语言). <https://www.wenmi.com/article/przemrg0313tb.html> (дата обращения: 08.08.2023). (на кит. яз.)
 - 11) Цзэн Хайпин (曾海萍). Язык интернета и диалекты (网络语言与方言). *Литература и искусство (文学艺术).* 2009; № 8. С.139–140. (на кит. яз.)
 - 12) Сюй Мэй (徐敏). Исследование популярных китайских интернет-слов, образованных с помощью слияния звуков (汉语网络流行语中的合音词探析). *Литературное образование (文学教育).* 2016; №9. С. 136–137. (на кит. яз.)
 - 13) Чи Чанхай (池昌海), Ян Чэн (杨城), Ван Ли (王莉), Ван Минь (王敏). Отчет по результатам исследования стандартов письма интернет-языка (近期互联网语言文字规范调查报). Чжэцзянский университет, 2022. https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MzIxMDA3NTU2Mg==&mid=2651237136&idx=2&sn=5f48dd63be810fd11e3b8bd021d950d&chksm=8c9821d5bbefa8c3962c90c91cbcf0e3c4ee8d5f90df619a2e0b3884c8299755af5a3599533&scene=27 (дата обращения: 08.08.2023). (на кит. яз.)
 - 14) Бай Сяоли (白小丽). Феномен расщепления и слияния иероглифов в интернет-языке (网络语言中的拆字合字表

达). *Современный язык* (现代语文). 2009; № 2. С. 148–149. (на кит. яз.)

- 15) Кувшинская Ю.М. Аббревиация в речи интернет-форумов. *Современный русский язык в интернете*. – Москва: Языки славянской культуры, 2014. С. 23–38.

References

- 1) The 51st Statistical Report on the Development of the Internet in China. <https://cnnic.cn/n4/2023/0302/c199-10755.html> (accessed: 08.08.2023) (In Chin.)
- 2) Shkapenko T.M., Vaulina S.S. Problems of Terminologization and Theoretical Description of the Language Levels of Derivation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2020. Vol. 19 (6). pp. 204–215. (In Russ.)
- 3) Pertsov N.V. *Invariants in the Russian Word Change*. Moscow: Yaziki slavyanskoi kulturi Publ., 2001. (In Russ.)
- 4) Popova T.V. Graphic derivation in Russian word-building of the late XX-th – early XXI-st cent. *The Russian Language: history and present times. The III-rd International Congress of Russian Language Researchers*. Moscow: MGU, 2007. pp. 230–231. (In Russ.)
- 5) Toshovich B. Semantics, Stylistics and Poetics of Graphic Derivation. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2019; № 19. pp. 27–35. (In Russ.)
- 6) Puchnina A.S. Graphoderivatives as special units of speech. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013. Vol. 16, pp. 102–104. (In Russ.)
- 7) Popova T.V. (2013). Creolized derivatives as elements of Russian written communication on the turn of XX–XXI centuries. *Creative linguistics - 1*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 2013. pp. 147–175. (In Russ.)
- 8) Arpentieva M.R. Erratives of Internet Language. *Languages and Literature in a Multicultural Space*. 2018; Vol. 4. pp. 5–14. (In Russ.)
- 9) Marinova E.V. Visual neologisms: new graphics of «old» words. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Philology*. 2005; Vol. 1(6). pp. 127–132. (In Russ.)
- 10) Dialects and internet language. <https://www.wenmi.com/article/pzemrg0313tb.html> (accessed: 08.08.2023) (In Chin.)
- 11) Zeng Haiping. Internet language and dialects. *Journal of literature and art studies*. 2009; Vol. 8. pp. 139–140. (In Chin.)
- 12) Xu Mei. A Study of Popular Chinese Internet Words Formed by Sound Fusion. *Literature Education*. 2016; Vol. 9. pp. 136–137. (In Chin.)
- 13) Chi Changhai, Yangcheng, Wang Li, Wang Min. *Internet Language Writing Standards Study Report*. Zhejiang University, 2022. https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzIxMDA3NTU2Mg==&mid=2651237136&idx=2&sn=5f48dd63be810fd11e3b8bd021d950d&chksm=8c9821d5bbefa8c3962c90c91cbcf0e3c4ee8d5f90df619a2e0b3884c8299755af5a3599533&scene=27 (accessed: 08.08.2023) (In Chin.)

- 14) Bai Xiaoli. The Phenomenon of Splitting and Merging Chinese Characters in the Internet Language. *Modern Language*. 2009; Vol. 2. pp. 148-149. (In Chin.)
- 15) Kuvshinskaya Yu. M. Abbreviation in the Language of Internet Forums. *Modern Russian Language in the Internet*. Moscow: Yaziki slavyanskoi kulturi Publ., pp. 23–38. (In Russ.)

Сведения об авторе

Котельникова Надежда Николаевна,

канд. пед. наук, доцент, зав.кафедрой китайского языка

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РФ, Волгоград, проспект имени В.И. Ленина, 27

kotelnikova_n_n@yahoo.com

Information about the author

Nadezhda N. Kotelnikova

PhD in Pedagogics, Associate Professor, Head of Chinese Language Department

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Russia, Volgograd, Lenin Avenue 27

kotelnikova_n_n@yahoo.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

Language expression of taboo on the material of Chinese superstitions

Языковое выражение табу на материале китайских суеверий

*Дмитриева Ольга Александровна,
Чжан Шуи*

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

*Автор, ответственный за переписку:
dmoa@yandex.ru*

*Olga A. Dmitrieva,
Zhang Shuyi*

*Volgograd State Social and Pedagogical University,
Volgograd, Russian*

Corresponding author: dmoa@yandex.ru

УДК 81-22 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-35-45](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-35-45)

АННОТАЦИЯ

В данной статье приводится этимологический и дефиниционный анализ лексемы «禁忌» (табу) на материале китайского языка. Приводится обзор научных исследований на китайском языке, посвященных табу. Целью данной статьи является изучение феномена табуизмов, отраженных в китайских суевериях с точки зрения лингвистики. Для проведения исследования были использованы следующие методы: общенаучный гипотетико-дедуктивный метод, описательный метод, метод контекстуального анализа, интерпретативный анализ. В основу выполненного исследования положена следующая гипотеза: суеверное мышление, отсутствие научных знаний, страх перед неизвестным выступили в древнем Китае «питательной средой» табуирования слов, жестов, предметов, местности. Получив отражение в языке, зафиксировавшихся в формате

ABSTRACT

This article provides an etymological and definitional analysis of the lexeme "禁忌" (taboo) on the material of the Chinese language. A review of scientific studies in Chinese on taboos is given. The purpose of this article is to study the phenomenon of taboos reflected in Chinese superstitions from the point of view of linguistics. The following methods were used to conduct the research: general scientific hypothetical-deductive method, descriptive method, contextual analysis method, interpretive analysis. The research is based on the following hypothesis: superstitious thinking, lack of scientific knowledge, fear of the unknown acted as a "breeding ground" for tabooing words, gestures, objects, and terrain in ancient China. Having been reflected in the language, fixed in the format of superstitions, taboo is reflected in modern Chinese linguoculture.

суеверий, табу находит свое отражение в современной китайской лингвокультуре.

Ключевые слова. Табуизмы; эвфемизмы; иероглиф; запрет; сверхъестественные силы; Китай

Для цитирования: Дмитриева О.А., Чжан Ш. Языковое выражение табу на материале китайских суеверий. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (4). С. 35-39 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-35-45>

Поведение человека, как и регламентация человеческого общества в целом, определяется рядом социальных прескриптивов — регуляторов коммуникативного поведения, моделирующих границы дозволенного и не дозволенного, предупреждающих и напоминающих о последствиях. По степени строгости выделяется три типа прескриптивов: жесткие прескриптивы, содержащие категоричный запрет, требования вести себя только определенным образом, носящие моральный характер; мягкие прескриптивы, соответствующие правилам здравого смысла, позволяющие выбирать ту или иную модель поведения, носящие моральный и утилитарный характер; нулевые прескриптивы, которые рассматриваются в сравнительно-сопоставительном аспекте, и означают отсутствие социальных предписаний в одной из сравниваемых культур и праве на выбор того или иного поведения, относятся к утилитарным ценностям (Дмитриева Мурзинова 2015, 14).

Keywords. Tabuisms; euphemisms; hieroglyph; prohibition; supernatural forces; China

For citation: Dmitrieva O.A., Zhang Shuyi. Language expression of taboo on the material of Chinese superstitions. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№4). P. 35-39 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-35-45>

В рамках данной статьи нас интересуют жесткие и мягкие прескриптивы, нулевые мы будем анализировать в перспективе, при сопоставлении китайских и русских прескриптивов, отраженных в суевериях.

Одной из древнейших форм регулирования поведения человека являются суеверия. В китайском обществе, со времен неолита и до сегодняшнего дня, суеверия занимают важную часть в системе мировоззрения, существует множество традиций и запретов, связанных с религией, фольклором и поверьями. Ни технологический прогресс, ни научный прорыв, ни доступность образования не смогли искоренить суеверия из системы жизненных приоритетов китайцев. Самыми известными и общераспространенными являются суеверия, связанные с цифрой четыре, со лексемами: "смерть", "боль", "болезнь" и "убийство", а также с цветовой символикой.

По своему содержанию суеверия являются табу, то есть традиционным сакральным запретом на определённые действия, слова или предметы в обществе или культуре. С позиции жесткости, табу относится к категории жестких сакрализованных прескриптивов, поскольку однозначно отвергает какой-либо компромисс в выборе модели поведения.

Этимологически слово "табу" связано с полинезийскими языками, в 1777 году Джеймс Кук в своих записях использовал слово "taboo" для описания местных обычаев на островах Тонга и Новой Зеландии, именно с этого момента лексема вошла в научный обиход для обозначения запретов и традиций, связанных с религией, магией, обрядами и т.д. (Фрезер 1983, 190). Именно по этой причине мы рассматриваем суеверия не как запрет, а именно в качестве табу.

В китайском языке для обозначения табу используется слово «禁忌» (табу). Обратимся к словарным дефинициям, предварительно рассмотрим каждый иероглиф в отдельности.

Как известно, в китайском языке присутствуют четыре тона, которые несут смысловозначительную функцию. Иероглиф «禁» (запрещать) в китайском языке полифоничен, его значение в первом и четвертом тоне совершенно разное. Иероглиф «禁» (запрещать) в слове «禁忌» (табу) является четвертым тоном. Этот момент требует особого внимания.

В «Китайский онлайн-словарь» иероглиф «禁» (запрещать) означает: предметы, запрещённые законом или обычаем, места, которые

нельзя свободно посещать (Китайский онлайн-словарь). Иероглиф «忌» (завидовать) означает: ненависть и страх (там же). Слово «禁忌» (табу) имеет два значения: 1) запрещенные слова или действия; 2) запрет на прием лекарства с несовместимыми веществами с целью предотвращения нанесения вреда организму (там же).

Обратимся к словарю «说文解字» (Происхождение китайских иероглифов), составленным Сюй Шэнем, конфуцианским учёным и литератором из династии Восточная Хань (25-220 г в. н.э.). Это самый ранний языковой словарь в Китае и в мире, содержащий анализ форм китайских иероглифов и их этимологию (百度百科). Согласно словарю, иероглиф «禁» (запрещать) означает табу (说文解字) — «禁—吉凶之忌也。», иероглиф «忌» означает ненависть и отвращение (там же) — «而忌—憎恶也。».

В онлайн-словаре «Сто ответов знаний», иероглиф «禁» (запрещать) относится к поведению, которое не соответствует законам или принятым социальным нормам, например, указывает на место, где жили древние императоры и куда обычным гражданам запрещалось входить (百答知识字典). «忌» (завидовать) относится к таким эмоциям, как ревность, ненависть и также обозначает запрет. В дополнение к этому иероглиф означает день смерти родственника и считается несчастливым (там же).

Согласно «Словарю Cihai» иероглиф «禁» (запрещать) означает табуированное поведение или предмет, а также ограничения, зафиксированные в правилах или законах (辞海). «忌» (бояться) обозначает эмоции (ненависть

и страх), связанные с днями памяти усопших предков (там же). Слово «禁忌» (табу) относится к действиям и словам, запрещенным с древних времен и вызывающим страх. Фан Е, известный историк династии Сун в Южных династиях (420-479 г. н.э.), писал в историческом очерке «后汉书» (Книга поздней Хань) о том, что во времена династии Хань монархи недостаточно много учились, постоянно нарушали табу, что привело к гибели страны, а монархи завоевали плохую репутацию (там же).

В энциклопедии Baidu слово «禁忌» (табу) объясняется следующим образом: 1) относится к словам и поступкам, которые строго запрещены; 2) относится к другим лекарствам и продуктам питания, которые нельзя принимать одновременно, чтобы не вызывать нежелательных химических реакций и не подвергнуть опасности здоровье. Уточняется этимология слова: «禁忌» (табу) происходит из языка коренных жителей Полинезийских островов в центральной части Тихого океана и означает «священный» и «неприкасаемый» (百度百科).

Анализ перечисленных дефиниций показывает, что в Древнем Китае табуировались явления, предметы, территория, слова.

С точки зрения психологии, процесс табуирования представляет собой следующие шаги: согласно иррациональному магическому мышлению, сформировавшемуся в древности на фоне столкновения с природными стихиями и отсутствия научного познания, возникает желание подчинить, контролировать или предсказывать негативные явления в жизни, вследствие чего язык, объекты, определенные моде-

ли поведения подвергаются сакрализации. Члены общества наделяют язык магической силой, собственно, в этот момент начинает проявлять себя магическая функция языка: язык как субъект коммуникации, сам по себе может принести людям счастье и несчастье, является источником бедствия и благополучия. Всякий, кто оскорбит этот источник, получит двойное наказание, напротив, кто угодит этому источнику, будет утешен и благословлен. Это естественным образом приводит к появлению языкового табу (Лю Янь 2014, 4). Сакрализация слов, явлений, предметов, жестов приводит к приращению символического значения, порождает стремление заменить табуированный элемент или вообще уклониться от контакта с ним (Чэнь Сюе 2016, 63). Идеалистический взгляд на язык утверждает, что язык — явление таинственное, и между языковыми символами и объективными вещами существует таинственная связь, именно поэтому язык часто обладает сверхъестественной силой (Хуан гочэн 2000, 33).

Являясь элементом культуры, табу зафиксированы в языке в формате суеверных предписаний. При этом табу можно разделить на вербальные и невербальные (Попова Куликова 2019, 11).

Обращаясь к литературным источникам, мы обнаружили первое упоминание лексемы «禁忌» (табу) в произведении «汉书·艺文志» («Ханьшу Ивэньчжи (Лю Янь 2014, 5), где говорится об упрямых людях, которые активно прибегали к гаданиям, отказывались от работы, которую могли делать своими силами,

опираясь на философское направление инь-янь, верили в сверхестественные силы, избегали некоторые виды деятельности, отнесенные ими к табу. С этого периода апелляция к лексеме «禁忌» (табу) встречается в многочисленных источниках, согласно которым, табу можно просто разделить на поведенческие табу и языковые табу. Поведенческие табу — это поведение, которого следует избегать или запрещать. Языковые табу — запрет на использование определенных слов (Лю Янь 2014, 2).

Феномен табу привлек внимание специалистов широкого круга, в том числе и лингвистов, т.к. именно в языке табу получило свою фиксацию и трансляцию из поколения в поколение. В Китае изучать табу начали в середине XX века. Одним из первых исследований является труд известного историка и педагога Чэнь Юаня «史讳举例» («Примеры исторических табу»), написанный в 1940-х годах. В рамках фольклористики в 1991 г. табу рассмотрел Цюй Яньбинь «中国民间隐语行话» («Жаргон китайского народного»). В 1994 г. лингвист Линь Луньлунь опубликовал работу под названием «中国言语禁忌和避讳» («Китайские речевые табу»), в ней обсуждались причины появления табуированных слов (百度文库). Чжан Синьци разъясняет социальную культурную функцию табу, изучая культуру табу, содержащуюся в произведениях китайского народного искусства. С позиций национальной культуры подчеркивается национальное своеобразие слова табу. Цай Сяюнь считает, что табуированные слова — это слова, которые нельзя произносить небрежно в повседневной жизни и социальном общении, иначе это вызовет у слушате-

ля негативные эмоции. Основное внимание уделяется выяснению характеристик табуированных слов с точки зрения коммуникативного этикета. Как мы видим, китайские специалисты определяют понятие табу, определяют причину и функции, выделяют формы проявления табу в языке, подчеркивают масштабность данного явления, акцентируют внимание на этнокультурном своеобразии табу.

На территории Китая в разных регионах отмечаются территориально-обусловленные табу, это связано и с историческим прошлым каждой административной единицы, и с особенностью местных народных обычаев. Универсальным критерием табуированных единиц является преемственность, передача из поколения в поколение на протяжении тысячелетия. Со временем одиночные лексемы и элементы невербального коммуникативного поведения объединяются и формируют уникальный лингвокультурный пласт. Сфера проявления табуизмов довольно широка: это быт, профессиональная деятельность, учеба, здравоохранение. Устойчивость табуированных элементов в современном обществе и их региональное своеобразие объясняется в пословице: «出门问禁, 入乡随俗» (Ли Вэньцзянь, Сунь Ячун 2021, 113) — когда человек отправляется в другие регионы, он должен понимать местные обычаи и табу, для того, чтобы быстрее интегрироваться в местное сообщество, выработать стиль поведения, которое не будет являться языковой помехой при общении с местным населением.

Табуирование лексем накладывает правила использования их в речи, на основе которых мы предлагаем выделить следующие постулаты:

- 1) Следи за правильной артикуляцией. Нельзя произносить слова небрежно, т.к. это может вызвать у собеседника отрицательные эмоции и негативные переживания.
- 2) Помни место и время, выбирая слова. Сказанное не вовремя или неуместно слово может привести к возмездию в будущем.
- 3) Избегай табуизмов. Не использование табуированных вербальных и невербальных единиц является гарантией благополучия.

Рассмотрим характерные табуизмы в китайском языке. Одним из древнейших табу является табуирование личных имен. Эта традиция имеет долгую историю. В Древнем Китае, во времена династии Чжоу сформировалось правило не называть умершего человека именем, которое он носил при жизни с целью разделения мира живых и мертвых. Согласно верованию, сущности потустороннего мира не должны знать первоначальное имя человека, чтобы не причинить вреда всему, что связано с умершим и осталось в мире живых. Во времена династий Цинь и Хань имена людей также должны были быть табуированы при жизни. Эта традиция связана с распространением магических ритуалов – колдовства, знание настоящего имени посторонним человеком могло привести к негативным последствиям. Процветала вера в то, что произнесение или написание имени человека может способствовать отнятию у него силы, энергии, здоровья, и даже привести к смерти или накликать несчастья. Первоначально табу на использование личных имен зародилось среди представителей высшего со-

словия, а позже стало распространено и завоевало популярность среди простых людей (百度文库). В китайском языке табу на использование личных имен отрефлектировано в слове «避讳» (табу на имена) и, по сути, представляет собой жесткий прескриптив. В речи при упоминании представителей власти (монарха и чиновников), старейшин, мудрецов, родителей, предков использовались эвфемизмы, позволявшие выразить уважение к этим личностям.

Всеобщий принцип табуирования личных имен встречается в произведении «Биография Гуняна», написанном учёным-конфуцианцем Гуняном Гао в период Сражающихся царств (476-221 до н.э.): «春秋为尊者讳, 为亲者讳, 为贤者讳.» (Не произносите имена выдающихся людей, родственников и талантливых людей). По этой причине известный поэт династии Тан Ду Фу никогда не использовал иероглиф «闲» (Сянь) в своих стихах, т.к. его отца звали «杜闲» (Ду Сянь). Еще одним примером табуирования личных имен мы обнаружили в произведении «老学庵游记» («Записки Лаосюань»), составленные поэтом Лу Ю из династии Южная Сун: областной чиновник по имени «田登» (Тянь Дэн) запретил своим подчинённым и простым людям в области называть его по имени, а также запретил другим писать его имя. В пятнадцатый день первого месяца по лунному календарю, по обычаю, три дня должны были гореть фонари. Мелкие чиновники, написавшие уведомление, не осмелились написать иероглиф «灯». Потому что «登» (здесь имеется в виду имя чиновника) и «灯» (фонари) в китайском произношении одинаковы — дэн. Так что этот обычай был изменен на «本州依例

放火三日» (По обычаю в этой области зажигает три дня). Отсюда произошла шутка: «只许州官放火，不准百姓点灯» (Только государственным чиновникам разрешается разжигать огонь, а людям не разрешается зажигать свет.) (百度百科). В настоящее время табу на личные имена стало привычным и традиционным, вплетаясь в этикетные формулировки, не всегда осмысляемые носителями китайского языка. Китайцы избегают определённого наименования и используют другое, не вникая в первоначальный смысл этих табу, таким образом формируются этикетные правила, разделяемые всеми представителями китайской лингвокультуры.

Вторым примером жестких прескриптивов, оформленных в формате табу, является запрет на использование числительных. Так числительные 73 и 84 нельзя использовать при указании возраста человека. Исторически это табу обусловлено легендой о том, что Конфуций умер в возрасте 73 лет, а Мэн-цзы умер в возрасте 84 лет. В китайском коммуникативно-массовом сознании зафиксировалась вера в том, что это самые трудные годы в жизни человека, которые не смогли преодолеть даже мудрецы, причисленные к лику святых. Табу на использование чисел зафиксировано в идиоматике китайского языка. Например, идиома «长命百岁» обычно используется в качестве благословения молодым людям дожить до ста лет, но ее нельзя использовать для благословения пожилых людей, т.к. она ограничивает жизнь пожилых людей до ста лет. В свою очередь пожилые люди избегают сообщать о своем столетнем юбилее, предпочитая указать числительное 99 лет из-за суеверного страха смерти.

Повсеместно табуируется использование числительного «4», омонимичного со словом «死» (смерть): указывая свой возраст, китаец избежит числительного 44, используя описательную конструкцию с другими числительными: «去年43岁» (43 в прошлом году) или «明年45岁» (45 в следующем году); пекинское бюро управления дорожным движением приняло решение отменить номерные знаки с цифрой «4», это правило распространилось и в других китайских городах; в домах нет указания на четвертый этаж, используется «3А».

Сегодня отношение к числительному «4» вызывает общественные споры. Одни оппоненты полагают, что предрассудки периода феодализма не должны поддерживаться в современном прогрессивном обществе, должны порицаться, другие считают, что сакрализация цифры «4» настолько глубоко проникла в систему мировоззрения китайцев, что является отражением традиционной китайской культуры, игнорировать которую нецелесообразно. Во многих сообщениях СМИ указывалось, что цифровое табу — это эволюция и наследие культуры, а его жизнеспособность проистекает из традиционной народной психологии. Даже те, кто не считает себя суеверными, обнаруживают у себя веру в числовые суеверия, избегая чисел с негативным символическим значением (京牌号). Число «3» также является запретным числительным в Китае, т.к. произношение «3» и «散» (разлука) совпадает. Число «3» табуируется в ситуациях, связанных с романтическими отношениями, например, на свадьбах и вечеринках.

Особое место занимают многочисленные табу, ограниченные социопрофессиональной областью использования. Рыбаки и моряки избегают использовать лексемы «翻» (повернуть), «沉» (тонуть) и «倒» (упасть); бизнесмены не используют лексему «赊» (кредит); при посещении больного нельзя произносить «死» (смерть) (Лю Янь 2014, 8). В театральной сфере с древних времен табуируется слово «散» (распустить). Омонимы слова «散» (распустить) заменяются другими иероглифами. Например, омонимы «伞» (зонтик) и «散» (распустить) табуируются, вместо них для обозначения зонтов используются «雨盖», «雨挡» и «雨遮».

Абсолютно табуируются лексемы, относящиеся к интимной жизни людей. Апелляция в речи к наименованиям гениталий или сексуальных взаимоотношений используется для унижения собеседника, согласно суеверному представлению, имеют силу проклятия и могут нанести вред душе или телу (Лю Янь 2014, 10).

Некоторые табу связаны с хронотопом. Лексемы «龙» (дракон), «虎» (тигр), «鬼» (призрак), «梦» (сон) и др. нельзя произносить рано утром, поскольку, пока человек спит, его душа покидает тело, упоминание этих слов утром способно привлечь неудачу. Китайская пословица «朝勿讲梦, 夜勿讲鬼。」 (Не говори о снах днём, а ночью не говори о призраках и богах) (百度文库), также представляет собой наглядный пример связи табу и хронотопа. Рассказ о своих снах после пробуждения днём приводит к несчастью, даже может привлечь призраков. После ночных разговоров о сверхъестественных силах людям будут сниться кош-

мары, которые повлияют на сон, физическое и психическое здоровье.

С точки зрения грамматики, для оформления запрета или предупреждения используется глагол в повелительном наклонении с добавлением отрицательной части перед глаголом. В предложении «朝勿讲梦, 夜勿讲鬼。」 используется глагол 讲 (говорить) с отрицательной частицей 勿(не). Подобная структура предложения схожа с языковым отражением запрета на русском языке.

Многие табу тематически связаны с определенными праздниками. Лексемы «死» (смерть), «输» (проигрывать), «光» (никого не осталось) нельзя говорить в первый месяц нового года, программируя таким образом бедствия на весь год.

Резюмируем. 1. Коммуникативное поведение регламентируется прескриптивами. 2. Табу относятся к жестким прескриптивам, связанными с сакральностью. 3. Табу находит языковое выражение и получает широкое распространение в обществе. 4. Табу характеризуются этнокультурной спецификой.

Список литературы

1. Дмитриева О.А, Мурзинова И.А. Теория лингвокультурных типажей. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2015. 92с.
2. Фрезер Дж. Дж. Разновидности табу. Золотая ветвь. Москва: 1983. С. 188-250.

3. Китайский онлайн-словарь (在线汉语词典) URL: <http://xh.5156edu.com/html3/15770.html> (дата обращения: 07.03.2023)
4. Энциклопедия Байду (百度百科) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%AF%B4%E6%96%87%E8%A7%A3%E5%AD%97/6180?fromtitle=%E8%AF%B4%E6%96%87&fromid=8167161&fr=aladdin> (дата обращения 07.03.2023)
5. Происхождение китайских иероглифов (说文解字) URL: <https://www.cidianwang.com/shuowenjiezi/jin2635.htm> (дата обращения 07.03.2023)
6. Сто ответов знаний (百答知识字典) URL: <http://www.bdzzz.com/bd/zi/5/UVVLSk9PDsKWFA-.html> (дата обращения 07.03.2023)
7. Словарь Цыхай (辞海) URL: <http://www.cihai123.com/zidian/1088741.html> (дата обращения 07.03.2023)
8. Энциклопедия Байду (百度百科) URL: https://baike.baidu.com/item/%E7%A6%81%E5%BF%8C/32105?fromModule=lemma_sense-layer#viewPageContent (дата обращения 07.03.2023)
9. Лю Янь. (刘艳) Культурные различия китайско-английских табуированных слов и преподавание китайского языка как иностранного. (汉英禁忌语的文化差异与对外汉语教学) [D]. Сучжоуский университет. (苏州大学) 2014. (на кит.яз.)
10. Чэнь Сюе. (陈雪) Анализ причин китайских запретных слов. (汉语禁忌语成因分析) [J]. Юношеские годы. (青春岁月) 2016 (01). С. 63 (на кит.яз.)
11. Хуан гочэн. (黄国城) Лингвистические суеверия и числительные. (语言迷信与数词) [J]. Журнал колледжа Путянь. (莆田高等专科学校学报) 2000(01). С. 33-35+54 (на кит.яз.)
12. Попова Я.В., Куликова Л.В. Табуированные речесмыслы в дискурсивных практиках институционального общения. Москва: Гнозис, 2019. 264 с.
13. Библиотека Байду (百度文库) URL: https://wenku.baidu.com/view/92c8d24d551252d380eb6294dd88d0d233d43c19.html?_wkts_=1678990723021&login_type=weixin (дата обращения 07.03.2023)
14. Ли Вэньцян, Сунь Ячун. (李雯倩, 孙亚冲) Сравнительное исследование китайских и западных культурных табу. (中西方文化禁忌语对比研究) [J]. Уголь Высшее образование. (煤炭高等教育) 2021. 39(06). С. 113-117 (на кит.яз.)
15. Библиотека Байду (百度文库) URL: https://wenku.baidu.com/view/3b54ab4ac850ad02de8041f0?aggId=a64a41f9d3f34693daef5ef7ba0d4a7302766ca9&fr=catalogMain&_wkts_=1682100894201&bdQuery=%E7%A6%81%E5%BF%8C%E8%AF%AD (дата обращения 07.03.2023)
16. Энциклопедия Байду (百度百科) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%94%>

- В0%E7%99%BB/16380709?fr=aladdin (дата обращения 07.03.2023)
17. Пекинский автомобильный номерной знак (京牌号) URL: <https://www.jingpaihao.com/index.php?m=home&c=View&a=index&aid=643> (дата обращения 07.03.2023)

References

- Dmitrieva O.A., Murzinova I.A. Theory of linguocultural types. Volgograd: Volgograd State Social and Pedagogical University, 2015. 92p.
- Fraser J.J. Varieties of taboo. Golden branch. Moscow: 1983. pp. 188-250.
- Chinese Online Dictionary (在线汉语词典) URL: <http://xh.5156edu.com/html3/15770.html> (accessed 03.07.2023)
- Baidu Encyclopedia (百度百科) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%AF%B4%E6%96%87%E8%A7%A3%E5%AD%97/6180?fromtitle=%E8%AF%B4%E6%96%87&fromid=8167161&fr=aladdin> (accessed 03.07.2023)
- Origin of Chinese characters (说文解字) URL: <https://www.cidianwang.com/shuowenjiezi/jin2635.htm> (accessed 03.07.2023)
- One Hundred Answers of Knowledge (百答知识字典) URL: <http://www.bdzzz.com/bd/zi/5/UVVLSk9PDsKWFA--.html> (accessed 03.07.2023)
- Cihai Dictionary (辞海) URL: <http://www.cihai123.com/zidian/1088741.html> (accessed 03.07.2023)
- Baidu Encyclopedia (百度百科) URL: https://baike.baidu.com/item/%E7%A6%81%E5%BF%8C/32105?fromModule=lemma_sense-layer#viewPageContent (accessed 03.07.2023)
- Liu Yan. (刘艳) Cultural differences between Chinese and English taboo words and teaching Chinese as a foreign language. (汉英禁忌语的文化差异与对外汉语教学) [D]. Suzhou University. (苏州大学) 2014. (in Chin.)
- Chen Xue. (陈雪) An analysis of the causes of Chinese forbidden words. (汉语禁忌语成因分析) [J]. Youth years. (青春岁月) 2016(01). pp. 63 (in Chin.)
- Huang gochen. (黄国城) Linguistic superstitions and numerals. (语言迷信与数词) [J]. Journal of Putian College. (莆田高等专科学校学报) 2000(01). pp. 33-35+54 (in Chin.)
- Popova Ya.V., Kulikova L.V. Tabooed Speech Senses in Discursive Practices of Institutional Communication. Moscow: Gnosis, 2019. 264 p.
- Baidu Library (百度文库) URL: https://wenku.baidu.com/view/92c8d24d551252d380eb6294dd88d0d233d43c19.html?_wks_=1678990723021&login_type=weixin (accessed 03.07.2023)
- Li Wenqian, Sun Yachong. (李雯倩, 孙亚冲) A Comparative Study of Chinese and Western Cultural Taboos. (中西方文化禁忌语对比研究) [J]. Coal Higher education. (煤炭高等教育) 2021. 39(06). pp. 113-117 (in Chin.)

15. Baidu Library (百度文库) URL: https://wenku.baidu.com/view/3b54ab4ac850ad02de8041f0?aggId=a64a41f9d3f34693daef5ef7ba0d4a7302766ca9&fr=catalogMain&_wkts_=1682100894201&bdQuery=%E7%A6%81%E5%BF%8C%E8%AF%AD (accessed 03.07.2023)
16. Baidu Encyclopedia (百度百科) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%94%B0%E7%99%BB/16380709?fr=aladdin> (accessed 03.07.2023)
17. Beijing Vehicle License Plate (京牌号) URL: <https://www.jingpaihao.com/index.php?m=home&c=View&a=index&aid=643> (accessed 03.07.2023)

Информация об авторах

Дмитриева Ольга Александровна

Профессор, доктор филологических наук
Волгоградский государственный социаль-
но-педагогический университет
400005, г. Волгоград, пр. Ленина 27
dmoa@yandex.ru

Чжан Шуи

Волгоградский государственный социаль-
но-педагогический университет
400005, г. Волгоград, пр. Ленина 27
1377527581@qq.com

Information about the Authors

Olga A. Dmitrieva

Professor, Doctor of Philology
Volgograd State Social and Pedagogical Uni-
versity
400005, Volgograd, 27 Lenin Ave. Volgograd
dmoa@yandex.ru

Zhang Shuyi

Volgograd State Social and Pedagogical Uni-
versity
400005, Volgograd, 27 Lenin Ave. Volgograd
1377527581@qq.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

The persuasive features of self-presentation of speakers in Chinese and Russian talk shows

Персуазивные особенности самопрезентации ораторов в китайских и русских ток-шоу

**Игнатенко Александр Владимирович,
Вавиленкова Дарья Владимировна**

Российский университет дружбы народов имени

Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку:

ignatenko-av@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

**Aleksandr V. Ignatenko,
Daria V. Vavilenkova.**

RUDN University, Moscow, Russia

Corresponding author: ignatenko-av@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

УДК 811.58 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-46-55](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-46-55)

АННОТАЦИЯ

В данной работе на примере двух телепередач формата «стендап» — «Открытый микрофон» (2017–) на русском языке и «脱口秀大会» (2017–2022) на китайском языке — исследуется функционирование персуазивной стратегии самопрезентации. Представлены основные классификации тактик рассматриваемой стратегии, выдвинутые отечественными и зарубежными учёными. Актуальность обусловлена возрастающим в лингвистике интересом к явлениям персуазивности вне политического и рекламного дискурса и заключается в определении основного действующего аппарата одной

ABSTRACT

This paper investigates the functioning of the persuasive strategy of self-presentation. For the analysis in this paper, we examine the examples from two stand-up TV programs — “Open mic” (2017–) in Russian and “脱口秀大会” (2017–2022) in Chinese. The article also presents the main classifications of self-presentation strategy tactics, put forward by domestic and foreign scientists. The relevance of the study is due to the growing interest in linguistics to the phenomena of persuasiveness outside of political and advertising discourse and consists in determining the main operating apparatus of one of the secondary

из вторичных персуазивных стратегий — стратегии самопрезентации — в речи носителей русского и китайского языков. Цель данного исследования — анализ реализации стратегии самопрезентации в речи российских и китайских комиков посредством разных тактик и комплексом языковых средств. Установлено, что тактика самопрезентации в китайской речи в основном направлена на создание негативного образа оратора. В русской речи средства данной стратегии могут быть направлены на создание положительного имиджа оратора, но с ироничным подтекстом. В работе также определены наиболее частотные тропы и стилистические приемы реализации персуазивности, среди которых контекстуальная антитеза, самоирония, элементы или полные версии устойчивых выражений и народных речений и др.

Ключевые слова. Персуазивная коммуникация, воздействующий потенциал, инструменты персуазивности, стратегия самопрезентации.

Для цитирования: Игнатенко А.В., Вавиленкова Д.В. Персуазивные особенности самопрезентации ораторов в китайских и русских ток-шоу. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (4). С. 46-55 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-40-55>

persuasive strategies — the strategy of self-presentation — in the speech of native speakers of Russian and Chinese. The purpose of this study is to analyze the implementation of the strategy of self-presentation in the speech of Russian and Chinese comedians through different tactics and a set of linguistic means. It has been established that the tactics of self-presentation in Chinese speech is mainly aimed at creating a negative image of the speaker. In Russian speech, the means of this strategy can be aimed at creating a positive image of the speaker with ironic overtones. The work also identifies the most frequent tropes and stylistic techniques for the implementation of persuasiveness, including contextual antithesis, self-irony, elements or full versions of idioms and folk sayings, etc.

Keywords. Persuasive communication, influencing potential, tools of persuasion, self-presentation strategy.

For citation: Ignatenko A.V., Vavilenkova D.V. The persuasive features of of speakers in Chinese and Russian talk shows. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№4). P. 46-55 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2023-40-55>

В данном исследовании рассматривается функционирование персуазивных тактик стратегии самопрезентации в дискурсе участников ток-шоу («Открытый микрофон» на русском и «脱口秀大会» на китайском языке) в формате «стендап». Цель работы — посредством разных тактик и комплекса языковых средств проанализировать дискурс выступающих, определить выставляемый ими образ оратора. В качестве материала было отобрано 10 китайских и 5 российских передач разных годов.

В медиадискурсивном жанре ток-шоу персуазивная коммуникация играет не последнюю роль. Для наиболее эффективной реализации воздействующего потенциала высказывания ораторы используют как генеральную, т.е. основную, так и вторичные персуазивные стратегии. В рамках данного исследования мы будем рассматривать одну из стратегий, как правило, причисляемых к рекламному или политическому дискурсам, обладающим наиболее явной воздействующей направленностью, — стратегию самопрезентации.

Обладающая речевым воздействием стратегия самопрезентации бывает положительной или отрицательной (Schneider 1981, Бахтикерева, Валентинова 2022, Сунь, Калинин, Игнатенко 2021). Ориентированность оратора на положительную самопрезентацию обусловлена задачей создания им своего положительного имиджа в глазах аудитории или поддержания хорошей репутации, отрицательная нацеленность самопрезентации, в свою очередь, выражается в намеренном формировании оратором своего негативного образа (Малюга 2023, Калинин, Игнатенко 2022, Игнатенко, Дорофеева

2022). Указанной тактикой пользуются, как правило, для завершения коммуникативной ситуации или вывода собеседника из коммуникативного акта (Schneider 1981, 35). Непроизвольное применение данной тактики может быть обусловлено факторами, не относящимися к коммуникативному акту и не зависящими от него. Некоторые учёные, такие как И. Джонс, Т. Питтман, выделяют пять основных тактик самопрезентации (Jones, Pittman 1982): пояснение примером, запугивание, заискивание, мольба, самопродвижение.

Е.А. Ковригина доказывает возможность выделения дополнительных тактик ухода от ответственности и уклонения от ответа. Она предлагает дифференциацию тактик самопрезентации с выделением прямых тактик, нацеленных на формирование определённого образа оратора с помощью описания им собственных личных качеств, дружелюбного поведения; и косвенных, обращённых на создание адресантом собственного образа посредством умаления достижений других лиц или даже озвучивание их недостатков (Ковригина 2010). Ю.В. Сорокина предлагает разделение тактик самопрезентации по их речевой направленности на убеждающие и оборонительные (Сорокина 2014, 89–92.). Отметим, что для персуазивных тактик в устной речи участников ток-шоу свойственно использование тропов и стилистических фигур. Одними из наиболее эффективных персуазивных средств считаются апелляция к разуму, речевые клише, риторические вопросы, метафоры и т.д.

В рассматриваемых нами выпусках телепередач «Открытый микрофон» (2017 – по н.в.) и «脱口秀大会» (2017–2022 гг.) стратегия самопрезентации часто осуществляется в речи участников посредством тактики пояснения примером. Для данной тактики свойственно описание оратором личных качеств для демонстрации, как правило, как конкретных достоинств, так и положительных качеств в целом. Подобное представление своих сильных сторон может происходить говорящим открыто и имплицитно. Подчеркнём, что открытая форма демонстрации именно положительных качеств встречается достаточно редко в рассматриваемых нами лингвокультурах и может быть воспринята как хвастовство. Тем не менее, данная форма может встречаться, например, в юмористическом контексте в ситуациях, когда подобное «самовосхваление» воспринимается публикой как преднамеренное, часто утрированное и служит для достижения определённых вторичных коммуникативных задач.

Обратимся к некоторым примерам осуществления стратегии самопрезентации в китайских и российских телепередачах в формате стендапа. Мы проанализировали найденные нами средства персуазивности разных языковых уровней, отобранные из выпусков стендап-шоу на русском («Открытый микрофон») и китайском («脱口秀大会») языках. Приведем анализ реплик из русского ток-шоу.

(1) Он пел так шикарно, что во мне проснулась ярость. Мою самооценку уничтожили (Тимур Хамадуллин 2017).

(2) Многих известных комиков спрашивают, как писать шутки. Я скажу вам честно, открыто и откровенно: никто меня об этом не спрашивает (Эдвин Багдасарян 2017).

(3) У вас бывало, что вы произнесли что-то вслух, но не потому что хотели, а потому что не успели отменить команду «Говорить»? Но не переживайте, вы точно не тупите так, как я (Лев Ерёмченко 08.2021).

Эпизод шоу, из которого был взят пример (1), был посвящён шоу детских талантов, поразивших комика. В примере (1) интересна преднамеренным несовпадением изначальной направленности входящих в неё элементов. В первом предложении показателем высочайшего уровня вокальных данных служит понятие «ярость». Очевидно, что по семантическим признакам и логике повествования для оценки способностей должно служить слово с положительной коннотацией, ассоциирующееся с оптимистичными чувствами и эмоциями. Однако именно благодаря использованию не сочетаемых на уровне логики повествования понятий, автор усиливает речевое воздействие тактики самопрезентации на аудиторию. Данный приём используется оратором для усиления противопоставления себя маленькому ребёнку на одном из телевизионных шоу, предметом сравнения является музыкальный талант упомянутого комика мальчика. Использование олицетворения в данном высказывании — «проснулась ярость» — подтверждает стремление говорящего усилить воздействие на аудиторию. Второе предложение также направлено

на усиление эмоциональности всей реплики. Понятие «самооценка» подразумевает оценивание себя и, как следствие, невозможность её «уничтожения» другими людьми. Оратор же использует данное сочетание для указания на то, что у него не просто отсутствует данный талант, но и что осознание этого факта может настолько негативно повлиять на его самооценку. Таким образом, чем более ярко описывается собственное проигрышное положение, тем более весомым кажется преимущества другого человека и наоборот. В совокупности всю реплику можно расценивать как пример авторской самоиронии. Данное высказывание в полной мере характеризует использование тактики пояснения собственным примером для негативной самопрезентации с юмористической целью.

К созданию негативного образа в ходе использования стратегии самопрезентации обращается и следующий оратор в примере (2). В его высказывании считывается явное противопоставление себя известным комикам, что также делается с позиции самоиронии.

Пример (3) интересен по структуре тем, что сначала оратор оглашает то, что, по его мнению, объединяет его с публикой, а потом резко выводит себя из этого «единства», обращаясь в своей следующей фразе к противопоставлению. При этом противопоставление идёт по тому же признаку, который изначально воспринимается слушателем как подтверждение наличия общих с оратором черт. Подобного рода противопоставление можно назвать дихотомией. Именно дихотомия позволяет усиливать воздействующий потенциал высказывания

и сформировать у аудитории однозначный образ оратора. В данном примере говорящим намеренно создаётся негативный образ. Подобное дихотомическое противопоставление в определённой степени соотносится с выделенными О.С. Иссерс концептами «свой» — «чужой» (Иссерс 2008, 202).

В просмотренных выпусках китайского стендапа мы выделили меньшее количество примеров, что, на наш взгляд, может быть связано с особенностями китайской культуры, для которой не характерно выдвижение говорящими себя на передний план (Спешнев 2017). Однако жанр юмористического ток-шоу, предполагающий использование таких средств как ирония или сатира, позволяет участникам быть более раскрепощёнными, чем это определено культурными нормами. Достоинства часто оглашаются именно в юмористическом контексте.

(4) 我是不太擅长跟别人打交道的人。因为我不爱喝酒。

[Я человек, который не умеет общаться с другими людьми. Потому что я не люблю алкоголь] (庞博 [Пан Бо] 08.2020).

(5) 于是我就像一个霸道总裁一般...

[Поэтому я, как обычно делает деспотичный директор...] (Ella [Элла] 07.2019).

(6) 我认为世上无难事，只要会逃避。

[Я считаю, что на свете нет ничего невозможного, нужно только уметь уклоняться (от сложностей)] (王勉 [Ван Мян] 《逃避之歌》 [Песня об избегании] 09.2020).

В примере (4) можно выделить использование комиком сразу двух тактик рассматриваемой нами стратегии — тактики самопродвижения и пояснения примером. Также в реплике имплицитно транслируется противопоставление оратора большинству людей. В ироничном контексте звучит идея о том, что отличия в поведении отдельного человека от общепринятых норм может считаться недостатком, даже если речь идет о губительных привычках, распространенных в обществе. С одной стороны, в данном случае можно говорить о создании негативного образа говорящего (отличается от всех), с другой стороны, с учётом того, что речь идёт о вредной привычке, можно расценивать это высказывание как скрытую попытку самовосхваления. Несмотря на отсутствие ярких речевых клише, тропов или стилистических приёмов, стратегия самопрезентации в данном примере обладает значительным воздействующим потенциалом.

В следующем примере (5) помимо тактик самопродвижения и пояснения примером используется тактика запугивания. Реплика указывает на то, что героиня ток-шоу, выступающая под псевдонимом Ella, намеренно обращается к сравнению себя с деспотичным начальником. Приём нацелен на создание грозного образа говорящего именно с негативной коннотацией т.к. данная характеристика образа действия описывала ситуацию общения дочери с её родителями. Отметим, что тактика запугивания, как правило, взаимосвязана с созданием именно негативного образа оратора.

Пример (6) взят из выступления известного в Китае комика — Ван Мяня, который в указанном выпуске исполнял юмористическую песню 《逃避之歌》 («Песня о побеге»). Общая идея песни — облегчение жизни молодежи посредством уклонения от общепринятых норм. В данном примере используется устойчивое речение — «нет ничего невозможного», но автор добавляет вторую часть, которая полностью меняет смысл всего высказывания. Если изначальный посыл первой части в том, чтобы подбодрить адресата в любом начинании, то изменённая версия, напротив, поддерживает стратегию избегания трудностей. В данной реплике фигурируют тактики пояснения примером и самопродвижения. Можно говорить о том, что в данном случае посредством создания ироничного положительного образа на прагматическом уровне прослеживается явление негативной самопрезентации и у аудитории формируется имидж «антикумира».

В рассмотренных нами выпусках телепередач формата «стендап» нам не встретилось ни одной реплики, включающей тактику пояснения примером для преднамеренной реализации стратегии позитивной самопрезентации. Можно говорить о том, что в данном формате телешоу как на русском, так и на китайском языках, нетипично открытое самовосхваление с целью создания положительного имиджа оратора. Для этой цели участники рассматриваемых ток-шоу чаще используют языковые способы реализации тактики самоуничижения (что в нашем понимании приравнивается, например, к тактике пояснения отрицательным

примером). Подчеркнём, что формально «отрицательный» образ на прагматическом уровне может быть рассмотрен как нейтральный или даже положительный, чему способствует эффективное использование тропов и стилистических приёмов. Умышленно создаваемый оратором негативный образ чаще всего является центральным звеном сатирического повествования или самоиронии.

Можно сделать вывод, что стратегия самопрезентации особенно часто реализуется посредством тактик самопродвижения и пояснения примером. Нередко встречается тактика запугивания, причём в рамках этого исследования, данная тактика чаще используется представительницами женского пола. Среди наиболее частотных маркеров персуазивности мы выделяем самоиронию, олицетворение, использование устойчивых речений и др. Отметим, что оценочный потенциал тропов и стилистических приёмов состоит в возможности соотношения слушателем нескольких концептов и переноса оценки известного объекта на новый. К инструментам персуазивной коммуникации в некоторых случаях также относится приём дихотомии.

Проведение анализа всех тактик стратегии самопрезентации невозможно осуществить в рамках одного исследования, поэтому в работе мы привели некоторые примеры, обладающие очевидным персуазивным потенциалом и имеющих в составе стилистические приёмы и средства выразительности разных языковых уровней. Все выступления в стендапе сводятся в основном к монологичной речи, что вынужда-

ет ораторов самостоятельно инициировать рассказы о себе, что в большинстве случаев является основной линией повествования в рамках выступления.

Сравнивая стратегию самопрезентации в телепередачах формата «стендап» на русском и китайском языках, отметим, что тактики, используемые для её реализации, намного чаще встречаются в выступлениях русских комиков. Данное явление обусловлено, на наш взгляд, тематической составляющей выступлений. Если комики из Китая в основном выбирают для рассуждения более общие темы, актуальные для какой-либо группы людей или всей аудитории в целом, то русские ораторы в чаще всего от первого лица рассказывают о ситуациях, которые произошли непосредственно с ними, в большинстве случаев представляя отрицательные ситуации в ироничном контексте.

Список литературы

- 1) Schneider D.J. *Tactical self-presentation: towards broader conception*. Tedeschi, 1981. P. 23–40.
- 2) Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. №1. С. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
- 3) Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений

- политиков. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. №1. С. 250–277. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277>
- 4) Малюга Е.Н. Корпусный подход к исследованию корпоративной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. №1. С. 152–172. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33561>
- 5) Калинин О.И., Игнатенко А.В. Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиа-текстах информационного и воздействующего характера. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13. №4. С. 1062–1082. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082>
- 6) Игнатенко А.В., Дорофеева Е.А. Политические метафоры в контексте стереотипизации и когнитивных искажений. *Политическая лингвистика*. 2022. № 3 (93). С. 27–38.
- 7) Jones E.E., Pittman T.S. Toward a general theory of strategic self-presentation. *Psychological perspectives on the self*. 1982. № 1.
- 8) Ковригина Е.А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010.
- 9) Сорокина Ю. В. Стратегия самопрезентации как элемент эффективного речевого воздействия в рамках педагогического дискурса. *Вестник Челябинск. гос. ун-та*. 2014. № 6. С. 89–92.
- 10) Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М.: ЛКИ, 2008. 202 с.
- 11) Спешнев Н.А. *Китайцы. Особенности национальной психологии*. М.: КАРО. 2017. 336 с.
- 12) Видеоплатформа Bilibili <https://clck.ru/35KBhE> (Дата обращения: 02.08.2023-13.08.2023)
- 13) Видеохостинг телеканала ТНТ «Открытый микрофон» <https://okrytyj-mikrofon.tnt-online.ru/> (Дата обращения: 03.08.2023-10.08.2023)

References

- 1) Schneider D.J. *Tactical self-presentation: towards broader conception*. Tedeschi, 1981, pp. 23–40.
- 2) Bakhtikireeva U.M., Valentinova O.I. “Language thinking” from the perspective of systemic linguistics. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26 (1). P. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
- 3) Sun Y., Kalinin O.I., Ignatenko A.V. The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25 (1). pp. 250–277. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277> (In Russ.)
- 4) Malyuga E.N. A corpus-based approach to

- corporate communication research. Russian Journal of Linguistics. 2023. Vol. 27. N. 1. pp. 152–172. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33561>
- 5) Kalinin O.I., Ignatenko A.V. Comparative Analysis of the Use of Metaphors in Russian, English and Chinese Media Texts of Informational and Influencing Nature. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022. Vol. 13. N. 4. pp. 1062–1082. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082>
- 6) Ignatenko A.V., Dorofeeva E.A. Political Metaphors in the Context of Stereotyping and Cognitive Distortions. *In Political Linguistics*. 2022. No. 3 (93), pp. 27–38. (In Russ.)
- 7) Jones E.E., Pittman T.S. Toward a general theory of strategic self-presentation. *Psychological perspectives on the self*. 1982. No 1.
- 8) Kovrigina E.A. Communicative strategy of self-presentation in the discourse of Internet interviews: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Kemerovo, 2010. (In Russ.)
- 9) Sorokina Yu.V. Strategy of self-presentation as an element of effective speech influence within the framework of pedagogical discourse. *Bulletin of Chelyabinsk. state university*. 2014. No. 6. pp. 89–92. (In Russ.)
- 10) Issers O.S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 202 p. (In Russ.)
- 11) Speshnev N.A. *Chinese. Features of national psychology*. M.: KARO. 2017. – 336 p. (In Russ.)
- 12) Bilibili Video Platform <https://clck.ru/35KBhE> (accessed: 02.08.2023-13.08.2023) Video hosting of the TNT channel “Open Mic” <https://okrytyj-mikrofon.tnt-online.ru/> (accessed:03.08.2023-10.08.2023) (In Russ.)

Сведения об авторах

Игнатенко Александр Владимирович,

канд.филол.наук, доцент
 Российский университет дружбы народов
 имени Патриса Лумумбы
 ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Рос-
 сийская Федерация, 112184
ignatenko-av@rudn.ru

Вавиленкова Дарья Владимировна,

ассистент каф. ин. яз. фил. фака
 Российский университет дружбы народов
 имени Патриса Лумумбы
 ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Рос-
 сийская Федерация, 112184
vavilenkova-dv@rudn.ru

Information about the authors

Alexander V. Ignatenko

PhD in Philology, Associate Professor of the
 Department of Foreign
 Languages of the Faculty of Philology
 RUDN University
 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian
 Federation, 117198

ignatenko-av@rudn.ru

Daria V. Vavilenkova

Assistant of the Department of Foreign Lan-
guages of the Faculty of Philology
RUDN University
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian
Federation, 117198

vavilenkova-dv@rudn.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

*Одобрена после рецензирования:
23.09.2023*

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

Medical terminology in the Chinese series 'Surgeons' and ways of its translation into Russian

Медицинская терминология в китайском сериале «Хирурги» и способы ее перевода на русский язык

*Сирота Любовь Вячеславовна¹,
Краевская Ирина Олеговна²*

*Lyubov V. Sirota¹,
Irina O. Kraevskaya²*

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия; Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

² National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia; Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

*Автор, ответственный за переписку:
lubovsirota31@gmail.com*

*Corresponding author:
lubovsirota31@gmail.com*

УДК 81-2 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-58-66](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-58-66)

АННОТАЦИЯ

В связи с возрастающим интересом людей к медицине и желанием больше узнать о себе и своем здоровье, ежегодно выпускаются различные фильмы, сериалы и разговорные шоу, повествующие о тяжелой работе врачей и об особенностях отдельных заболеваний. Другими словами, область медицины и здравоохранения стала доступнее для обычных людей, при этом сохранив свои характерные черты, в частности использование языка медицины, который включает медицинскую

ABSTRACT

Due to the growing interest of people in medicine and the desire to learn more about themselves and their health, various films, series and talk shows about the hard work of doctors and about the characteristics of different diseases are released every year. In other words, the field of medicine and health care has become more accessible to ordinary people, while retaining its characteristic features, in particular the use of medical language, which includes medical terminology, medical professionalisms, jargon, etc. However,

терминологию, медицинские профессионализмы, жаргонизмы и т.д. Однако использование в рамках фильмов и сериалов исключительно медицинской терминологии не вполне разумно, так как сфера кино в первую очередь направлена на широкую аудиторию, соответственно необходимо использовать такие единицы медицинской терминологии, которые будут понятны неподготовленному зрителю и при этом не исказят суть явления. Кроме того, при переводе сферы киноиндустрии необходимо соблюдать особенности аудиовизуального перевода, то есть использовать единицы ПЯ, которые по длине произношения будут совпадать с единицами ИЯ, что позволит избежать рассинхронизации с происходящим в кадре. Так как существующие классификации способов перевода с китайского на русский подходят либо для быденной лексики, либо для общенаучной терминологии, в статье предпринимается попытка разработать классификацию способов перевода терминов с китайского языка на русский на основе ранее не изученного материала — китайскоязычного сериала «Хирурги» (外科风云).

Ключевые слова. медицинская терминология, термин, способы перевода терминов, китайский язык, русский язык

Для цитирования: Сирота Л.В., Краевская И.О. Медицинская терминология в китайском сериале «Хирурги» и способы ее перевода на русский язык. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (4). С. 58-66 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-58-66>

the use of exclusively medical terminology in films and TV series is not quite reasonable, since the film industry is primarily aimed at a wide audience, so it is necessary to use such units of medical terminology that will be understandable to unprepared audience and at the same time will not distort the essence of the phenomenon. In addition, when translating the film industry, it is necessary to observe the peculiarities of audiovisual translation, that is, to use units of the target language which in terms of pronunciation length will coincide with the original units, which will avoid unsynchronization with what is happening in the frame. Since the existing classifications of ways of translation from Chinese into Russian are suitable either for everyday vocabulary or for general scientific terminology, the article attempts to create a classification of the ways of translation of terms from Chinese into Russian on the basis of previously unstudied material — the Chinese TV series ‘Surgeons’ (外科风云).

Keywords. medical terminology, term, ways of translating terms, Chinese, Russian

For citation: Sirota L.V., Kraevskaya I.O. Medical terminology in the Chinese series ‘Surgeons’ and ways of its translation into Russian. *Modern oriental studies*. 2023; 5(4). Pp. 58-66. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-58-66>

Введение

В последние два десятилетия сфера медицины и здравоохранения начала активно функционировать в киноиндустрии, за счет чего она стала доступнее для широкой аудитории. Медицинские фильмы и сериалы производства разных стран привлекают зрителей из-за недоступности знаний врачей, а также из-за желания узнать больше о себе и своем здоровье. Тем не менее, успех фильмов и сериалов зависит не только от сюжета и актерского состава, но и от качественного перевода, который должен максимально точно и понятно передавать происходящее в оригинале, а также отражать речевые особенности всех персонажей в ПЯ. Соответственно появился спрос на изучение перевода единиц медицинской терминологии в фильмах и сериалах, для каждой из которых переводчику необходимо подобрать соответствие понятное как простому зрителю, так и профессионалу своего дела, при этом соблюдая все требования аудиовизуального перевода. Исходя из этого, целью данного исследования является выявление способов перевода медицинской терминологии с китайского языка на русский на основе китайского сериала «Хирурги» (外科风云).

Научная новизна состоит в привлечении ранее не изученного китайскоязычного сериала «Хирурги» в качестве источника материала: 300 медицинских терминов, извлеченных методом сплошной выборки из китайскоязычного сериала «Хирурги»: 150 китайскоязычных терминов извлечены из оригинальных субтитров, их 150 русскоязычных эквивалентов — из субтитров, выполненных переводчиком Eli Von.

В настоящее время изучению особенностей и проблем перевода терминов в языковой паре китайский-русский посвящены труды как отечественных (В.Ф. Щичко, И.В. Кочергин, Ростовцев В.А и др.), так и зарубежных (Цзоу Цзиньна, Цзя Вэньбо и др.) исследователей. Кроме того, известны исследования, посвященные трудностям и способам перевода именно китайских медицинских терминов (Павлова О.В., Wiseman N.A. и др.). Соответственно теоретическая значимость заключается в актуализации данных по способам перевода терминов с китайского на русский. Практическая значимость представляется возможностью использования результатов исследования для преподавания специальных дисциплин по переводу в вузах.

Необходимо отметить, что большинство современных медицинских терминов имеют устоявшиеся соответствия в ИЯ и ПЯ, которые переводчики и используют в тексте перевода. Если у термина отсутствует эквивалент, то при переводе необходимо прибегнуть к использованию различных способов перевода для создания термина в ПЯ (Цзя Вэньбо 2005, 54). Выбор способа перевода должен быть основан на результате лексико-грамматического анализа единицы ИЯ, знании предмета перевода и владении технологией, другими словами, переводчик должен уметь грамотно подбирать адекватные способы языковой трансформации оригинала.

Классификация способов перевода терминов с китайского языка на русский

На данный момент разработано множество различных классификаций способов перевода, большинство из которых подходят

преимущественно для европейских языков, соответственно они не применимы для описания особенностей перевода с китайского языка на русский. Исходя из этого, нами было принято решение разработать свою классификацию способов перевода на основе классификаций Я.И. Рецкера, Е.И. Кривошеевой, В.Ф. Щичко и И.В. Кочергина.

Рассмотрим подробнее классификации способов перевода, которые были разработаны для перевода как с китайского на русский, так и наоборот, с русского на китайский.

На уровне словосочетаний В.Ф. Щичко выделяет полный и неполный перевод, который может быть осуществлен несколькими способами:

- сокращение (опущение компонентов);
- расширение (добавление компонентов);
- функциональная замена — изменение лексико-семантического или морфологического статуса компонентов ИЯ;
- перестановки — изменение порядка следования компонентов (Щичко 2017, 88-91).

Согласно И.В. Кочергину переводческие преобразования условно можно разделить на 4 группы: перестановки; замены; добавления; опущения.

Перестановки – изменение порядка языковых элементов при переводе, которому подвергаются слова, словосочетания, части сложного предложения, реже самостоятельные предложения. Перестановки распространены

при переводе с китайского на русский, так как в тексте перевода должен быть сохранен порядок, отвечающий коммуникативному членению предложения, кроме того должны быть выделены логические связи, независимо от строя предложения в ИЯ.

Для перевода грамматических и лексикограмматических единиц с китайского на русский чаще всего используются замены. К грамматическим заменам относится замена частей речи. Кроме того, можно выделить лексические замены, под которыми понимается замена отдельных лексических единиц (слов и устойчивых словосочетаний) ИЯ лексическими единицами ПЯ, не являющимися их словарными эквивалентами.

Добавления представляют собой лексические добавления, которые используются при трансформации глубинной структуры предложения ИЯ в поверхностную структуру ПЯ. Данный тип трансформаций довольно распространен, так как китайскому языку свойственна лаконичность, экономия языковых средств, наличие эллипсов и опущений.

Опущение представляет собой способ обратный добавлению и реже используется при переводе, так как опущениям подвергаются семантически избыточные слова, которые почти отсутствуют в научно-технических текстах (Кочергин 2012, 87-88).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на данный момент не существует единой классификации способов перевода, применимой для всех языковых пар и различных

контекстов. Разработанная нами классификация будет рассмотрена на примерах китайских терминов, встретившихся в сериале «Хирурги».

1. Подбор эквивалента

Прежде всего, необходимо отметить, что для большинства китайских медицинских терминов, встретившихся в сериале «Хирурги», были подобраны их русские эквиваленты, зафиксированные в двуязычных словарях и активно функционирующие в медицинских текстах, речи врачей и пациентов, соответственно их использование в рамках медицинского сериала обосновано и уместно (58 терминов).

Рассмотрим подробнее некоторые русские эквиваленты китайским медицинским терминам: китайскому двухкомпонентному термину 青霉素 qīngméisù (青霉 qīngméi 'зелёная плесень' + полусуффикс 素 sù для образования лекарств) соответствует русский термин 'пенициллин', образованный от лат. *Penicillium* (название рода грибов).

Однокомпонентным русским эквивалентом был переведен двухкомпонентный китайский термин 酸中毒 suānzhòngdú 'ацидоз'. Рассмотрим особенности образования данных терминов: русский термин образован от лат. *acidus* 'кислый', в оригинале также присутствует компонент 'кислый': 酸 suān 'кислый' + 中毒 zhòngdú 'интоксикация, отравление'.

Данные примеры показывают, что для большинства китайских медицинских терминов существуют русские эквиваленты, образованные на базе греко-латинских элементов и полностью передающие значения компонен-

тов исходных терминов. Кроме того, компоненты китайских терминов передают значения греко-латинских элементов, которые используются для образования соответствующих русских терминов.

2. Калькирование

В ходе исследования было выявлено, что одним из наиболее распространенных способов перевода терминов в сериале «Хирурги» является калькирование (46 терминов), суть которого состоит в замене составных компонентов единицы ИЯ их лексическими соответствиями в ПЯ, то есть при переводе создается слово или словосочетание, копирующее структуру исходной единицы (Кривошеева 2017, 262).

Например, при помощи калькирования был передан двухкомпонентный термин 支气管动脉 zhīqìguǎn dòngmài (支气管 zhīqìguǎn 'бронх, бронхиальный' + 动脉 dòngmài 'артерия') 'бронхиальная артерия', то есть данная единица ИЯ переводится на русский язык пословно, с сохранением структуры оригинала.

Калькированием также был передан термин 淋巴结 línbājié (淋巴 línbā 'лимфа' + 结 jié 'узел') 'лимфатический узел', то есть при переводе сохраняется структура единицы оригинала.

3. Перестановка компонентов

28 терминов были переведены на русский язык при помощи перестановки компонентов, то есть при переводе данных терминов был изменен порядок следования компонентов (Щичко 2017, 90). Распространенность данного способа перевода можно объяснить строго

фиксированным порядком слов в китайском языке, что не характерно для русского языка, в котором наблюдается свободный порядок.

Например, перестановка компонентов произошла при переводе двухкомпонентного термина 胃灌洗法 wèi guànxiǎ 'промывание желудка'; в оригинале: 胃 wèi 'желудок' + 灌洗法 guànxiǎ 'промывание'.

При переводе двухкомпонентного термина 纵隔肿瘤 zònggé zhǒngliú 'опухоль в средостении' также использовался способ перестановки компонентов: 纵隔 zònggé 'средостение' + 肿瘤 zhǒngliú 'новообразование, опухоль', то есть компонент 'средостение' при переводе оказался на втором месте.

4. Перевод-интерпретация

В сериале «Хирурги» перевод-интерпретация был использован для передачи 5 терминов. Данный способ используется, когда пространственная расшифровка единицы ИЯ при переводе делает предложение громоздким, что приводит к нарушению ритмичности текста и значительно увеличивает размер субтитра. В большинстве случаев данную проблему можно решить использованием различных аббревиатур и сокращений при переводе (Кривошеева 2017, 263).

Рассмотрим пример перевода-интерпретации, когда переводчик передал единицу ИЯ русской аббревиатурой. Двухкомпонентный китайский термин 性疾病 xìng jíbìng 'заболевание, передающееся половым путем' был переведен на русский аббревиатурой инициального типа 'ЗППП', образованной от пол-

ной формы русского термина 'заболевания передающиеся половым путем', то есть данная аббревиатура была образована сложением первых букв каждого компонента термина.

Перевод-интерпретация также подразумевает использование сокращений для передачи единицы ИЯ. Например, термин 生理盐水 shēnglǐ yánsuǐ ('физиологический' + 盐水 yánsuǐ 'соленый раствор') был переведен сокращением 'физраствор' вместо полной формы 'физиологический раствор', что можно объяснить распространенностью данного сокращения среди не только медиков, но и обычных людей, соответственно его использование вполне обосновано.

Необходимо отметить, что при переводе медицинского сериала, направленного на широкую аудиторию, переводчик, прежде всего, должен удостовериться, что подобранные им сокращения и аббревиатуры будут понятны как простому зрителю, так и профессионалу своего дела. Русские аббревиатуры и сокращения, встретившиеся в сериале «Хирурги», являются общепринятыми и давно используются в речи обычных людей, соответственно их использование в тексте перевода не затруднит понимание сюжета.

5. Добавление компонентов

В сериале «Хирурги» способ добавления компонентов использовался для передачи 4-х медицинских терминов. Данный способ преимущественно используется для уточнения информации при переводе, когда исходная единица слишком широкая в своем значении, что

в рамках медицинского сериала, богатого медицинской терминологией, позволит зрителям лучше понять суть процедуры или особенности заболевания (Кочергин 2012, 88).

Например, термин 按压 ànyā дословно означает 'массаж', однако в рамках сериала был переведен как 'массаж сердца', то есть при переводе был добавлен компонент 'сердца'. В данном случае добавление компонента уместно и вполне обосновано, так как оно лучше передает происходящее в сериале: в данной сцене у пациента произошла остановка сердца и врач проводит непрямой массаж сердца. В оригинале сценаристы решили использовать просто термин 按压 ànyā 'массаж', так как полагали, что происходящее будет понятно по кадру, однако переводчиком было принято решение добавить компонент, чтобы точно избежать непонимания среди зрителей сериала. Кроме того, слово массаж, прежде всего, воспринимается как процедура, направленная на расслабление мышц, а также может, ассоциироваться с лечебным массажем, поэтому в переводе уточнено, что речь идет именно о массаже сердца.

6. Комбинированный перевод

В сериале для перевода 4-х терминов использовался комбинированный перевод, под которым понимается использование двух и более способов перевода (Кривошеева 2017, 264).

Комбинированный перевод был использован для перевода термина 腹部 CT fùbù CT 'томограмма брюшной полости', который был выполнен с использованием подбора эквивалента и конкретизации. Для компонента 腹部

fùbù был подобран русский эквивалент 'брюшная полость'. Английская аббревиатура CT (computed tomography), которая дословно означает 'компьютерная томография (КТ)', была переведена на русский язык при помощи конкретизации как 'томограмма', так как в данном фрагменте сериала речь идет не о методе диагностики (КТ), а о его результате (томограмма), который и был передан на русский язык просторечием 'томограмма'.

При переводе термина QRS 波群 bōqún 'комплекс QRS' также было использовано сразу два способа: сохранение английской аббревиатуры QRS и замена образа при переводе компонента 波群 bōqún. Сохранение аббревиатуры QRS связано с тем, что данная английская аббревиатура используется без изменений, как в китайских, так и в русских словарях, то есть она является международной. В оригинале компонент 波群 bōqún образован метафорически как 'группа волн', однако при переводе переводчик отказывается от использования метафоры в пользу контекстуальной замены, под которой понимается подбор для единицы ИЯ контекстуального соответствия в ПЯ, отличного от словарного (Рецкер 2007, 52).

7. Генерализация

В работе встретилось 3 термина, которые были переданы на русский язык при помощи генерализации. Данный способ крайне редко используется при переводе медицинских текстов, в которых все термины должны быть переданы максимально точно и однозначно, так как от правильного понимания терминов зависят жизни пациентов. Однако использование

генерализации при переводе терминов в медицинских сериалах допустимо, так как сериалы в первую очередь направлены на широкую аудиторию, а не только на работников сферы медицины и здравоохранения. Соответственно нет необходимости в уточнении некоторых названий болезней и процедур, так как исходный термин может быть слишком сложен для обывателя, далеко не все могут быть знакомы с данной процедурой, именно поэтому в рамках сериала лучше передать данные термины общими названиями, что даст зрителям общее понимание происходящего.

Например, при переводе термина 3D 彩超 3D cǎichāo (дословно: 3D + 彩超 cǎichāo 'УЗИ с цветным доплером') 'УЗИ' (русская инициальная аббревиатура) был опущен режим УЗИ — 3D, так как в рамках сериала будет достаточно общего названия УЗИ, знакомого большинству зрителей. Аналогичная ситуация с термином B 超 B chāo 'УЗИ', который также был переведен генерализацией с опущением режима УЗИ (B-режим).

В данных примерах использование генерализации обусловлено тем, что далеко не каждый зритель сериала знает различия в режимах УЗИ, однако каждый имеет хотя бы общее представление о данной процедуре, соответственно при переводе лучше опустить названия режимов, то есть использовать родовое понятие вместо видового.

8. Описательный перевод

В рамках сериала 2 термина были переданы при помощи описательного перевода, который заключается в описании средствами ПЯ

понятия ИЯ, что дает лучшее понимание термина оригинала, описывает его значение и особенности (Кривошеева 2017, 262). Редкое использование описательного перевода в сериалах связано с тем, что переводчику необходимо подобрать такую единицу ПЯ, которая гармонично впишется как в звуковую дорожку, так и в субтитры, отвечающие определенным требованиям, соответственно переводчику нередко приходится жертвовать описанием единицы ИЯ в пользу краткости и лаконичности единицы ПЯ.

Например, у китайского термина 脓胸 *nóngxiōng* есть русский эквивалент 'эмпиема'. Однако в рамках сериала переводчик решил отказаться от использования словарного соответствия в пользу описательного перевода 'скопление гноя в лёгких', который лучше передает суть данного заболевания, поскольку русскоязычный эквивалент данного термина не является распространенным и знакомым любому человеку. В данном случае единица перевода — 'скопление гноя в лёгких' — соответствует требованиям, предъявляемым к размеру субтитра, соответственно использование данного выражения в переводе не приведет к рассинхронизации с другими репликами.

Заключение

Таким образом, для большинства китайских медицинских терминов сериала «Хирурги» были подобраны их русские эквиваленты (58, или 38%). Анализ терминов показал, что наиболее продуктивными способами перевода оказались калькирование (46, или 31%) и перестановка компонентов (28, или 18%). Низкая частотность употребления остальных способов

Рис.1. Способы перевода медицинской терминологии с китайского на русский в сериале «Хирурги»

Fig. 1. The ways of translation of medical terminology from Chinese into Russian in the TV series 'Surgeons'

обусловлена тем, что в сериале редко используются слишком сложные понятия, требующие обобщения или уточнения, а добавление любой информации при переводе увеличивает размер субтитра, что может нарушить лаконичность оригинала и не соответствовать временному интервалу фразы.

Список литературы

1. Дорама Хирурги. https://doramalive.ru/dorama/khirurgi_2017/series1/ (дата обращения: 20.11.2022).
2. Щичко В.Ф. *Теория и практика перевода*. Издательство ВКН, 2017.
3. Кочергин И.В. *Очерки лингводидактики китайского языка*. Восточная книга, 2012.
4. Ростовцев В. А. *Теория перевода китайского языка*. М.: Военный институт, 1977.
5. Цзоу Цзиньна. Перевод специальных терминов в научно-техническом тексте с китайского языка на русский. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 2019; № 3. С. 141–150.
6. Цзя Вэньбо. (贾文波) *Функциональная теория прикладного перевода. (应用翻译功能论)* Пекин: корпорация перевода и издания Китая (北京:中国对外翻译出版公司), 2005. (на кит.яз.)

7. Павлова О.В. Трудности и способы перевода медицинских терминов (на материале китайского языка). *Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее: Сборник научных статей*. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. – С. 86-91.
8. Wiseman, N. A. R. Translation of Chinese Medical Terms: A Source- Oriented Approach. *Volume 1: Thesis for the degree of Doctor of Philosophy in Complementary Health Studies*. Exeter, 2000, 454 p.
9. Кривошеева Е.И. Передача значений неологизмов с японского языка на русский как моделирование перевода. *Ученые заметки ТОГУ*, 2017; Том 8, № 1(2). С. 259-265.
10. Ретцкер Я.И. *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода*. М.: Р. Валент, 2007.
5. Zou Jinna. Translation of special terms in scientific and technical text from Chinese language into Russian. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 3, pp. 141–150. (in Rus.)
6. Jia Wenbo. *Functional Theory of Applied Translation*. Beijing: China National Translation and Publishing Corporation, 2005. (in Chin.)
7. Pavlova O.V. Difficulties and ways of translation of medical terms (on the material of the Chinese language). *Teaching Chinese language and culture: past, present, future: Collection of scientific articles*. Moscow: Limited Liability Company: Yazyki Narodov Mira, 2022; P. 86-91. (in Rus.)
8. Wiseman, N. A. R. Translation of Chinese Medical Terms: A Source- Oriented Approach. *Volume 1: Thesis for the degree of Doctor of Philosophy in Complementary Health Studies*. Exeter, 2000, 454 p.

References

1. The Surgeons. https://doramalive.ru/dorama/khirurgi_2017/series1/ (accessed: 20.11.2022).
2. Shichko V.F. *Theory and practice of translation*. VKN Publishing, 2017. (in Rus.)
3. Kochergin I.V. *Essays on linguodidactics of the Chinese language*. Vostochnaya kniga, 2012. (in Rus.)
4. Rostovtsev, V. A. *The Theory of Translation of the Chinese Language*. М.: Military Institute, 1977.
9. Krivosheeva E.I. Translation of meanings of neologisms from Japanese to Russian as modeling translation. *Uchenye zametki TOGU*, 2017; Vol. 8, No. 1(2). С. 259-265. (in Rus.)
10. Retzker J.I. *Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation*. MOSCOW: R. Valent, 2007. (in Rus.)

Сведения об авторах

Сирота Любовь Вячеславовна,

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050, г. Томск,
пр. Ленина, 36
lubovsirota31@gmail.com

Краевская Ирина Олеговна,

канд. филол. наук, доцент кафедры пере-
вода и переводоведения
Томский государственный педагогиче-
ский университет
Российская Федерация, 634061 г. Томск,
ул. Киевская, 60
kr.sobaka@gmail.com

Information about authors

Lyubov V. Sirota

National Research Tomsk State University
lubovsirota31@gmail.com

Irina O. Kraevskaya

National Research Tomsk Polytechnic
University
Candidate of Philology, Associate Professor
Department of Translation and Translation
Studies
Tomsk State Pedagogical University
kr.sobaka@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

**Case of one afterword: issue of forbidden love
in Pu Songling's short-stories**

**История одного послесловия: тема запретной любви
в новеллах Пу Сун-лина**

Сторожук Александр Георгиевич,

*Санкт-Петербургский государственный
университет,*

Кафедра китайской филологии

a.storozhuk@spbu.ru

Alexander G. Storozhuk,

St. Petersburg State University,

Department of Chinese Philology

a.storozhuk@spbu.ru

УДК 82-32, 82-344, 821.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-67-73](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-67-73)

АННОТАЦИЯ

Наиболее известные и востребованные переводы на русский язык новелл цинского литератора Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640—1715) из собрания «Странные истории из кабинета неудачника» (Ляо Чжай чжи и, 聊齋志異) были сделаны в начале XX века крупнейшим синологом того времени — академиком В. М. Алексеевым (1881—1951). При точности перевода и особом внимании к тексту оригинала в ряде произведений, тем не менее, обнаруживаются лакуны; так не было переведено на русский язык послесловие к новелле «[Нежный красавец] Хуан Девятый» (黃九郎) под тем предлогом, что изложить его адекватно высоким стилем на русском языке невозможно. Послесловие касалось темы однополрой любви и имело

ABSTRACT

The most prominent translations into Russian of works by famous Qing writer Pu Songling (蒲松齡, 1640—1715) from the “Strange Tales from a Chinese Studio” (Liao Zhai Zhi Yi, 聊齋志異) collection has been made by academician V. M. Alexeyev (1881—1951), the most celebrated sinologist of the time. Being mostly accurate and fully representing peculiarities of the original, some translations nevertheless lack certain important pieces; thus afterword to the short-story “[Gentle Gorgeous] Huang the Ninth” has not been translated under the pretext of its adequate high-style presentation in Russian’s impossibility. Afterword discussed the topic of same-sex love and was strictly accusatorial in nature. This survey covers the mentioned in the short-story issue of forbid-

резко обличительный характер. В данном исследовании прослеживается связанная с затронутой в послесловии тема запретного влечения к юношам в творчестве самого Пу Сун-лина и в произведениях классической китайской литературы, на которые писатель ссылается или к которым апеллирует. Одним из важных выводов является несомненная социальная обусловленность пафоса Пу Сун-лина и несомненная важность перевода этого послесловия как для исследователей истории литературы, так и для тех, кто изучает историю общественных взглядов в Старом Китае.

Ключевые слова: Китай, литература, рассказы, Ляо Чжай, Пу Сун-лин, перевод.

Для цитирования: Сторожук А.Г. История одного послесловия: тема запретной любви в новеллах Пу Сун-лина. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (4). С. 67-73 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-67-73>

В издании 1937 года переводов новелл Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640—1715 гг.) под названием «Рассказы о людях необычайных» академик В. М. Алексеев вдруг заявил, что не желает переводить послесловие к одному из произведений. Практика сопровождения новелл различной длины послесловиями, отмеченными в текстах особым зачином, характерна для всего свода «Странных историй из кабинета неудачника» (聊齋志異, «Ляо Чжай чжи и») Пу Сун-лина, и часто без этого послесловия суть написания того или иного рассказа остаётся

туманной, если не вовсе непонятной. Например, весьма крупное произведение из того же свода, называемое «Якшина держава» (夜叉國), повествующее о приключениях некоего купца в далёких землях, населённых чудовищами, обретает смысл только по прочтении короткого послесловия, поясняющего, что вся вычурная фантастика новеллы лишь подводит к весьма приземлённому и озорному выводу, основанному на игре слов [текст произведения см. 10, Т. 1, стр. 348—354]. Традиция такого рода послесловий восходит ещё к текстам Сыма Цяня (司馬遷,

Keywords: China, literature, short-stories, Liao Zhai, Pu Song-ling, translations.

For citation: Storozhuk A.G. Case of one afterword: issue of forbidden love in Pu Songling's short-stories. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№4). P. 67-73 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-67-73>

туманной, если не вовсе непонятной. Например, весьма крупное произведение из того же свода, называемое «Якшина держава» (夜叉國), повествующее о приключениях некоего купца в далёких землях, населённых чудовищами, обретает смысл только по прочтении короткого послесловия, поясняющего, что вся вычурная фантастика новеллы лишь подводит к весьма приземлённому и озорному выводу, основанному на игре слов [текст произведения см. 10, Т. 1, стр. 348—354]. Традиция такого рода послесловий восходит ещё к текстам Сыма Цяня (司馬遷,

145?–86? до н.э.), сопровождавшего собственными пояснениями хроникальные пассажи в «Исторических записках» (史記). Там подобные комментарии вводились фразой «Придворный историограф [тут] скажет» (太史公曰); в текстах Пу Сун-лина формула для авторских пояснений весьма схожа и явно перекликается с сымацяневской, воплотившись в следующую фразу: «Историк [рассказов об] удивительном [тут] скажет» (в литературном переводе, поскольку «историком рассказов об удивительном» Пу Сун-лин именуется самого, эта формула часто приобретает несколько упрощённый вид: «Автор этих строк заметит...»).

И вот это значимое дополнение от «Историка рассказов об удивительном» остаётся в книге непереведённой. Нужно отметить, что в предыдущих изданиях (1922 года [4], 1923 года [1], 1928 года [3]) подобных заявлений не делалось. Сам В. М. Алексеев объясняет свой выбор следующим образом: «Идущее дальше «сужденьице»¹ написано самым богатым литературным стилем. Однако иногда то, что может быть легко изложено на китайском, не слышимом для уха языке, никоим образом не может быть переведено на русскую, всегда слышимую речь. Переводчик решительно отказывается передать это послесловие. Для восстановления всей его литературности не помогут никакие примечания, и останется лишь то, что вовлечет читателя в превратное суждение о Ляо Чжае, который здесь является в роли жестокого обличителя порока» [2, стр. 485–486].

Речь идёт о послесловии к новелле «[Нежный красавец] Хуан Девятый» (黃九郎), цзюань 3² «Странных историй из Кабинета Неудачника», где повествуется о порочном книжнике Хэ Ши-цане (何師參), питающем страсть к молодым отрокам и добивающемся благосклонности прекрасного юноши Хуана Девятого. Последний оказывается лисом-оборотнем; высасывая жизненные силы, доводит до смерти самого книжника, затем восплававшего к нему страстью губернатора, присваивает его богатства и становится одним из самых сильных и влиятельных людей в округе [текст новеллы — 8, Т. 1, стр. 316—323, перевод — 2, стр. 383—394, примечания — 2, стр. 483—486].

Сама новелла изобилует весьма фривольными моментами, которые, тем не менее, В. М. Алексеев прекрасно и деликатно отразил в русском переводе. Но вот послесловие решительно для перевода отверг, хотя степень пикантности в нём ничуть не больше, чем в основном тексте новеллы, да и в ряде других рассказов Пу Сун-лина, отнюдь не чуравшегося нескромных тем и откровенных описаний. Не пытаясь ответить за самого переводчика причину такого выбора, попробуем обратиться к тексту «Послесловия» и определить, каков же был изначальный пафос самого Пу Сун-лина.

Прежде всего, следует отметить, что тема гомосексуальных отношений как таковых никогда не была в китайской культуре табуирована или осуждаема сама по себе. Довольно пространственный исторический экскурс в этой

¹ В переводе этого послесловия выражение «笑判» (насмешливый вывод) В. М. Алексеев предлагает передавать словом «сужденьице».

² В Цинкэтинском собрании [9] эта новелла помещена в 5 цзюань.

области содержится, например, в известном сочинении Р. ван Гулика «Сексуальная жизнь в Древнем Китае» [6]. Это же положение вещей подкрепляется и текстами самого Пу Сун-лина.

Так, например, главный герой новеллы «Хитрый мухлёр» (念秧) из 4 цзюаня³ Чжусюэчжайского свода «Странных историй из Кабинета Неудачника» — У Ан-жэнь (吳安仁) — характеризуется как «великий муж», и доказательством тому служит его сокрушительная победа в интимной близости над неким жуликом, членом шайки мошенников, обирающих путников на дорогах [текст новеллы 8, Т. 2, стр. 564—574]. Эпизод с мошенником ни коем образом не порочит У Ан-жэня, как и связь с тем же персонажем, описанная раньше в той же новелле, но на сей раз произошедшая между ним и слугой Ван Цзы-сюня (王子巽), соседа Пу Сун-лина по родному уезду.

У Чэн-сю (武承休), герой новеллы «Тянь Седьмой Молодец» (田七郎) из 3 цзюаня⁴ Чжусюэчжайского собрания, имеет связь со своим слугою Линь-эром (林兒), и это обстоятельство, опять же, не влияет на восприятие его как положительного героя [текст новеллы — 8, Т. 2, стр. 466—473].

В то же время, в других случаях гомосексуальные отношения вполне могут выступать как символ порочности и разрушения личности. Линь-эр из упоминавшегося уже «Тянь Седьмого Молодца» — личность отвратительная, подлец и интриган, и в немалой степени

это объясняется тем, что он был любовником своего хозяина. Кажущееся противоречие вполне способно разрешить как раз послесловие к «[Нежному красавцу] Хуану Девятому», где метафорически, но, вместе с тем, и совершенно отчётливо поясняется авторская позиция по упомянутому вопросу.

Образцом отношений, что весьма предсказуемо, Пу Сун-лин называет в послесловии супружество, не только морально совершенное как социальный институт, но и оправданное с точки зрения традиционной китайской медицины и учения о тонком теле. Первое утверждение он подкрепляет, обращаясь к цитате из книги «Мэн-цзы» (само выражение «великая мораль» (大倫) в данном контексте упоминается в «Мэн-цзы» цзюань 9, часть 1, глава 10 «Вань Чжан» (萬章), часть 1 (上), [12, 247]), второе — просто ссылаясь на общепринятые воззрения о гармонии мужского и женского начал. Все прочие виды близости полагаются писателем порочными по сути своей: беспорядочность в гетеросексуальных отношениях достойна порицания, и здесь вспоминается история «Ин-ин»⁵; беспорядочность же в однополюсной любви вовсе неприемлема, поскольку аморальна и антифизиологична. Последнее обстоятельство трактуется через метафоры бесплодной (不毛之地) «дикарской пещеры» (蠻洞); стремление к ней вполне сродни любви к выхолощенным сливам, которыми торговал поэт Ван Жун (王戎, 233~305 гг.): боясь, что кто-то мо-

³ В Цинкэтинском собрании [9] эта новелла помещена в 15 цзюань.

⁴ В Цинкэтинском собрании [9] эта новелла помещена в 6 цзюань

⁵ «История Ин-ин» (鶯鶯傳) — знаменитая новелла Юань Чжэня (元稹, 779—831 гг.), где впервые в китайской литературе откровенно излагается автобиографическая история тайной любви, не приведшей к брачному союзу.

жет вырастить тот же сорт, он пробивал косточки каждой сливы перед продажей; этот эпизод упоминается в «Новом изложении историй, в свете ходящих» (世說新語) Лю И-цина (劉義慶, 403–444 гг.), цзюань 3 (下), раздел 29 «Скупцы» (儉嗇) [7, Т. 2, стр. 466]. Но не только бесплодность предприятия вызывает негодование Пу Сун-лина.

Гнев его обращён к тем, кто, склоняясь к однополю любви, полностью отказывается от любви, способной быть на пользу семье и роду; такие отношения начинают нести угрозу обществу, а, буде они затрагивают людей властных, — и всей Поднебесной.

Здесь Пу Сун-лин неслучайно отсылает к истории ханьского Дун Сяня (董賢, 22–1 гг. до н. э.) и придворного времён Борющихся царств Ми Цзы-ся (彌子瑕). О первом рассказывается в 93 цзюане «Ханьской истории» (漢書), «Биографии» (列傳), раздел 63, «Биографии порочных любимцев» (佞幸傳). Дун Сянь, оказавшись при дворе по протекции, быстро получает продвижение по службе, становится одним из самых влиятельных сановников, и причина тому — противоестественное влечение, которое питает к нему государь. Однажды, чтобы не разбудить любимца, прикорнувшего на рукаве его халата, император оторвал рукав, вставая с ложа [биография Дун Сяня — см. 11, Т. 11, стр. 3733–3740]. Второй же — Ми Цзы-ся — был фаворитом вэйского Лин-гуна (衛靈公, 540–493 гг. до н. э.) и также добился могущества исключительно благодаря порочной страсти правителя; обладая огромным влиянием и властью, вёл себя Ми Цзы-ся, попирая все государственные установления, а также правила приличия и эти-

кета. Так на прогулке, откусив персик, он протянул его государю, дабы последний доел и наслаждался тем, сколь сладок и сочен этот плод [подробнее см. «Хань Фэй-цзы», цзюань 4, глава 12 «Сложности изложения» (說難) — 10, стр. 31]. Впоследствии выражение «отрывание рукава» (斷袖) и «делёжка персиком» (分桃) становятся в китайской традиции крылатыми в значении «противоестественное влечение обличённых властью мужей к красивым юношам». В этом же значении употребляет эти выражения и Пу Сун-лин в своей новелле. В этом же ключе рассматривается и история совращения студента Государственного училища Гоцзыцзянь своим наставником, в этом же ключе говорится и о других исторических параллелях.

Таким образом, осуждение запретного однополю влечения в рассматриваемом послесловии базируется, прежде всего, не на физиологическом, а на социальном основании; пагубность видится Пу Сун-лину не в самом проявлении интереса к лицам одного пола, но в социальных последствиях такого рода проявления. У Ан-жэнь, познавший обманщика с большой дороги, — герой и «великий муж», а втёршийся в доверие к господину через интимные любезности Линь-эр — негодяй и злодей; отказывающиеся «от истинного пути» современники, предающиеся «отрыванию рукава» и «делёжкой персика» — осквернители великих принципов, но прежде всего потому, что от этого страдают социальные установления в семье и государстве. Именно в этом следует искать корни обличительного пафоса писателя, и именно так он объясняет свой призыв «обрубить... ярость, что всё пронизает-бурлит,

а также вдобавок забить... тракт, что всех провожает-встречает», говоря об однополых пристрастиях в современном ему обществе.

В целом, стоит отметить, что текст «Послесловия...» представляется чрезвычайно значимым для анализа как творчества самого Пу Сун-лина, так и общественных взглядов цинского Китая в целом, и фривольность некоторых пассажей вряд ли является поводом оставлять его без перевода. Ритмическая организация «Послесловия...» и обилие изысканных метафор и аллюзий делают его, бесспорно, сложным для переложения на русский язык, но однозначно заслуживают того, чтобы в адекватном переводе быть представленными русскому читателю.

Список литературы

1. Ляо Чжай. Монахи-волшебники. Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи и) / Всемирная литература. Перевод и предисловие В.М.Алексеева. М.-Пг.: «Государственное издательство», 1923. 278 с.
2. Ляо-Чжай. Рассказы о людях необычайных (из серии новелл Ляо-чжай чжи-и) / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: «Изд-во АН СССР», 1937. 494 с.
3. Ляо-Чжай. Странные истории / пер. с кит., примеч. и предисл. В. М. Алексеев. Ленинград: «Мысль», 1928. 272 с.
4. Ляо Чжай. Том первый. Лисьи чары. Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи и) / Всемирная литература. Перевод и предисловие В.М.Алексеева. Петербург: «Государственное издательство», 1922. 159 с.
5. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из кабинета неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т. 1 / Сост. А. Г. Сторожук., отв. и науч. ред. Д. И. Маяцкий, перев. В. М. Алексеева, А. Г. Сторожука. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022, 568 с., ил.
6. Gulik van R. H. Sexual Life in Ancient China: A preliminary survey of Chinese sex and society from ca. 1500 B. C. till 1644 A. D. New York: Barnes and Noble Books, 1996. 392 p.
7. Лю И-цин. Ши шо синь юй цзяо цзянь (Новое изложение историй, в свете ходящих, выверенное и пояснённое) / Сюй Чжэнь-э чжу (Составление Сюй Чжэнь-э). 劉義慶。世說新語校箋 / 徐震堦著. Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2001. Т. 1—2, 554+36 с.
8. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и. Хуй цзяо хуй чжу хуй пин бэнь («Странные истории из Кабинета Неудачника» с собранными аннотациями, комментариями и ремарками) / Чжан Ю-хэ цзицзяо (составление и сверка Чжан Ю-хэ). 蒲松齡。聊齋志異。會校會注會評本 / 張友鶴輯校. Шанхай: «Гуцзи чубаньшэ», 2011. Т. 1—4. 1740 с.
9. Пу Сун-лин. Цинкэтин бэнь Ляо Чжай чжи и (Цинкэтинское издание Странных историй из Кабинета Неудачника). 蒲松齡。青柯亭本聊齋志異. Пекин: Гоцзя тушугуань чубаньшэ, 2020. Т. 1—8, 2144 с.
10. Хань Фэй-цзы. Цинь Хуй-бинь цзяодянь (Знаки препинания расставил Цинь Хуй-

- бинь). 韓非子。秦惠彬校點。 Шэньян:
Ляонин цзяюй чубаньшэ, 1997. 206 с.
11. Хань Шу (Книга Ханьской истории) /
[Хань] Бань Гу сюань (Составил [ханьский]
Бань Гу). 漢書 / 漢班固選. Пекин, Чжунхуа
шущзюй, 1962. Т. 1—12. 4273 с.
12. Шисань цзин чжушу. Мэн-цзы чжушу
(Тринадцать канонов с пояснениями
и комментариями. Мэн-цзы с пояснения-
ми и комментариями) / Ли Сюэ-цинъ
бянь (Главный редактор Ли Сюэ-цинъ). 十
三經注疏。孟子注疏 / 李學勤主編. Пекин:
Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1999. 410 с.

Сведения об авторе

Сторожук Александр Георгиевич

док. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный
университет

Кафедра китайской филологии

a.storozhuk@spbu.ru

Information about the authors

Alexander G. Storozhuk

Doctor of Philology

St. Petersburg State University, Department
of Chinese Philology

a.storozhuk@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

The legal status of the language in China

Правовой статус языка в Китае

Емельченкова Елена Николаевна

Санкт-Петербургский государственный

университет,

Санкт-Петербург, Россия

emelchenkova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5090-3011>

Elena N. Emelchenkova

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

emelchenkova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5090-3011>

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-74-89](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-74-89)

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется статус китайского языка, в частности его наддиалектного варианта путунхуа, законодательно закреплённого в качестве государственного (официального) языка КНР. С опорой на различные подходы к концепции официального языка в ходе исторического развития Китая, показана логика руководства страны в вопросе выстраивания языковой политики и регулирования роли языка как этноконсолидирующего фактора в многонациональном государстве. На материале действующих нормативных правовых актов рассматриваются сферы обязательного употребления путунхуа, дается оценка современной языковой политике Китая в части определения статуса государственного языка и письменности в полиэтническом государстве,

ABSTRACT

The article analyzes the status of the Chinese language, in particular its supra-dialectal version of Putonghua, legally positioned as the state (official) language of the PRC. Based on various approaches to the concept of the official language during the historical development of China, the logic of the country's leadership in building language policy and regulating the role of language as an ethno-consolidating factor in a multinational state is shown. Based on the actual legislation, the areas of compulsory use of Putonghua are considered, an assessment is made of China's modern language policy in terms of determining the status of the state language and writing in a multi-ethnic state, it is shown that the active campaign carried out by the authorities to spread Putonghua will inevitably lead to a reduction in the number of

показано, что проводимая властями активная кампания по распространению путунхуа неизбежно приведет к сокращению числа говорящих на других языках и диалектах на территории страны.

Ключевые слова. КНР, китайский язык, путунхуа, диалекты, государственный язык КНР, правовой статус языка, языковая ситуация, языковая политика

Для цитирования: Емельченкова Е.Н. Правовой статус языка в Китае. *Современные востоковедческие исследования.* 2023; Том 5 (4). С. 74-89 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-74-89>

Вводные терминологические замечания

КНР является многонациональным и многоязычным государством с населением в 1 443 497 378 человек (по данным последней переписи в 2020 году), на территории которого проживает 56 народностей, в том числе 91,11 % населения относятся к народности хань. Национальные меньшинства, а в КНР, помимо ханьцев, насчитывается еще 55 национальностей, или 8,89 % населения страны¹, варьируются по численности: два крупнейших этноса — это чжуанцы (16,18 млн) и маньчжуры (10,68 млн), численность самых малых народов, проживающих на территории КНР, составляет несколько тысяч человек. Лингвистическая ситуация на территории современного Китая характеризуется наличием пяти крупных и нескольких десятков мелких ареалов. К крупным относятся

speakers of other languages and dialects throughout the country.

Keywords. China, Chinese language, Mandarin, Putonghua, dialects, official language of the PRC, legal status of the language, language situation, language policy

For citation: Emelchenkova E. N. The legal status of the language in China. *Modern Modern Oriental Studies.* 2023; Volume 5 (№4). P. 74-89 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-74-89>

китайский, тибетский, уйгурский, чжуанский и монгольский ареалы, где, за исключением последнего, коренное население составляет большинство и пользуется преимущественно родным языком. Во Внутренней Монголии основу населения составляют этнические китайцы.

Административно-территориальное устройство КНР организовано по национально-территориальному принципу деления. Сочетание национального и территориального признаков нацелено на одновременное предоставление всем компактно проживающим на определенной территории национальным меньшинствам права самостоятельно управлять делами данной этнической общности, имеющей национальный язык, специфический быт, неповторимые культурные и хозяйственные

¹ https://www.gov.cn/guoqing/2021-05/13/content_5606149.htm (Дата обращения: 13.10.2021)

традиции и т. п. Такой подход к автономии порождает определенные последствия и даже риски, на решение которых направлена политика Пекина, в том числе языковая, поскольку культурные особенности этносов, их конфессиональная специфика, будучи подкрепленными языковой идентичностью, сегодня фактически усиливают обособленность национальных меньшинств на территории КНР, хотя история Китая знает довольно много примеров, когда этнотерриториальное деление подданных империи на группы осуществлялось по лингвистическому критерию, в зависимости от того, владеет китайским языком человек или нет (Воробьев 1983, 378) с последующим предоставлением разных наборов гражданских прав.

Самый значительный по площади и числу говорящих в КНР – ареал китайского языка (Сафронов 2007, 326). Диалектное членение китайского языка на ареалы до некоторой степени совпадает с географическими и административно-территориальными границами внутри страны. Уникальность языковой ситуации в Китае состоит в том, что на фоне полицентризма, имевшего место уже на ранних этапах развития этой историко-культурной области, именно китайский язык как в древности, так и сегодня был призван играть консолидирующую роль. Население Китая, длительное время говорившее на многочисленных и разнообразных диалектах, не имевших собственной письменности, в общегосударственном масштабе использовало два разных инструмента коммуникации: в сфере госуправления, деловом документообороте, науке, искусстве таким средством выступал вэньянь — письменный

язык, основанный на нормах древнекитайского языка, массовая же литература и культура использовали байхуа — язык художественной литературы, сложившийся в среднекитайский период (VI-XIV вв.) и значительно расширивший сферу функционирования во время правления монгольской династии Юань (1271-1368). В сложившейся полигlossной ситуации одним из факторов, обеспечивавших историко-культурное единство на данной территории, была именно общая для данного языкового ареала иероглифическая система письма.

На языковой карте полицентричного Китая исторически существовало несколько центров лингвистической интеграции, крупнейшим по охвату был север страны, опирающийся на языковые нормы Пекина в качестве междиалектного средства общения и подкрепленный мощной литературной традицией. Кроме того, выделяют восточный центр, опирающийся на язык Шанхая, юго-восточный центр, сформировавшийся на базе языка Сямэня, и южный ареал, ориентированный на язык Гуанчжоу (Астрахан и др. 1985, 4). Физико-географическое районирование территории и специфика исторического развития севера и юга Китая обусловили ареальное распределение диалектов, поскольку в силу своей большей географической интегрированности и мобильности населения, богатый на исторические события север страны оказался диалектно более унифицирован, чем разрозненный в силу естественного географического ландшафта и слабых административных связей юг, где, кроме того, проживало довольно значительное число неханьских этносов. Поэтому в северном Китае

сложился моноцентричный ареал с единым центром в Пекине, в который вошли типологически схожие северные диалекты и сформировался литературный язык байхуа. Ситуация в южном Китае, где имелось несколько диалектных центров, каждый со своей компактной зоной влияния, оставалась сильно дизентегрированной. Во время правления маньчжурской династии Цин (1644-1911) гуаньхуа 官话 'язык чиновников', на котором говорили представители власти из столицы, стал постепенно распространяться по всей стране, поскольку служить представители власти могли где угодно, кроме родного края, регулярно попадая в иноязычную среду и меняя регион службы. С появлением гуаньхуа письменный язык байхуа, к тому времени уже имевший значительную литературную традицию, стал рассматриваться как его письменная форма (Астрахан и др. 1985, 23).

На рубеже XIX-XX вв. в Китае заговорили о необходимости создания в стране государственного языка, для которого был предложен заимствованный из западных языков через японский термин гоюй 国语 'государственный (национальный) язык'. В концепции республиканского правительства гоюй рассматривался как социолект образованных людей, выступающий средством коммуникации с перспективой дальнейшего превращения в единый для всей страны язык. На такой статус мог претендовать только гуаньхуа, на котором говорило большинство населения страны, на нем же основывался язык байхуа и значительный пласт литературы.

В 30-40-е гг представители «Левой лиги писателей» Лу Синь и Цюй Цюбо выступили с идеей о дачжуньюй 大众语 'язык масс', способ-

ном обеспечить единство литературного и разговорного языка и имеющем простую письменность, что позволит побороть неграмотность населения и сделать доступной литературу на диалектах, вплоть до отказа от иероглифики в дальнейшей перспективе. В основу нового языка, по замыслу авторов концепции, следовало положить устный язык путунхуа 普通话 'общепонятный язык', стихийно складывавшийся в разных регионах Китая при добровольных междиалектных контактах (Софронов 2007, 333). Именно этот термин, возникший в начале XX в. в среде китайской интеллигенции, обучавшейся в Японии, при обсуждении возможных стратегий развития языковой политики, и был взят на вооружение, когда после образования КНР стали постепенно выводить из оборота термин республиканского периода гоюй 国语 'государственный язык'. В 1955 году решением Всекитайской конференции по реформе письменности (全国文字改革会议) статус официального языка КНР закрепился за вариантом 普通话.

Таким образом, при выборе термина для «государственного языка» КНР изначально отказались от привязки к этническому критерию, поскольку используемый в обыденном языке термин 汉语 'китайский язык, язык ханьцев' отсылает к этнониму хань, названию этноса, действительно составляющего абсолютное национальное большинство на данной территории. С учетом опыта, накопленного в XX веке в Китае при обсуждении возможных вариантов стратегии развития языковой политики, при позиционировании языка, имеющего статус государственного, китайские реформаторы

пошли по пути использования формулировки путунхуа 'общепонятный язык' во избежание каких-либо ассоциации с его национальной принадлежностью.

С лингвистической точки зрения, применительно к системам, используемым сегодня на территории КНР для обеспечения возможности реализации коммуникативной функции, обобщающее название «китайский язык» — это некоторая условность. Согласно современным подходам, на территории КНР выделяют десять диалектных групп с различной степенью дивергенции (Language atlas 1987). Фонетические, грамматические и лексические расхождения между многими «китайскими диалектами», строго говоря, сопоставимы с различиями между отдельными языками. Такая сложная лингвистическая проблема, как установление статуса диалекта применительно к китайскому ареалу, традиционно решается приложением фонетического критерия и фактором взаимопонимания между носителями. Именно такой подход был представлен в классических работах по диалектологии китайского языка Юань Цзяхуа и О.И. Завьяловой (Юань 1965; Завьялова 1996). Так, на диалектно богатом юго-востоке Китая жители соседних провинций, например, Гуандуна и Фуцзяни в общении между собой вынуждены прибегать к услугам переводчика для обеспечения успешности устной коммуникации.

Статус «диалекты китайского языка» обусловлен именно государственной языковой политикой КНР на современном этапе, и, как отмечает В.А. Клиновский, «право этих языков на самостоятельность с момента их оформления

не признавалось никогда. Ни в Средние века, ни в Новое время, ни в XXI в. в сознании ханьского этноса попросту не возникало идеи разделения китайского языка» (Клиновский 2012, 114).

В ситуации сложившейся в данной культурно-исторической области полигlossии и существовании разрыва между разговорно-диалектными вариантами и письменными языками, использующими иероглифическую систему фиксации, изначально обусловил выделение вопросов реформирования и стандартизации иероглифики в отдельный аспект как важный и неотъемлемый компонент языковой политики Китая уже в начале XX в., поэтому большинство принимаемых в данной сфере решений в общем случае содержит отсылки сразу к двум аспектам — языку (语言) и письменности (文字), реализуя дифференцированный подход к нормативизации языка — через установление фонетических, лексических и грамматических стандартов — и более традиционный для истории Китая процесс упорядочения используемой в стране графической системы — путем составления и обнародования списков стандартизованных иероглифических знаков. В ряде законов китайский законодатель использует термин ханьвэнь 汉文 'китайская иероглифическая письменность, письменность ханьцев', понимая под ним стандартизованную систему китайского иероглифического письма.

Охарактеризуем правовой статус путунхуа в КНР.

Правовые аспекты функционирования путунхуа

До 1909 года законодательное закрепление правового статуса языка в Китае как таковое отсутствовало, все процессы в развитии и укреплении позиций того или иного средства коммуникации в Китае шли стихийно и не регулировались никакими нормативными документами. В республиканский период (1912-1949) несмотря на не прекращавшуюся многие десятилетия дискуссию о национальном языке власти Китая эту сферу как объект правового регулирования не рассматривали. После образования КНР в 1949 г. интерес к данной проблеме значительно возрос и во многом был обусловлен оглядкой на опыт разработки и внедрения языковой политики новой власти в многонациональном и полиязычном СССР, однако и в тот период вопросы установления правового статуса языка продолжали оставаться за рамками конституционных норм.

Конституция КНР, принятая в 1984 году, положила конец длительному периоду истории Китая, когда в стране с явно выраженной диалектной разрозненностью и значительными расхождениями между письменной и устной формами языка, отсутствовало законодательное закрепление унифицированного инструмента коммуникации между регионами. Ныне действующая Конституция КНР 1984 г. содержит две нормы, касающиеся языка, в частности ст. 19 Конституции устанавливает обязанность государства обеспечивать распространение путунхуа по всей стране. В ст. 4, направленной на

установление равенства всех этносов, проживающих на территории КНР, для каждого этноса закреплена свобода использования и развития национального языка и письменности, а также свобода сохранения или изменения традиций и обычаев (Конституция КНР).

Обе эти нормы получили дальнейшее развитие в положениях двух ключевых для данной сферы законов — Закона КНР об общегосударственном языке и письменности (中华人民共和国国家通用语言文字法) 2001 г. (далее — ЗОЯП) и Закона КНР о национальной районной автономии (中华人民共和国民族区域自治法) 1984 г. (далее — ЗНРА), ряд положений которого касаются разграничения сфер использования национальных языков и путунхуа. Кроме того, нормы, затрагивающие вопросы сферы применения языка в КНР содержатся в ряде отраслевых нормативных правовых актов уровня законов, которые таким образом выступают источником правового регулирования социальных отношений, возникающих в связи с реализацией языковой политики в стране.

Качественно новый этап регулирования правового статуса языка в стране начался со вступлением в силу 1 января 2001 г. Закона КНР об общегосударственном языке и письменности² (中华人民共和国国家通用语言文字法), принятого на 18-ом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва 31.10.2000 г., опубликованного указом Председателя КНР № 37 от 31.10.2000 г., обозначив очередной виток языковой политики китайских властей и повышение

² Русский перевод см. (Каплунова 2017).

статуса проблемы языка в общегосударственном масштабе. Сам факт принятия отдельного закона свидетельствует о чрезвычайно высокой роли языка и письменности в современном Китае, где на сегодняшний день действует менее 300 нормативно-правовых актов такого уровня, и в абсолютном большинстве случаев китайский законодатель предпочитает идти по пути подзаконного регулирования различных аспектов жизни страны. В сравнении с РФ, где принято свыше пяти тысяч федеральных законов, число нормативных актов такого уровня в КНР ощутимо меньше, а следовательно, социальная значимость тех сфер, которые регулируются именно законами, будет значительно выше.

Закон КНР об общегосударственном языке и письменности устанавливает правовой статус путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов, а также разграничивает сферу и условия использования языков и диалектов, отличных от общегосударственного языка, и используемой на территории КНР системы упрощенной иероглифической письменности, общие вопросы транскрипции, уровня владения языком, преподавания, нормативизации и стандартизации путунхуа и иероглифической письменности, а также разграничения предметов ведения и полномочий по управлению и контролю за реализацией положений закона и языковой политики в целом между органами государственной власти разных уровней.

Прежде всего, ЗОЯП в ст. 2 разъясняет содержание используемого в законодательстве страны понятия «общегосударственный язык и письменность», под которыми следует пони-

мать путунхуа и стандартизованную китайскую иероглифику. Положения Главы I Закона устанавливают обязанность государства продвигать использование путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов в стране, а также предоставлять гражданам необходимые условия для их изучения и дальнейшего использования. Наличие общего для КНР языкового стандарта — путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов — призвано способствовать поддержанию суверенитета государства и подпитки чувства национальной гордости китайского народа, обеспечивает этническое единство страны, а также способствует строительству социалистической материальной культуры и сохраняет духовную культуру нации.

Согласно ст. 6 ЗОЯП, государство осуществляет деятельность по нормативизации и стандартизации общегосударственного языка и письменности, контролирует его применение в социальной практике, финансово поддерживает преподавание и научное исследование, содействует обогащению и развитию общегосударственного языка и письменности. Особый вклад отдельных лиц в данной сфере поощряется властями. Ст. 8 Закона дублирует конституционную норму о свободе использования и развития национальных языков и письменностей в стране.

Глава II ЗОЯП регулирует сферы обязательного использования общегосударственного языка и письменности. К таковым китайский законодатель относит:

– деятельность органов государственной

- власти, если иное не установлено законом (ст. 9);
- как основной язык и письменность обучения в школах и других образовательных учреждениях, если иное не установлено законом. Обучение путунхуа и стандартным китайским иероглифам осуществляется путем введения в учебную программу дисциплины «китайский язык», используемые при этом учебные материалы должны соответствовать нормам и стандартам общегосударственного языка и письменности (ст. 10);
 - в изданиях печатной продукции на китайском языке, которая должна соответствовать нормам и стандартам общегосударственного языка и письменности. Если в публикации на китайском языке требуется использовать иностранный язык, соответствующие места следует пояснять на общегосударственном языке и письменности (ст. 11);
 - как основной язык программ в эфире радио- и телевизионных станций. Для вещания на иностранном языке необходимо получить разрешение ведомства по вопросам радиовещания и телевидения при Государственном совете КНР (ст. 12).
 - в сфере услуг. При необходимости одновременного использования китайского и иностранного языков на вывесках, в рекламе, информационных материалах, дорожных знаках и т.д., надписи на китайском языке должны быть представлены стандартизованными китайскими иероглифами (ст.13).
- Ст. 14 ЗОЯП оговаривает ситуации, в которых в качестве основного средства коммуникации должны использоваться общегосударственный язык и письменность:
- аудио- и аудиовизуальные материалы, используемые в программах радиовещания, телевидения и кино;
 - визуальные материалы, размещаемые в общественных местах;
 - визуальные материалы, используемые на вывесках и в рекламе;
 - наименования предприятий и учреждений;
 - упаковка и описание товаров, реализуемых на территории КНР.
- Используемые при обработке информации и в продукции ИКТ общегосударственный язык и письменность должны соответствовать нормам и стандартам, принятым в КНР (ст. 15 ЗОЯП).
- Случаи, в которых на территории КНР допускается использование диалектов, перечислены в ст. 16 ЗОЯП. К ним относятся:
- при исполнении должностных обязанностей служащими органов государственной власти в случае возникновения такой необходимости;
 - как язык вещания радио- и телевизионных станций при условии получения

- разрешения ведомства по вопросам радиовещания и телевидения при Госсовете КНР или соответствующего ведомства при правительстве уровня провинции;
- в театральных представлениях, кинофильмах, телепрограммах или иных формах аудиовизуального искусства в случае возникновения такой необходимости;
- в печатных, учебных или исследовательских материалах в случае возникновения такой необходимости;
- в иных особых случаях с разрешения соответствующего органа Госсовета КНР.

Статья 17 ЗОЯП содержит перечень ситуаций, в которых допускается сохранение в исходном виде или использование традиционной иероглифической письменности, использовавшейся в Китае до реформ 1950-х гг., а также специфичные варианты написания иероглифических знаков:

- в памятниках культуры и исторического наследия;
- разнописи иероглифов в фамилиях и родовых именах;
- в предметах искусства, например, каллиграфии, при вырезании печатей и др.;
- рукописные варианты иероглифических знаков в эпиграфике и вывесках;

- в печатных, учебных или исследовательских материалах в случае возникновения такой необходимости;
- в иных особых случаях с разрешения соответствующего органа Госсовета КНР.

Статья 18 ЗОЯП предписывает обязательное использование в качестве инструмента фонетической записи общегосударственного языка и письменности транскрипционной системы *пиньинь*, выступающей как единый стандарт написания китайских имен собственных, географических названий и названий письменных памятников Китая в латинице, в тех сферах, где китайские иероглифические знаки неудобны или непригодны для воспроизведения.

Для лиц, претендующих на должности, предполагающие использование путунхуа в качестве рабочего языка, обязательным условием профессиональной пригодности соискателя является владением общегосударственным языком. Уровень владения путунхуа для дикторов, ведущих радио- и телепрограмм, актеров кино и телевизионных сериалов, учителей, преподавателей, служащих органов государственной власти, использующих его в качестве рабочего языка, должен соответствовать государственному стандарту. Для лиц чей уровень владения путунхуа оказался ниже требований государственного стандарта, проводится дополнительное обучение (ст. 19 ЗОЯП).

¹⁰ Чэнь Юй (1901-1974) — партийный и политический деятель, министр промышленности, тяжелой промышленности Северо-Восточного правительства (1948), первый министр топливной, угольной промышленности КНР, губернатор, секретарь партийного комитета провинции Гуандун (1957).

Глава III ЗОЯП регулирует разграничение сфер ответственности при осуществлении языковой политики государства. Обязанность по планированию, регулированию и контролю за использованием общегосударственного языка и письменности возложена на специальные ведомства по языковой работе при Госсовете КНР (ст. 21 ЗОЯП). В настоящее время это прежде всего Государственный комитет по работе в области языка и письменности (国家语言文字工作委员会), а также специальные департаменты в структуре Министерства образования КНР. На местах эта обязанность возложена на соответствующие ведомства местного уровня (отделы народных правительств), регулирующие и контролирующее использование общегосударственного языка и письменности на территории, на которую распространяются их полномочия (ст. 22 ЗОЯП).

Обязанность по регулированию и контролю за использованием общегосударственного языка и письменности в названиях предприятий, наименовании товаров, а также рекламе возложена на ведомства/отделы народных правительств уровня уезда или выше, ответственные за контроль административно-хозяйственной деятельности в сфере промышленности и торговли (ст. 23 ЗОЯП).

Государственный комитет по работе в области языка и письменности КНР публикует стандарты для проведения тестирования на уровень владения путунхуа (ст. 24 ЗОЯП), он же организует, рассматривает и утверждает официальный перевод на общегосударственный язык и запись в стандартизированной иероглифи-

ке иностранных имен собственных, включая антропонимы, топонимы, научно-техническую терминологию и др. (ст. 25 ЗОЯП). В случае обнаружения нарушения норм Главы II ЗОЯП, и несоответствия нормам путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов, любой гражданин вправе сообщить о нарушении и внести свои предложения по устранению выявленных несоответствий (ст. 26).

Таким образом, основным средством коммуникации, обеспечивающим информационный обмен в государстве, в соответствии с законодательством КНР, является путунхуа и стандартизованная иероглифическая письменность. Использование диалектов китайского языка в регулируемых сферах публичного дискурса допустимо исключительно в оговоренных ЗОЯП случаях.

Вторым важнейшим нормативным правовым актом, регулирующим сферу использования языков и письменностей, представленных на территории современного Китая, является Закон КНР о национальной районной автономии (中华人民共和国民族区域自治法), принятый на 2-ой сессии Всекитайского собрания народных представителей 6-го созыва 31.05.1984 г. с изменениями от 28.02.2001 г., часть положений которого затрагивает использование языка и письменности.

Ст.10 ЗНРА развивает конституционно установленную норму о свободе использования и развития национальных языков и письменностей, а также свободу сохранения или изменения традиций и обычаев, возлагая на органы власти национальных автономий обязанность

по обеспечению гарантий этих прав и свобод.

Согласно ст. 21 ЗНРА, при осуществлении своих полномочий органы власти национальных районных автономий могут использовать один или несколько языков и/или письменностей, распространенных на данной территории. При наличии нескольких языков и/или письменностей в автономии органы власти при осуществлении своих полномочий могут использовать доминирующий язык и письменность данной национальной районной автономии.

Положения ч. 3 ст. 37 ЗНРА устанавливают право школ, набирающих учащихся из числа национальных меньшинств, при наличии соответствующих условий использовать учебники, написанные на языке национального меньшинства, и давать во время урока объяснения на языке национального меньшинства. С целью продвижения общегосударственного языка путунхуа в старших классах начальной школы и средней школе должно вестись системное обучение китайскому языку и письменности.

Продвигая идею равенства всех этносов, проживающих на территории КНР, и обучения представителей разных этнических сообществ взаимоважению языков и письменностей, ст. 49 ЗНРА устанавливает обязанность органов власти в национальных районных автономиях обеспечивать обучение и поощрять кадры из числа разных этнических групп изучать языки других национальностей. Кадры из числа ханьцев должны изучать языки местных национальных меньшинств. Кадры из числа национальных меньшинств должны не только изучать и использовать национальный язык, об-

щепринятый на данной территории, они должны также изучать общегосударственный язык путунхуа и китайскую письменность. В национальных автономиях государством поощряется владение государственных служащих двумя и более языками и письменностями данной местности.

Народный суд и народная прокуратура национальных районных автономий, согласно ст. 47 ЗНРА, при рассмотрении дел и осуществлении надзора за соблюдением законодательства в автономиях используют язык, общепринятый на данной территории. Гражданам из числа любой этнической группы гарантируется право пользоваться родным языком и письменностью в судебном процессе. Для участников судебного процесса, не владеющих общепринятым на данной территории языком и письменностью, обеспечивается перевод. В юридических документах в зависимости от реальных потребностей следует использовать одну или несколько общепринятых на данной территории письменностей.

Аналогичные нормы содержатся в ст. 6 Закона КНР об организации народных судов (中华人民共和国人民法院组织法) 1979 г., ст. 9 Закона КНР об уголовном судопроизводстве (中华人民共和国刑事诉讼法) 1979 г., ст. 8 Закона КНР об административном судопроизводстве (中华人民共和国行政诉讼法) 1989 г. и ст. 11 Закона КНР о гражданском судопроизводстве (中华人民共和国民事诉讼法) 1991 г. (далее – ЗГС) Кроме того, согласно ст. 11 ЗГС КНР, вне зависимости от этнической принадлежности гражданин КНР имеет право подачи гражданского иска на родном языке.

Использование языка в делах с участием иностранных лиц регулируется положениями части IV ЗГС КНР, в которой ст. 262 предписывает использовать общегосударственный язык и письменность в судебных разбирательствах с участием иностранных лиц, которым может предоставляться перевод, при условии их готовности взять на себя расходы по оплате услуг переводчика. Согласно ст. 278 ЗГС КНР, запрос иностранных судов об оказании правовой помощи, направленный в адрес народного суда КНР, и прилагаемые к нему документы должен сопровождаться переводом на китайский язык или иной язык, предусмотренный международным договором. Запрос народного суда об оказании правовой помощи, направленный в адрес иностранного суда, и прилагаемые к нему документы должны сопровождаться переводом на язык страны или на иные языки, предусмотренные международным договором.

Нормы, регулирующие использование общегосударственного стандарта языка, диалектов и языков нацменьшинств, содержатся и в ряде других законов. Например, закон КНР об удостоверении личности (中华人民共和国居民身份证法) 2003 г. в ст. 4 устанавливает, что удостоверение личности гражданина заполняется стандартными китайскими иероглифами и цифровыми символами в соответствии с государственными стандартами. В районах национальных автономий при заполнении сведений в удостоверении личности при необходимости в качестве дублирующего средства может также использоваться национальный язык районной автономии, или язык, общепринятый на данной территории.

На подзаконном уровне в 30 регионах КНР (провинциях, национальных автономиях и городах центрального подчинения) приняты постановления и иные виды правовых актов, призванных эффективно содействовать нормативизации, стандартизации и дальнейшему развитию общегосударственного языка и письменности, например, «Меры по реализации Закона КНР об общегосударственном языке и письменности» в районной автономии Внутренняя Монголия (内蒙古自治区实施《中华人民共和国国家通用语言文字法》办法).

В большинстве национальных автономий действует общее Положение о национальной автономии (民族自治条例), которое содержит нормы, регулирующие разграничение сфер использования общегосударственного языка и письменности и языков национальных меньшинств, распространенных на данной территории. Кроме того, в районах национальной автономии действует 26 специальных положений (单行条例) о языках национальных меньшинств, принятых с целью обеспечить гарантии прав представителей этнических меньшинств на изучение и использование родного языка, языков и письменностей других этносов, а также содействовать научному подходу к сохранению этих языков и социально-экономическому развитию районов компактного проживания национальных меньшинств. Языковая ситуация на территории автономных районов КНР характеризуется как многоязычная эндоглоссная недиглоссная (Каплунова 2017, 72), поскольку в этих районах национальные языки находятся под защитой государства, их функционирование регулируется положениями ЗНРА.

В целом, нормативно-правовая база КНР в сфере языка и письменности имеет многоуровневую структуру и, согласно данным Центра исследований национальной языковой политики, насчитывает почти 2200 действующих актов, включая конституцию, законы, постановления, правила и иные виды нормативных документов³.

В КНР существуют два специальных административных района Сянган (Гонконг) и Аомынь (Макао), на территории которых языковая политика имеет свои особенности. На территории специальных административных районов действует Основной закон специального административного района, согласно которому в Сянгане статус официальных имеют китайский и английский языки, в Аомыне – китайский и португальский (ст. 9 Основного закона САР). На региональном уровне власти Сянгана (Гонконга), например, проводят политику (两文三语, Bi-literacy and Trilingualism), предполагающую использование местными жителями в речи в кантонского диалекта, английского языка и путунхуа, а на письме — традиционную систему иероглифики, и английский язык. В сфере образования местные власти имеют свободу выбора языка обучения в школах и иных образовательных учреждениях.

В целом, на современном этапе языковая ситуация в САР характеризуется как многоязычная экзогlossная недигlossная, здесь наблюдается активное использование языков

бывших колонизаторов (индоевропейских, не родственных китайскому языку) и высокая коммуникативная мощность английского (даже с учетом отсутствия статуса официального языка на территории Аомынь) (Каплунова 2017, 72).

С социолингвистической точки зрения, эти регионы выделяются среди остальных районов КНР как особые территории со специальным статусом, однако уже сейчас очевидно, что проводимая властями активная кампания по распространению путунхуа неизбежно приведет к сокращению числа говорящих на других языках и диалектах. В этих районах в дальнейшем следует ожидать сближения специфичной локальной языковой ситуации с общекитайской, которая год от года демонстрирует прирост числа говорящих на общегосударственном языке. Так, по данным последней переписи населения 2020 года, 80,72% населения КНР говорит на путунхуа, прирост к общему числу говорящих уровня 2000 года составил 27,66%.⁴

В целом, на территории КНР не регламентированные сферы приватного дискурса оказываются значительно дифференцированы в зависимости от региональных особенностей языковой ситуации. В ареале крупных диалектов, имеющих значительный задел коммуникативной мощности, например, кантонский, диалекты у, минь и др., функционирование путунхуа в большей степени характеризует публичный дискурс. В бытовой коммуникации представителей

³ http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/jyzt_2020n/2020_zt23/zhuanjiawenzhang/202010/t20201026_496628.html

⁴ http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202106/t20210616_538404.html

локальных языковых сообществ в районах их компактного проживания основным инструментом устного общения по-прежнему выступают диалекты.

Список литературы

1. Воробьев М.В. *Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. – 1234 г.)*. Москва: Наука, 1983.
2. Сафронов М.В. *Китайский язык и китайская письменность*. Москва: Восток-запад, 2007.
3. Астрахан Е.Б. и др. *Диалекты и национальный язык в Китае*. Москва: Наука, 1985.
4. *Language Atlas of China*. Hong Kong: Longman Group – Far East, 1987.
5. Юань Цзяхуа. *Диалекты китайского языка*. Москва: Наука, ГРВЛ, 1965.
6. Завьялова О.И. *Диалекты китайского языка*. Москва: Научная книга, 1996.
7. Клиновский В.А. Правовой статус языка в конституции и законах современного Китая // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012, № 2. С. 196-199.
8. Каплунова М.Я. *Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР*. Дисс. ... канд. филол. наук. Ин-т языкознания РАН, Москва, 2017. https://iling-ran.ru/theses/kaplunova_full.pdf (Дата обращения: 07.10.2021)
1. Законодательные акты КНР
2. Конституция КНР (中华人民共和国宪法) www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (Дата обращения: 29.09.2021) (на кит.яз.)
3. Закон КНР о языке и письменности (中华人民共和国国家通用语言文字法) www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_61066.htm (Дата обращения: 03.10.2021) (на кит.яз.)
4. Закон КНР о национальной районной автономии (中华人民共和国民族区域自治法) www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60720.htm (Дата обращения: 03.10.2021) (на кит.яз.)
5. Закон КНР об организации народных судов (中华人民共和国人民法院组织法) www.gov.cn/xinwen/2018-10/27/content_5334895.htm (Дата обращения: 09.10.2021) (на кит.яз.)
6. Закон КНР об уголовном судопроизводстве (中华人民共和国刑事诉讼法) www.gov.cn/xinwen/2018-10/27/content_5334920.htm#1 (Дата обращения: 09.10.2021) (на кит.яз.)
7. Закон КНР о административном судопроизводстве (中华人民共和国行政诉讼法) www.gov.cn/xinwen/2017-07/05/content_5243206.htm (Дата обращения: 09.10.2021) (на кит.яз.)
8. Закон КНР о гражданском судопроизводстве (中华人民共和国民事诉讼法)

www.gov.cn/gongbao/content/2007/content_830512.htm (Дата обращения: 09.10.2021) (на кит.яз.)

9. Закон КНР об удостоверении личности (中华人民共和国居民身份证法) www.gov.cn/zhengce/2005-06/27/content_2602153.htm (Дата обращения: 09.10.2021) (на кит.яз.)

References

1. Vorobyov M.V. Culture of the Jurchens and the Jin state (X cent - 1234). Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)
2. Safronov M.V. Chinese language and Chinese writing. Moscow: Vostok-Zapad, 2007. (In Russ.)
3. Astrakhan E.B. et al. Dialects and national language in China. Moscow: Nauka, 1985. (In Russ.)
4. Language Atlas of China. Hong Kong: Longman Group – Far East, 1987.
5. Yuan Jiahua. Dialects of the Chinese language. Moscow: Nauka, GRVL, 1965. (In Russ.)
6. Zavyalova O.I. Dialects of the Chinese language. Moscow: Nauchnaya kniga, 1996. (In Russ.)
7. Klinovsky V. A. Legal status of the language in the constitution and laws of modern China // Bulletin of the Buryat State University. 2012, no. 2. pp. 196-199. (In Russ.)
8. Kaplunova M.Ya. Language policy and func-

tional development of languages in the PRC. Diss. ...cand. Philol. Sci. Institute of Linguistics RAS, Moscow, 2017. https://iling-ran.ru/theses/kaplunova_full.pdf (Access date: 10/07/2021) (In Russ.)

Laws of PRC

1. Constitution of the People's Republic of China www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (accessed: 29.09.2021)
2. National Standard Spoken and Written Language Law of the People's Republic of China www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_61066.htm (accessed: 03.10.2021)
3. Regional Ethnic Autonomy Law of the People's Republic of China www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60720.htm (accessed: 03.10.2021)
4. Organic Law of the People's Courts of the People's Republic of China www.gov.cn/xinwen/2018-10/27/content_5334895.htm (accessed: 09.10.2021)
5. Criminal Procedure Law of the People's Republic of China www.gov.cn/xinwen/2018-10/27/content_5334920.htm#1 (accessed: 09.10.2021)
6. Administrative Procedure Law of the People's Republic of China) www.gov.cn/xinwen/2017-07/05/content_5243206.htm (accessed: 09.10.2021)
7. Civil Procedure Law of the People's Republic of China www.gov.cn/gongbao/

content/2007/content_830512.htm

(accessed: 09.10.2021)

8. Resident Identity Card Law of the People's Republic of China www.gov.cn/zhengce/2005-06/27/content_2602153.htm
(accessed: 09.10.2021)

Сведения об авторе

Емельченкова Елена Николаевна

к.ф.н., доцент, завкафедрой

Кафедра теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11

Россия

emelchenkova@gmail.com

Information about the Author

Elena N. Emelchenkova

PhD (Candidate of Philology), Associate Professor, Head of the Department

Department of theory and methods of studying languages and cultures of Asia and Africa, St Petersburg State University

199034, St Petersburg, Universitetskaya emb., Build. 11, Russia

emelchenkova@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

Conceptual metaphor of brotherhood in Chinese and Russian languages: specifics of formation and function

Концептуальная метафора братства в китайском и русском языках: специфика формирования и функционирования

Ван Цяньцзянь

*Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия*

Автор, ответственный на переписку:

qianwang0529@163.com

Wang Qianqian

*Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia*

Corresponding author:

qianwang0529@163.com

УДК 81 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-90-103](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-90-103)

АННОТАЦИЯ

В китайской традиционной культуре понятие «братства» апеллирует к глубокой привязанности и взаимной поддержке между братьями, оно рассматривается как одно из очень важных моральных качеств. А метафора как лингвистическое явление возникает на основе опыта, который является результатом продолжения и развития социальной культуры и может в значительной степени определять ценность, убеждение и отношение людей. В статье подробно рассмотрена концептуальная метафора «братства», функционирующая в китайском языке, и после понимания метафор с помощью культурной трансмиссивности концептуальных метафор происходит освоение культурных коннотаций переводного языка, на ос-

ABSTRACT

In traditional Chinese culture, "brotherhood" refers to the deep affection and mutual support between brothers, which is regarded as one of the vital moral characters. Metaphor, as a linguistic phenomenon, arises from experience, which comes from the inheritance and development of the social culture and can reflect people's values, beliefs and attitudes to a large extent. This article makes a detailed study of the conceptual metaphor of brotherhood in Chinese and tries to learn the cultural connotation of the target language by understanding the metaphor through the cultural transmission of the conceptual metaphor, from which the similarities and specificities of Russian and Chinese cognition and cultural concepts can be explored.

нове чего можно исследовать общности и особенности когнитивных стилей и культурных концептов русского, и китайского народов.

Ключевые слова. концептуальная метафора, теория метафоры, китайский язык, китайская традиционная культура, русский язык.

Для цитирования: Ван Цяньцян. Метафорические конструкция о «Братстве» и размышления о ее переводе с китайского на русский язык. *Современные востоковедческие исследования.* 2023; Том 5 (4). С. 90-103 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-90-103>

В современном отечественном и зарубежном языкознании феномен метафоры является одним из самых неоднозначных: каждое языковедческое направление трактует метафору со своей точки зрения — в зависимости от того, какая проблема находится в центре конкретного исследования. Так, например, «лексикология и стилистика, каждая со своей точки зрения, рассматривают сходные проблемы определения метафоры и трактуют её как перенос наименования с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их внутреннего или внешнего сходства» [Ахманова, 1966: 232].

По мере того, как интерес исследователей к феномену метафоры возрастал, представление о ней претерпевало качественные изменения: метафору стали интерпретировать не только как риторический прием, но и способ или механизм, позволяющий людям устанавливать связи между различными характеристика-

Keywords. conceptual metaphor, metaphorical theory, Chinese language, Chinese traditional culture, Russian language

For citation: Wang Qianqian. Conceptual metaphor of brotherhood in Chinese and Russian languages: specifics of formation and function. *Modern Oriental Studies.* 2023; Volume 5 (№4). P. 90-103 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-90-103>

ми вещей в своем сознании. В процессе этой эволюции фокус интересов ученых сместился с изучения метафоры в риторическом аспекте к ее изучению в аспекте когнитивном. Последнее свидетельствует о существенных характеристиках когнитивной лингвистики как дисциплины, то есть, если когнитивная лингвистика изучает, как языковые свойства отражают другие аспекты человеческого познания, то метафора обеспечивает наиболее психологически релевантную линзу для иллюстрации этих отношений.

Как известно, основы концептуальной теории метафоры были впервые представлены в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson 1980]. Теория уходит корнями в далекое прошлое и основывается на столетиях изысканий, в рамках которых метафору рассматривают не просто как декоративное средство в языке, но как концептуальный инструмент для

структурирования, реструктуризации и даже создания реальности. Они определяют нашу повседневную жизнь, вплоть до самых обыденных деталей. Наши концепции структурируют то, что мы воспринимаем, как мы передвигаемся в мире и как мы относимся к другим людям. Таким образом, наша концептуальная система играет центральную роль в определении нашей повседневной реальности. [Božić, 1974]

Как способ концептуализации ментального режима, концептуальная метафора опира-

ется на концептуальную структуру. Эта концептуальная структура является не одноуровневой, а многослойной, она нарушает традиционные модели развития и исследования метафоры, но подразделяет концептуальные метафоры разной степени, аспекта и содержания: структурные метафоры, ориентационные метафоры и онтологические метафоры.

Структурная метафора предполагает метафорическое упорядочивание одного понятия

Метафора → Концептуальная метафора

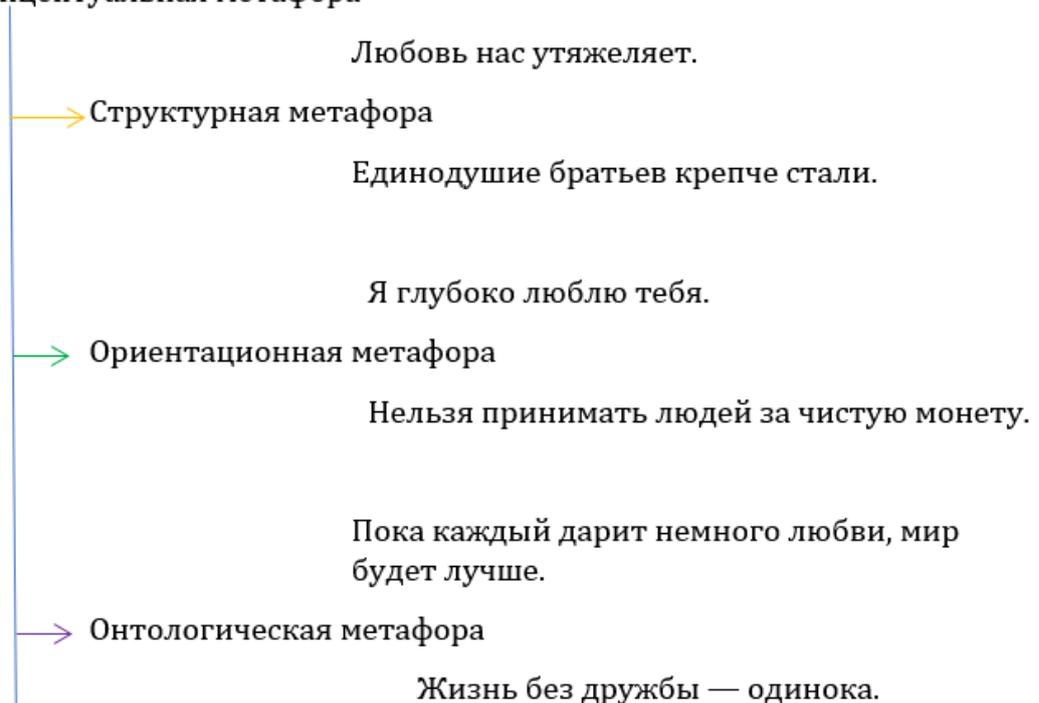

Рис. 1. Классификация концептуальной метафоры

Pic. 1. Classification of a conceptual metaphor

в терминах другого, наложение двух понятий и использование слов, описывающих одно понятие для описания другого. По мере того, как человек все лучше осознает объективный мир

и самого себя, он учится видеть объект с разных точек зрения и воспринимать его как имеющий различные характеристики. Структурная метафора «Сила единства братьев может

разбить золото» (兄弟齐心, 其利断金), функционирующая в китайском языке, отражает следующую идею: если люди будут держаться вместе, то смогут решить любую проблему.

Ориентационная метафора относится к ряду метафорических понятий, сформированных в отношении пространственной ориентации. Понятие пространственной ориентаций возникло в результате взаимодействия людей и природы и является самой главной концепцией, на которое опираются люди для своего выживания: *вверх — вниз, вперед — назад, глубоко — мелко* и т.д. В ориентационных метафорах, таких как «*У вас приподнятое настроение*» и «*Радость превыше всего*», говорящий заимствует конкретные понятия ориентации для обозначения каких-то абстрактных понятий или абстрактных отношений. Подобные метафорические понятия и их языковые выражения не произвольны, а выработаны на основе определенного материального и культурного опыта и иллюстрируют психологический процесс эволюции человеческого мышления и языка.

Онтологическая метафора предполагает, что изначальный способ существования человека был материальным. Этот тип метафоры проявляет то, что люди рассматривают абстрактные и расплывчатые неосязаемые понятия, такие как мысли, чувства, умственную деятельность, события и состояния, конкретные и осязаемые сущности. «*Разум — это машина*» расплывчатое понятие «*смысл*» рассматривается в данном случае как физическая «машина».

По сути, концептуальная метафора — это инструмент восприятия, с помощью кото-

рого люди могут понять окружающий мир. Благодаря взаимно-однозначному отображению между онтологией и метафорой различные образы в жизни имеют глубокие коннотации, а использование концептуальных метафор делает языковое выражение в коммуникации более ярким. Применение положений теории концептуальной метафоры к анализу метафоры китайского языка «единодушие братьев крепче стали» (兄弟齐心, 其利断金) доказывает применимость использования теории концептуальной метафоры при анализе метафорических предложений и текстов, предоставляя новую перспективу для анализа подобных текстов и помогая дальнейшему развитию и совершенствованию теории концептуальной метафоры.

Метафора широко распространена в повседневной жизни, не только в языке, но и в мыслях и действиях, и суть метафоры заключается в понимании и переживании одного вида вещей в терминах другого. [Джордж Лакофф & Марк Джонсен, 2003: 25] Lakoff утверждал, что метафора принципиально концептуальна, а не лингвистична.

Метафоры (и другие формы образного языка) интерпретируются в соответствии с теми же принципами, что и буквальное высказывания. По своей природе они ориентированы на релевантность и обеспечивают более богатый набор умозаключений, чем буквальное высказывания. Метафора, как концептуальный аспект, есть средство познания действительности. Соответствующие выражение являются целостной системой, которая имеет следующие ключевые параметры:

- информативность;
- визуализация;
- оценочность;
- разнообразие.

В настоящем популярном повседневном дискурсе концептуальные метафоры образуют особый шаблон выражения. Он представляет собой процесс создания текстов в сочетании с прагматическими, универсальными, эмпирическими, творческими, диалектическими и национально-культурными и психологическими особенностями, включая взаимодействие человека и механизма в сознании, т.е. когнитивный процесс.

Концептуальная метафора является процессом соединения творческих информативных элементов в системе ментальных пространств. Любое образное выражение, будь то посредством чего-то фигуративного или абстрактного, должно оказывать впечатление более сильное, чем исходный объект.

Универсальность относится к обработке разрозненных вещей и упорядочению их в соответствии с законами и последовательностями. Язык, используемый людьми в повседневной жизни, часто универсален, а выбор языковых средств не случаен. Например, слово «рис» (饭) часто ассоциируются со словом «есть» (吃) и «пить» (喝). В концептуальной метафоре «Сила единства между братьями может разбить золото» (兄弟齐心, 其利断金) заложена вера людей в то, что сила единства(团结) помогает все преодолеть.

Практичность состоит в том, что люди помещают в одну и ту же систему две вещи

с одинаковыми характеристиками, но в разных областях. В таком когнитивном поле метафоры выступают в качестве важных социальных стандартов, действуя как мосты, позволяющие новым идеям существовать в социальной коммуникации. «Смех — лучшее лекарство» (笑是最好的解药): люди испытывают силу смеха через посредство такого объекта, как лекарство.

Экспериментальность — качество концептуальной метафоры. Объективное существование внешнего мира не полностью соответствует нашему познанию, а наше понимание внешнего мира основано на личных физических и психологических ощущениях. К примеру, самый простой цвет черный (как объективный объект) сам по себе не имеет эмоциональной окраски, но благодаря ассоциации и опыту ему придается специфическое значение как «тьма» и «горечь» (黑暗, 苦涩).

Созидательность воплощается в концептуальной метафоре в виде творчества. Новизна и уникальность означает уникальное выражение особых эмоций, а результат творчества подразумевает определенный стандарт оценки и социальную ценность. Например, «этот магазин — черный магазин» (这家店是一家黑店), «этот человек идет в черном по улице (гангстер)» (这个人走在一条黑街上 (黑帮)).

Диалектичность — важное свойство мирового материального движения и важная черта человеческого развития. В концептуальной метафоре смысл и объем, выражаемые с опорой на один и тот же объект, различны. Например, «любовь» (爱情): «Вы никогда не сможете достичь любви без упорного труда и преданности

делу» (没有努力和奉献, 你永远无法实现爱情), «влюбился в Марию» (爱上了玛丽亚). Любовь в первом предложении рассматривается как «точка», а любовь в последнем предложении — как «большой контейнер», видно, что изображение вещей не является статичным. В некотором смысле именно множественность вещей делает мир таким прекрасным.

К числу наиболее известных теорий метафоры, помимо аристотелевской сравнительной теории, также относятся: теория замещения (субституциональная теория), теория аномалий, эмотивная теория и интеракционистская теория, они описывают механизмы работы о метафоре [Киселёва, 2012: 2].

В названных теориях контекст является значительно важным понятием для анализа механизма действия концептуальной метафоры. Контекст является почти всеобъемлющей категорией, которая варьируется от знаний о лингвистике, знаний о мире, о социальном и культурном фоне, в котором происходит общение.

В концептуальной метафоре есть два вида «доменов», один из которых является «целевым доменом» (область-мишень), а другой — «исходным доменом» (область-источник), связь между ними называется «взаимоднозначным отображением», и результат этого отображения зависит от уровня нашего понимания. Например, «Тело — это машина» (身体是机器 — (это связь между двумя семантическими областями. «Исходный домен» этой метафоры (домен, обеспечивающий метафору) — «машина», а «тело» — «целевой до-

мен» (метафоризируемый домен). Идея этого предложения заключается в том, что человеческое тело подобно машине с полной производительностью (органы) и рабочими условиями (живое).

В этом рабочем механизме необходимо соблюдать два основных принципа: во-первых, целевой домен и исходный домен в метафоре должны быть двумя разными вещами; во-вторых, «целевой домен» и «исходный домен» отображения должны пересекаться, то есть точки соприкосновения, например тело должно нормально функционировать, и машина работать, чтобы реализовывать свою функцию.

Концептуальный домен, который дает нам метафорические выражения для понимания другого концептуального домена, называется исходным доменом, а то, что в данном случае нами понимается, — целевым доменом. Итак, *жизнь, ссоры, любовь, теория, идеи* и другие абстрактные понятия являются домен-источником, в то время как *путешествия, война, здания, еда, растения* и другие — это конкретные понятия, и они являются доменами-мишенями. Именно этот механизм действия объясняет, почему метафорические процессы обычно направлены из материальной сферы в нематериальную и как они тесно связаны.

Понятие «братство» (兄弟情) может рассматриваться как базовый концепт исторического развития. С давних времен люди серьезно относились к нему, но с трудом находили его носителя. Братья Кирилл и Мефодий создали кирилловскую письменность, создавшую условия для развития древнерусской литературы;

братья Райт осуществили первый в мире управляемый полет, открывший эру полетов; братья Гримм посвятили себя собиранию фольклора, что привело к созданию всемирно известных «Сказок братьев Гримм» и т.д. Понятие привязанности, о котором также следует говорить, восходит к китайскому фольклору («Единодушие братьев крепче стали.» означает, что два человека, объединившиеся вместе, его сильны как острый лезвие, и могут прорубить даже сталь, т.е. нет такой проблемы, которую нельзя было бы решить.), а использование острого лезвия для изображения этого качества является метафорическим понятием, или скорее, метафорическим представлением солидарности. Метафорическое представление братства относится к использованию метода метафоры для представления любви между братьями, то есть для представления братской любви с помощью связанного понятия или выражения в другой семантической категории, такой как «Единодушие братьев крепче стали» (兄弟齐心, 其利断金), «братство как рука и нога» (情同手足).

Очевидно, что это метафорическое представление братства имеет физическое основание и воплощено в опыте человека, использующего метафору как когнитивный инструмент, и является результатом междоменного отображения и слияния концептов. В частности, речь идет о проекции концептуального домена на эмоциональный домен, и проецировании структуры рассуждений концептуального домена на эмоциональный домен, чтобы понять важность «братства».

«Бог открывался человеку и в древних религиях, сообщал людям Свою волю через избранных Своих людей, но никогда до Христа не **воплощался** Бог, не являлся в образе личности» [Н. А. Бердяев, 1911: 3].

В этом предложении появляется очень важное слово «воплощаться». Все пустые и расплывчатые понятия или объекты в умах людей будут приходить к ним в различных формах с течением времени. И эти представления, и формы материализуются в виде идей, которые люди активно принимают и с которыми соглашаются.

С нейрофизиологической точки зрения метафора «Братства» — это нейронная связь, приобретенная в результате совместной активации. Дж. Лакофф утверждал, что «самые основные ценности в культуре будут согласовываться с метафорической структурой самых основных понятий в культуре, и эта согласованность вызвана феноменом регулярного оборота внутри организма или тела» [Джордж Лакофф, 2003: 23]. Они подчеркивают «воплощение» метафор и выступают против «пустоты» (т. е. де-корпорализации, подчеркивая, что познание функционально способно существовать независимо от человеческого тела), порывая с традиционным для когнитивной науки «дуализмом разума-тела» (Декарт). Для метафорического представления «братства», «воплощение» является важным условием его возникновения, и без нее представление «братства» не может быть понято.

Процесс осознания людьми братства начался не с абстрактных философских принципов, а с их повседневных опытов и практики.

Первоначально термин «братство» выражал большое количество членов семьи, относился к семейным отношениям, а это значит «он мой старший брат или младший брат», и не проникало в понятие «острый край». Нет «брата» в чисто буквальном смысле, полностью оторванном от личного опыта (вы бы не назвали незнакомца братом, если бы, по крайней мере, знали друг друга).

Поэтому, когда мы представляем «братство», мы всегда опираемся на личный опыт, например понимание представления братства через восприятие движения, направления, пространства, предметов и других либо конкретных, либо абстрактных вещей. Другими словами, метафорическое представление братства – всего лишь когнитивные леса, которые мы проектируем для представления братства на основе собственного опыта. Что такое братство? Можно сказать, что метафорическое представление братства — это не только языковое явление, но и важный способ мышления, познания и средство выражения.

Метафорические представления братства разнообразны, они могут быть представлены как визуальные представления, психологические представления, языковые представления и реалистические представления.

Во-первых, с точки зрения домена-источника братства, метафорическое представление братства с разным концептуальным содержанием может быть порождено за счет разных областях-источниках.

Если братство рассматривается как событие в движении, могут порождены такие ме-

тафоры, как «*между четырьмя морями все люди — братья*» (四海之间皆兄弟) и «*отношение между благородными людьми легки как вода*» (君子之交淡如水); если «братство» рассматривается как статичное событие, могут быть порождены такие, как «*братья как руки и ноги*» (兄弟如手足) и «*братья как пазлы*» (兄弟似拼图), и эти метафоры могут быть определены различными словами, тем самым создавая больше метафорических представлений «братства».

Во-вторых, с точки зрения измерения отображения метафоры братства один и тот же исходный домен может генерировать разные метафорические представления в соответствии с разными измерениями метафорического отображения. Если мы рассматриваем «братство» как сталь, то такие слова, как «*закаленный*», «*нерушимый*», «*прочный*», «*тяжелый*» (千锤百炼、坚不可摧、持久、重), определяются относительно стальной схемы, что может привести к «*братство как железо, без щелей*» (我们关系似铁, 没有缝隙) и «*братство как тысяча кусков золота*» (我们之间的情义重似铁, 犹如千金) и многие другие метафорические представления «Братства». Конечно, это только часть метафорического представления «Братства», и его нельзя полностью резюмировать простыми примерами.

За диверсификацией метафорических представлений стоит метафорическое мышление, которое отражает богатство, многопрофильность и разнообразие человеческих метафорических точек зрения, в то же время иллюстрирует силу воплощенных умственных способностей человека. [Сянронг Чжан, 2006:

98], поэтому невозможно систематически овладеть этот риторический паттерн без понимания диверсификационных применений метафоры, и даже труднее ярко выявить функций языка. Ведь только систематически разбираясь в различных проявлениях метафор, мы можем их идентифицировать, понимать, ценить и даже свободно использовать.

Концептуальные метафоры рассматриваются как эффективные лингвистические формулы для достижения убедительной функции языка [Nikolina Bogić, 2016: 73], потому что они связаны с такими концептуальными фреймами, как *война*, *болезнь*, *спорт*, *путешествие* и др. Через эти концептуальные фреймы реципиенты воспринимают многие абстрактные и сложные события, действия и явления. Таким образом, сообщения становятся более убедительными, потому что они вызывают в памяти уже известные или, по крайней мере, знакомые вещи.

Метафора на самом деле имеет фундаментальное значение для понимания языка,

поэтому то, как повседневная жизнь переплетается с метафорическими выражениями находится в центре нашего исследования. И в основе этого исследовательского центра лежит системность метафорического представления.

Упоминание концепта «Братство» — это не только интерпретация на лингвистическом уровне, но и концептуализация братства в домене-источнике с помощью острого лезвия. Системность концептуальных метафор отражается в метафорической коннотации. Системный характер понятия метафоры отражается в ее метафорических коннотациях, которые характеризуются иерархией и субкатегоризацией, формируя психологическую идентичность дискурса и определяя лексическое построение языкового уровня дискурса. Например: (1) БРАТСТВО КАК ОСТРОЕ ЛЕЗВИЕ, (2) БРАТСТВО КАК СТАЛЬ, (3) БРАТСТВО ЭТО ЗОЛОТО, три концептуальных метафоры имеют одинаковый целевой домен, и три исходных домена образуют систему импликаций верхнего уровня с ЦЕННЫМ ПРЕДМЕТОМ:

Рис. 2. Классификация предмета | Pic. 2. Classification of the object

Система имеет вертикаль (содержит четыре уровня) и соответствующие диапазоны от большего к меньшему. Как видно, чем более абстрактным является понятие, тем большее количество концептуальных метафор требуется для его построения. Это объясняется тем, что чем более абстрактным является понятие, тем сложнее его понять, и поэтому требуется многоракурсной проработки, но следует отметить, что их нельзя разделить друг от друга.

Качество «братство» — это метафора наполняется философским мышлением «инструмент — разум — ценность». С тем чтобы понять или даже создать магическую логическую систему, мы должны представить себе, как каждая ее часть метафорически связана с остальными. Логика — это не только инструмент для решения арифметических задач, это идеология, мировоззрение, убежденность в схематичности мира, подвластности его формальным законам. Логическое мышление ищет логику везде, но находит ее лишь там, где главенствуют время и пространство — две самые грандиозные формализуемые категории. Как новый компьютер всегда лучше старого. Сфера логики наиболее чувствительна к прогрессу, поэтому анализируем логическую связь и рациональность метафорической конструкции «братство» с позиции следующих аспектов.

Метафора — один из основных способов познания вещей. Качества братства абстрактны, невидимы и неосязаемы, именно метафорическое восприятие других вещей позволяет нам классифицировать это понятие. Метафорическое значение «Братство одного весомее го-

ры Тайшань, братство же другого легковеснее лебяжьего пуха» (情义或重于泰山, 或轻于鸿毛。) включает в себя то, что братство бесценно, изменчиво, постоянно движется и т. д. Интерпретация его метафорического значения не может быть исчерпана. Если мыслить логически, то метафора «Братство» может быть охарактеризована двояко: с одной стороны, мы не понимаем истинного смысла братства ввиду его глубины, широты и важности, с другой стороны, метафора братства является лишь системой символов.

Когда мы представляем «Братство» как острое лезвие и полагаемся на эту метафору, мы квалифицируем «Братство» как объект, который можно лелеять, отбрасывать, использовать и откладывать в сторону. Если осмыслить ситуацию в выражении «Единодушие братьев крепче стали» (兄弟齐心, 其利断金), то изложения «отбрасывать братьев» (放弃兄弟) и «воспользоваться братьями» (利用兄弟) являются корректными. И китайский, и русский языки изобилуют языковыми репрезентантами метафоры братства, и хотя они специфичны в двух языках, их объединяет то, что они отражают познание людьми самих себя, опыт или другие категории вещей, и все они основаны на конечном поиске природы мира и себя.

Если обратиться к концептуальной метафоре «Сила единства между братьями может разбить золото» (兄弟齐心, 其利断金), то мы видим, что человек в процессе своего развития полагается на кооперацию с другими людьми и устанавливает метафорическую причинно-следственную связь между всеми

этапами индивидуального существования как философского опыта и качеством единства. Люди не могут существовать в изоляции, и это не только философская основа метафоры «Братство», но и одно из важных первоначальных намерений метафорного познания.

Другими словами, понять качество — значит познать самого человека. Из богатой коннотации метафоры «Сила единства между братьями может разбить золото.» (兄弟齐心，其利断金) и внутренних характеристик метафоры хорошо видно, что метафора братства имеет сложное содержание, разнообразные бесконечные репрезентативные возможности. Они отражают различные представления о братстве, которые восходят к рациональному поиску происхождения мира и самого человечества.

Как упоминалось выше, линия «реальность ↔ когнитивность ↔ язык» является фундаментальным принципом когнитивной лингвистики, и возникновение метафоры идет по тому же пути. В некотором смысле это взаимодействие отражает «заботу» метафоры братства о человеческом сообществе [Ван Инь, 2005: 15].

Носители китайской лингвокультуры в разговоре о помощи в тяжелой ситуации говорят: «Как только мы убедились, что мы друзья, кровные узы не так важны.» (落地为兄弟，何必骨肉亲), «В лютые морозы познаешь стойкость хвойных деревьев, и друг познается в беде, проявить себя верным другом» (岁寒知松柏，患难见真情); когда давая обещания друг другу, они говорят: «Даже если бы пруд ТаоХуа был глубиной в тысячу футов, он не был бы таким глубоким, как прощание Ван Луна со мной.»

(桃花潭水深千尺，不及汪伦送我情); когда мы даем друг другу обещания, мы говорим: «Он прислал мне свежие персики, и я отплатила ему лучшую яшму.» (投我以木桃，报之以琼瑶); когда мы сетуем на то, что люди не могут существовать в изоляции, мы говорим: «Красивому цветку нужен зеленый лист, доблестному человеку нужна помощь» (好花要有绿叶扶，好汉要有众人帮) и т.д. Мы опираемся на другие категории, чтобы концептуализировать «братство», и тогда нам помогает метафора «братство» в практической ситуации.

Люди способны осуществлять межкультурную коммуникацию, поскольку живут в одной или похожей реальности, и человеческие органы и части тела функционируют одинаково, а это означает, что люди, представляющие разные лингвокультуры, способны приходить к взаимопониманию даже при учете неизбежных коммуникативных потребностей. Основываясь на положениях эмбодированной философии (Embodied Philosophy) Дж. Лакоффа, китайский ученый Ван Инь предложил новую концепцию теории перевода, основанную на положениях эмбоди-когнитивной лингвистики, согласно которым, перевод — это вид когнитивной деятельности, основанный на множественном взаимодействии, в котором переводчик, основываясь на понимании различных значений, выраженных в оригинальном тексте о реальном мире, использует разные эмбоди-когнитивные способы (например, сенсор, образная схема, когнитивные модели, метафоры, концептуальная интеграция и т.д.) для отображения этих значений в переводном языке, а также конструирования

ния и перефразирования их на основе механизмов творческого подражания.

Именно тот факт, что жизненный опыт человека и выражение эмоций очень похожи (смех — если вы счастливы, плач — если нет), позволяет носителям разных языков понимать друг друга и легко переводить с одного языка на другой.

Мы рассмотрели конструирование метафоры «Братства» и ее внутреннюю логику, которая на самом деле отражает способ восприятия и взаимодействия людей с миром и имеет глубокую философскую основу. Конструирование метафоры является результатом сочетания чувственности и рациональности. Хотя мы не можем исследовать богатство и структуру всех качественных метафор, сосредоточившись на «братстве», но мы подчеркнем, что глубинная природа представления метафоры «братства» и ее философские смыслы бессознательно возвращают человека к поиску сущности жизни. В будущем мы можем изучить более репрезентативные представления метафоры о качестве, чтобы более полно раскрыть завесу, скрывающуюся за метафорой качества.

Список литературы

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. Издательство «советская энциклопедия» Москва. 1966. С.-538.
2. *Лакофф Д., Джонсен М.* Метафоры, которыми мы живем. Лондон: Университет Чикаго. 2003. С.-190 (на англ. яз.)
3. *Гираертс Д.* Когнитивная лингвистика: Основные чтения. Берлин — Нью-Йорк. 2006. С.-497. (на англ. яз.)
4. *Вервеке Дж. и Кеннеди Дж.* Концептуальная метафора и абстрактное мышление. Ltd Зарегистрирован в Англии и Уэльсе. 2009. С. 214–219. (на англ. яз.)
5. *Киселева Л.А., Тодосиенко З.В., Лукманова Р.Р., Куулар Е.М.* Метафора как средство визуализации объекта наименования в медиатекстах (на материале русского, английского, татарского и тувинского языков). Новые исследования Тувы. 2022. №4. 2022. С. 243-256.
6. *Раймонд В., Гиббс Дж. Р.* Кембриджский справочник по метафоре и мышлению. Калифорнийский университет, Санта-Круз. 2008. С. 109,234,247. (на англ. яз.)
7. *Борчич Н.* Концептуальная метафора в политической коммуникации. Университет прикладных наук ВЕРН'. 2016. С. 73–94. (на англ. яз.)
8. *Сянронг Чжан.* Анализ концептуальной метафоры в западной коммерческой ре-

кламе. Факультет иностранных языков, Шаньдунский сельскохозяйственный университет Тайань 271018, Китай. 2006. С. 97–99. (на кит. яз.)

9. Ван Инь. Когнитивно-лингвистический взгляд на перевод. Китайский перевод. 2005. С. 15–20. (на кит. яз.)
10. Ван Инь. Теоретические построения и практическое применение эмбодированного переводоведения. Китайский перевод. 2021. С. 43–47. (на кит. яз.)
11. Киселёва С. В. Очерки по когнитивной теории концептуальной метафоры. <https://docs.yandex.ru>

References

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izdatel'stvo «sovetskaya enciklopediya» Moskva. 1966. S.-538.
2. Lakoff D., Dzhonsen M. Metafory, kotorymi my zhivem. London: Universitet CHikago. 2003. S.-190 (na ang. yaz.)
3. Giraerts D. Kognitivnaya lingvistika: Osnovnye chteniya. Berlin — N'yu-Jork. 2006. S.-497. (na ang. yaz.)
4. Verveke Dzh. i Kennedi Dzh. Konceptual'naya metafora i abstraktnoe myshlenie. Ltd Zaregistrovan v Anglii i Uel'se. 2009. S. 214–219. (na ang. yaz.)
5. Kiseleva L.A., Todosienko Z.V., Lukmanova R.R., Kuular E.M. Metafora kak sredstvo vi-

zualizacii ob"ekta naimenovaniya v mediatekstate (na materiale russkogo, anglijskogo, tatarskogo i tuvinskogo yazykov). Novye issledovaniya Tuvy. 2022. №4. 2022. S. 243–256.

6. Rajmond V., Gibbs Dzh. R. Kembridzhskij spravocnik po metafore i myshleniyu. Kalifornijskij universitet, Santa-Kruz. 2008. S. 109,234,247. (na ang. yaz.)
7. Nikolina Borchich. Konceptual'naya metafora v politicheskoy kommunikacii. Universitet prikladnyh nauk VERN'. 2016. S. 73–94. (na ang. yaz.)
8. Syanrong CHzhan. Analiz konceptual'noj metafory v zapadnoj kommercheskoj reklame. Fakul'tet inostrannyh yazykov, SHan'dunskij sel'skohozyajstvennyj universitet Tajan' 271018, Kitaj. 2006. С. 97–99. (na kit. yaz.)
9. Van In'. Kognitivno-lingvisticheskij vzglyad na perevod. Kitajskij perevod. 2005. S. 15–20. (na kit. yaz.)
10. Van In'. Teoreticheskie postroeniya i prakticheskoe primeneniye embodirovannogo perevodovedeniya. Kitajskij perevod. 2021. S. 43–47. (na kit. yaz.)
11. Kiselyova S. V. Ocherki po kognitivnoj teorii konceptual'noj metafory. <https://docs.yandex.ru>

Сведения об авторе

Ван Цяньцян

Уфимский университет науки и техноло-
гий, Уфа, Россия

qianwang0529@163.com

Information about the author

Wang Qianqian

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

qianwang0529@163.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

Comparative study on “medical mask culture” in China and Russia

Сравнительное исследование «культуры медицинских масок» в Китае и России

中俄“口罩文化”比较研究

Чжоу Лянкэ¹, Ян Синьжу²

¹Факультет русского языка Пекинского
университета иностранных языков,
Пекин, Китай

²Факультет филологии и межкультурной
коммуникации Казанского федерального
университета имени Льва Толстого,
Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:
714422836@qq.com

Zhou Liangke¹, Yang Xinru²

¹Beijing Foreign Studies University, Beijing, China
²Kazan Federal University, Kazan, Russia
Corresponding author: 714422836@qq.com

周良科¹, 杨心如²

¹北京外国语大学俄语学院, 北京, 中国
²喀山联邦大学列夫托尔斯泰语文学与跨文化交流
学院, 喀山, 俄罗斯
通讯作者邮箱: 714422836@qq.com

УДК 391.8 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-104-116](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-104-116)

АННОТАЦИЯ

Понимание различных взглядов народов Китая и России на ношение медицинских масок во время коронавирусной пандемии и различных культурных коннотаций масок в Китае и России имеет большое значение для китайских студентов в России. В этой статье рассматриваются четыре аспекта: 1) Краткое описание истории развития культуры ношения масок в Китае и России. 2) Исследование когнитивной логики, стоящей за ношением или неприменением масок жителями

ABSTRACT

Understanding the different views of the peoples of China and Russia on wearing medical masks during the coronavirus pandemic and the different cultural connotations of masks in China and Russia is of great importance for Chinese students in Russia. This article discusses four aspects: 1) A brief description of the history of the development of the culture of wearing masks in China and Russia. 2) A study of the cognitive logic behind the wearing or use of masks by residents of China and Russia during the

Китая и России во время пандемии. 3) Результаты эмпирических исследований для анализа взглядов жителей Китая и России на поведение при ношении масок. 4) Основанный на эмпирических исследованиях анализ психологических и социальных проблем, которые могли возникнуть у иностранных студентов из-за различий в «культуре масок» между Китаем и Россией, и предложение соответствующих решений.

Ключевые слова. медицинские маски, межкультурная коммуникация, иностранные студенты, Китай, Россия.

Для цитирования: Чжоу Лянкэ, Ян Синьжу. Сравнительное исследование «культуры медицинских масок» в Китае и России. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (4). С. 104-116 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-104-116>

[摘 要]: 在新型冠状病毒肆虐全球背景下, 口罩文化也在不停地演变和发展。了解中俄两国人民对戴口罩的不同看法以及口罩自身在中俄两国蕴含的不同文化内涵对中国赴俄留学生、务工人员具有重要意义。及时弥补因口罩文化差异的产生信息差可以帮助中国赴俄人员缓解焦虑情绪。本文采用文献研究法, 问卷调查法和实证研究分析出中国留学生普遍会预设“口罩文化”差异的存在并产生焦虑情绪, 而俄罗斯民众经历三年的疫情对戴口罩的包容度有明显改善。本文从四个板块展开论述: 一、简述中俄两国口罩的发展历史。二、探究疫情背景下中俄两国人民戴或不戴口罩背后的认知逻辑。三、以实证研究分析中俄两国人民对戴口罩这一行为的看法。四、根据实证研究分析留学生群体可能因中俄两国“口罩文化”差异而出现的心理、社交问题并提供了相应解决方案。

[关键词]: 口罩; 跨文化交际; 留学生; 中国; 俄罗斯

一、中俄两国口罩的发展历史

1.1 口罩在中国的发展历史

古代中国人很早就有了掩盖口鼻以避口气污染的概念。中国西汉时期(公元前202年—公元8年)一部记录秦汉以前各种礼仪的著作《礼记·曲礼上》中有记载:“负剑辟咎诏之, 则掩口而对。”中国儒家经典著作《孟子》的《离娄章句

pandemic. 3) The results of empirical studies to analyze the views of residents of China and Russia on the behavior when wearing masks. 4) Empirical research-based analysis of psychological and social problems that foreign students may have experienced due to differences in the "mask culture" between China and Russia, and the proposal of appropriate solutions.

Keywords. Masks, cross-cultural communication, international students, China, Russia.

For citation: Zhoy Liangke, Yang Sinru. Comparative study on "medical mask culture" in China and Russia. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№4). P. 104-116 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-104-116>

下》记:“西子蒙不洁, 则人皆掩鼻而过之。”这些都是当时人们应对口气污染、不洁气息所做出的预防措施, 这为口罩的发明和使用奠定了基础。

在中国晋代(266年—420年)出现了一种叫做冪羅的出行帽子, 这种帽子的帽檐四周缀有纱布, 类似于面纱。冪羅的主要作用是用以遮蔽使用者的容貌及身体, 以避免路人窥视, 但其还可

以用来遮阳蔽沙，并且这种帽子具有简单的卫生防护效果。

中国历史上最早真正意义上的口罩，可以追溯到元朝时期（1271年—1368年）。在世界著名旅行家和商人马可·波罗的记述了他在元朝时所见的《马可·波罗游记》中有这样的记载：“在元朝宫殿里，献食的人，皆用绢布蒙口鼻，俾其气息，不触饮食之物。”当时元朝人已经建立起了初步的防护意识，他们认为人呼出的浑浊气息不能触碰到食物，因此“给皇上、太后送饭的太监宫女，为了防止自己的口气或口水污染了主子的饭菜，就用绢布捂起口鼻¹。”当时中国元朝的绢布和现在的防护口罩，有着异曲同工之妙。

卫生防疫口罩在近代中国的兴起与普及，与近一百年前发生在中国的一场瘟疫有密切关系。1910年冬天，中国东北地区发生肺鼠疫，北洋陆军医学院伍连德博士（1879—1960）临危受命，被派往中国东北处理疫情。由于肺鼠疫病毒传播主要是靠飞沫传播，为有效控制疫情蔓延，伍连德发明了中国第一款医用口罩——这种口罩制作工序简单、成本低廉，由双层棉纱和一块吸水药棉构成，有效地防止了飞沫传染，达到了隔离病患的作用，该口罩被后人称为“伍氏口罩”。得益于该款口罩的发明和普及，当时席卷大半个中国的肺鼠疫得到了有效控制。“经此重大公共卫生事件之后，有关卫生口罩的宣传和推广工作在20世纪头十年取得积极进展²。”

“直到 2003年SARS之前，中国的医疗系统中，仍然有相当部分医护人员在使用脱脂棉纱布口罩。2003年，中国制定了医用防护口罩的国家标准（《医用防护口罩技术要求》GB19083—2003），传统的棉纱口罩被过滤效率

超过95%的新型防护口罩所取代³。”新中国以来，口罩在中国的发展多与传染病、雾霾天气有关。2003年非典型性肺炎（SARS）、2009年甲型H1N1流感大流行、2012年雾霾污染事件使得医用口罩、3M、N95等口罩被人们广泛知晓并使用。自2020年初新冠肺炎COVID-19疫情大暴发以来，口罩在中国的使用和普及达到了高峰。

1.2 口罩在俄罗斯的发展历史

俄罗斯官方认为1897年3月1日是医疗口罩的诞生日，医用口罩在19世纪末才为俄国人所了解。

直到1920年的西班牙流感让全世界知道了口罩的效用。20世纪医用口罩才在俄罗斯被广泛使用⁴。20世纪20年代，俄罗斯医疗人员必须在配用纱布绷带的情况下才能进行作业。随着化疗和放疗的出现，病人的免疫力大大降低，人们在接受这种治疗后被要求在公共场所戴上口罩，因为这样可以保护他们免受周围环境里病毒的感染。

在20世纪末，可清洗、消毒的纱布口罩普遍被聚合材料制成的一次性口罩取代。第一次世界大战期间，公民也使用它们来抵抗化学武器的伤害。

2020年暴发的新冠疫情一度几乎让每个人都戴上了口罩，口罩不仅可以遮住人的脸，不让别人看到，还能掩盖人的表情、隐藏一个人的体验和表达。俄罗斯法令规定，在俄罗斯人员密集的场所，如停车场、餐厅、电梯、或是乘做公共交通工具时所有人都必须佩戴口罩，以此保护大众健康。该法律文件于自2020年10月28日起生效⁵。在之后的两年里，俄罗斯政府的疫情管控政策更加严格，并对不按规定佩戴口罩的人处以罚款。

2022年7月1日，俄罗斯政府撤销所有疫情管

¹ 杨杰.口罩的历史[J].世界环境,2019(04):8.

² 陈鹏,王璞.卫生防疫口罩在近代中国的兴起、流行与波折[J].福建论坛(人文社会科学版),2021(07):116-127.

³ 闫彩妮.跨文化交际视角下的中日“口罩文化”之异同[J].陇东学院学报,2021,32(06):108-111.

⁴ Маски - индивидуальные средства защиты от воздушно-капельных инфекций .Иванов В.А., Часовская Ю.С.Интегративные тенденции в медицине и образовании. 2020. Т. 3. С. 47-53.

⁵ <https://www.garant.ru/news/1418772/?ysclid=l8bt30u40268869781>（访问日期：2022.9.23）

控文件，人们不必再按照之前的规定在人员密集场所佩戴口罩。

二、探析新冠疫情下中俄两国人民戴或不戴口罩背后的认知逻辑

2.1 中国人民戴口罩背后的逻辑认知

新冠疫情暴发前中国人佩戴口罩的原因，一般为以下几点：第一是职业需要，比如医疗机构工作人员、公共场所服务人员在工作过程中必须佩戴口罩。第二是保暖需要，比如在冬季时，中国北方地区多会遭遇严寒，当地人会戴口罩防寒保暖。第三是防晒和美观的需要，比如很多人会选择在夏日佩戴口罩当作防晒措施。一些年轻人认为佩戴合适的口罩能够掩饰自己的面目表情，塑造神秘的美感。第四是健康需要，科学佩戴口罩能有效阻挡病毒飞沫、粉尘、雾霾颗粒等对人体有害的物质通过口鼻进入人体。

冠状病毒通常会附着在飞沫上，通过飞沫进行传播。人们戴口罩可以减少病毒进入呼吸道的机会，从而预防呼吸道传染性疾病的发生。其次患者佩戴口罩，打喷嚏时可以减少病毒进入空气中，也可以降低传染率。因此在新冠疫情暴发后，中国人戴口罩的主要原因是为了保护自身健康，避免感染新冠病毒。中国国家卫生健康委员会多次颁布相关政策，规定、号召人民群众在相关场合佩戴口罩，例如处于密闭场所和人员密集的露天广场、剧场和公园等室外场所以及前往医院就诊时，人们都需要佩戴口罩。因此，中国政府实施“佩戴口罩”的政策也促使了中国人养成在新冠疫情期间佩戴口罩的习惯。

“中国作为世界上最大的口罩生产国，年产量占全球约 50%，因此也是名副其实的口罩大国⁶。”2003年非典型性肺炎（SARS）和2012年雾霾污染这两个重大事件已经使得中国人习惯佩戴口罩出行，因此中国人对口罩的认可度和包容度比较高。同时，在中国的传统孝道观念之中，“身体发肤，受之父母”，中国人格外珍爱自己的生命。

因此在面对初期死亡率非常高的新冠肺炎疫情时，中国人能普遍认识到，科学规范佩戴口罩，既是对自己和家庭的负责，更是对生命的尊重。此外，中国人的集体意识较强，中国有句古话“先天下之忧而忧，后天下之乐而乐”，在中国文化里，集体利益高于个人利益。因此，在新冠肺炎疫情暴发时的中国，当人们知道佩戴口罩可以有效防止疫情传播时，人们便迅速行动起来，配合政府工作，在公共场所主动佩戴口罩。在中国，集体佩戴口罩强化了民众的集体感和民族认同感，如今，在公共场合佩戴口罩已经成为中国民众的“防疫自觉行为”。外国学者对我国香港特别行政区的个案研究中发现佩戴口罩不仅是为了保护佩戴者自身，而是出于维护社区利益的义务。亦即，口罩是一种人们向所属社会群体传达自我责任的象征：虽然口罩遮挡了个人的面孔并消除了个体间的部分差别，但它同时强化了集体认同和群体相似性，激活了“同呼吸、共命运”思想，有效遏制了传染病可能引发的社会崩溃⁷。并且，口罩已逐渐演化成一种特殊的“通行证”，是民众进入室内公共场所必须佩戴的物品。

但是随着新冠肺炎疫情的常态化发展，也有部分中国人愈发不愿意佩戴口罩。原因有以下几点：一是戴口罩可能会令人烦躁不安，呼吸困难。这一点在炎热的夏季尤为突出。由于戴口罩以后，口罩会在一定程度上阻隔人们的鼻腔与外界空气进行的交换，这样就使人们吸入的氧气量比不戴口罩的时明显减少，导致人们呼吸困难。二是戴口罩可能会引发皮肤问题。人们长时间佩戴口罩，不免会在口罩内层产生水汽，口鼻周围形成湿热、温热的环境，这可能促使某些细菌吸附在口罩上繁殖生长，易引起人们皮肤发炎、感染等问题。还有一些爱化妆人士不愿意戴口罩是因为口罩容易蹭花妆容。

2.1 俄罗斯人民戴或不戴口罩背后的逻辑认知

据调查显示，绝大部分俄罗斯人会因疫情防控需要而佩戴口罩。根据2020年11月25日全俄社会舆论研究中心的调查，89%的公民支持在新冠

⁷SIMAR L, ZELENYUK V. Improving finite sample approximation by central limit theorems for estimates from data envelopment analysis [J]. European Journal of Operational Research, 2020, 284(3): 1002–1015.

疫情严重恶化的情况下履行在公共场所戴口罩的要求，10%的公民持相反意见，1%的公民难以回答这一问题。而12%的人不同意保持1.5至2米的社交距离的要求。

俄罗斯联邦消费者权益及公民平安保护监督局的官方意见是，只有在拥挤的公共场所才必须戴口罩。在大街上、在自己的公寓里或在车里，没有必要戴口罩。还建议在感到身体不适的第一时间戴上医用口罩，以防止其他人被感染。俄罗斯联邦消费者权益及公民平安保护监督局指出，戴医用口罩可将感染各种呼吸道感染的几率降低45%，而戴手套时可将感染几率降低24%。

也有部分俄罗斯人反对佩戴口罩，2020年11月，在疫情暴发之初。俄罗斯大街上出现了激进反对戴面具的团体：他们聚在一起进行集会，强占有轨电车，声称穿戴防护装备的要求无异于种族灭绝。因为俄罗斯民众不愿戴口罩，甚至发生了数例命案。而最常听到的话术是：“像我这样的健康人不需要戴口罩。”还有反对者认为：“商店拒绝为不戴口罩的顾客提供服务，这侵犯了公民权利和自由。”⁸

在2021年间，俄罗斯政府出台了强制性的命令，要求俄罗斯公民在公共交通中需要佩戴口罩以降低病毒的传播概率。这也一度使得疫情得到控制。俄罗斯人戴口罩的原因无非两点：一是为了保护自已免受感染，二是因为政府下发强制性命令时，必须在公共场合佩戴，不然就会被罚款，招惹不必要的麻烦。在长时间戴口罩之后，部分俄罗斯人还发现戴口罩可以隐藏自己的表情和面部瑕疵，因而更加认同戴口罩的做法。

在2022年7月1日，俄罗斯全面解除了新冠疫情的所有管控制度。一切仿佛回到了从前。但是2022年8月29日，国家杜马提出了恢复以往强制性佩戴口罩的可能，如果COVID-19的发病率增加到每天6万人，这一提议可能会重新落实⁹。

2020年初，国外疫情暴发时，中国人在国外受到了许多不公正待遇，在俄罗斯也不例外。中国人戴口罩出现在莫斯科的机场，司机会嫌弃地把车开走，说“我不拉病毒（指中国人携带病毒）”。如果中国人在街上戴口罩，路过的俄罗斯人甚至会劝说中国人不要戴口罩。因为只有重病之人才需要口罩。

从符号语言的角度来解读“口罩”，它意味着“死亡”。一直以来，俄罗斯人认为戴上口罩的人是“将死之人”，也就是说这个人不会像从前那样正常地生活，生命将会慢慢凋零。

这种文化观念深深地印在俄罗斯人的认知里，这样一来便进一步对社会、外来人员以及对疫情的管控治理都接连产生影响：社会上营造出一种厌恶口罩的氛围，对于外来人员戴口罩的行为，人们也会投以厌恶、不解甚至歧视的目光、在疫情肆虐的背景下，这种文化观念无疑成为疫情治理的制约因素。

俄罗斯人认为，口罩伴随病毒而生。同时，口罩的应用也是对正在发生的事件——瘟疫的一种逃避。人们感到恐惧、想要躲藏的欲望愈发强烈、无力地想要保护自己，想做一些事情来保证自己的安全。

对于美国人和欧洲人来说，戴口罩的人也许是异类，也许心怀内疚。这种价值观也符合部分俄罗斯人的想法。人们十分重视表情和脸，一旦将如此重要的“表达渠道”隐藏起来，便可以扰乱和疏远他人。俗话说“眼睛是心灵的镜子”，嘴唇也是情感沟通的重要渠道，而“口罩”成为你和世界之间的一道屏障。有了这道屏障，俄罗斯人会察觉到不尊重、不用心的谈话情绪。所以，口罩也衍生出了不尊重人的文化含义。

但经历了长达三年的拉锯战，俄罗斯国民也默许了政府的防疫管制。民众对待戴口罩的态度也经历了较大的转变。不再像疫情暴发之初一样嫌弃、厌恶、歧视。可以明显看到的是，在2022

⁸ <https://ria.ru/20201121/maski-1585561183.html?ysclid=l7g3pnm35m76519988>（访问日期：2022.9.23）

⁹ <https://www.9111.ru/questions/777777771999489/>（访问日期：2022.9.23）

年7月1日俄罗斯政府全面解除疫情防控之后，绝大多数俄罗斯民众摘下了口罩，在大街上，商场里，几乎看不到俄罗斯人戴口罩。

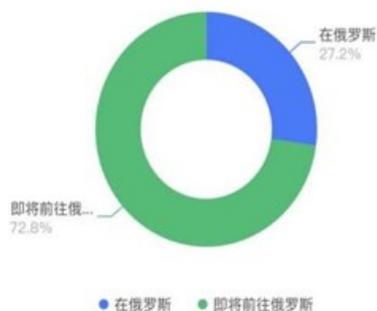
三、新冠疫情背景下中俄两国人民对戴口罩的看法的实证研究

3.1 中国留学生对戴口罩的看法的实证研究

为准确、真实了解中国留学生在俄罗斯戴口罩的情况以及学生们可能会遇到的问题，本文作者对即将前往俄罗斯、已经在俄罗斯留学的公派中国学生展开了名为“留俄人员对于在俄罗斯戴口罩的看法”的问卷调查，调查样本总数为125人。

已在俄罗斯留学的是第一类人员，占样本总数的27.20%；即将前往俄罗斯留学是第二类人员，占样本总数的72.80%（Q1）。第一类人员中佩戴口罩与不佩戴口罩的人数几近持平（Q2），但是在第二类人员之中，可以清楚地从数据中看出，90%以上的人员到了俄罗斯会佩戴口罩，仅有6.59%的受访者选择不佩戴口罩(Q3)。在如今，佩戴口罩仍然是预防感染、传播新冠病毒的有效方式。“新冠病毒的主要传播途径为飞沫传播和接触传播，咳嗽、打喷嚏、用接触过病毒的手揉眼睛等，都可能感染新冠病毒。……戴口罩、勤洗手、少聚集、一米距、常通风、用公筷、打疫苗等个人防护，是预防新冠病毒的有效方式¹⁰。”

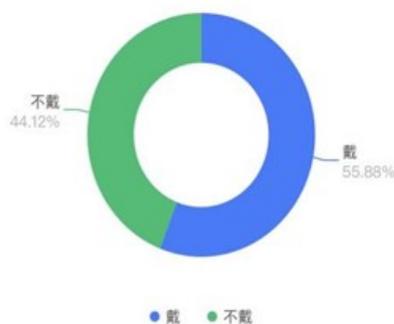
Q1. 您现在在俄罗斯，还是即将前往俄罗斯？

选项	回复情况
在俄罗斯	27.20%
即将前往俄罗斯	72.80%

共125人回答

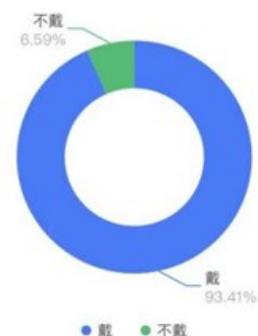
Q2. 您在俄罗斯会戴口罩吗？

选项	回复情况
戴	55.88%
不戴	44.12%

共34人回答

Q3. 当您到了俄罗斯，您会戴口罩吗？

选项	回复情况
戴	93.41%
不戴	6.59%

共91人回答

中国留俄学生对在俄罗斯佩戴口罩这一行为有一定程度上的担忧。本文作者对两类受访者中选择不佩戴口罩的人员进行了调查，据调查结果显示，第一类中不佩戴口罩的人员都选择了“为了

呼吸自由”这一选项作为不佩戴口罩的理由，但是在第二类人员中，仍有33.33%的受访者选择“担心文化差异，难以接受异样眼光”这一选项作为不戴口罩的理由。由此可见，小部分中国留俄学生会

¹⁰ 罗莉琼. 正确戴口罩是阻断新冠第一道防线[N]. 深圳特区报,2022-04-02(A03).DOI:10.28776/n.cnki.nszqtq.2022.001376.

因担心“中俄口罩文化差异”而选择不佩戴口罩。

为调查中国留俄学生是否会因俄罗斯人佩戴口罩的情况而改变自己佩戴口罩的行为，本文作者还对两类受访者中选择佩戴口罩的人员进行了深入调查：

仅有15.79%的已经在俄罗斯并日常佩戴口罩的受访者在“在俄罗斯人都不戴口罩的情况下，您是否会有佩戴口罩的心理压力”这一问题的选项选择了“不会，这是我的自由”选项(Q6)，而选择“会，害怕因为文化差异而遭遇歧视”和“会，害怕增加感染几率”这两个选项的受访者人数持平，均为总人数的42.11%(Q6)。本文作者对已经在俄罗斯并日常佩戴口罩的受访者进一步采访调查，结果显示35.29%的该类受访者会因为周围人长期不戴口罩而改变自己戴口罩的行为(Q8)。

“从众心理，指个人受到外界人群行为的影响，而在自己的知觉、判断、认识上表现出符合于公众舆论或多数人的行为方式¹¹。”根据调查结果可见，大部分已经在俄罗斯并日常佩戴口罩的受访者会因周围俄罗斯人不戴口罩的行为而产生心理压力，周围俄罗斯人长期不戴口罩的行为也会对佩戴口罩的留俄学生产生影响，部分留俄学生会产生“从众心理”而放弃坚持戴口罩。

本文作者还对在俄罗斯并曾佩戴过口罩的留俄学生展开了调查，结果显示64.71%的受访者曾在佩戴口罩时感受到过俄罗斯人投以的不理解的目光(Q9)，这些受访者位于莫斯科、伊尔库茨克、叶卡捷琳堡、加里宁格勒、圣彼得堡、喀山、新西伯利亚。

而对于调查中“您觉得中国留学生在俄罗斯戴口罩，可能会因为哪些中俄文化差异而面临问题”，受访者的回答大概呈现以下几类：

第一类认为：俄罗斯人和中国人对待疫情的态度不同，中国留学生比较害怕感染新冠，而俄罗斯已经几乎实现全民免疫，相比之下俄罗斯人

不怎么在乎是否生病，会觉得戴口罩没有必要。

第二类认为：俄罗斯人会觉得戴口罩是对自己的不尊重，有受访者表示因为在上课时候佩戴口罩而遭到授课老师的指责。

第三类认为：因为2020年初中国的疫情最严重，有部分俄罗斯人仍然认为中国人会传播新冠，所以中国留学生戴口罩会遭到歧视。还有部分受访者表示，在俄罗斯佩戴口罩会被轻易认出是中国人，会更容易被小偷锁定为盗窃目标、被不法分子敲诈等。

据调查结果可见，中俄口罩文化差异的确会对留俄中国学生的生活带来一定影响，产生中俄“口罩文化”差异的原因如下：

政府政策不同。为避免对其他国家造成疫情外溢、控制境外输入病例、有效控制国内的新冠疫情发展，中国政府采取“动态清零”政策不动摇，中国人民遵守政府政策，积极主动佩戴口罩。与中国政府不同，俄罗斯政府已全面解除疫情防控措施，大部分俄罗斯民众认为戴口罩不是必要行为。

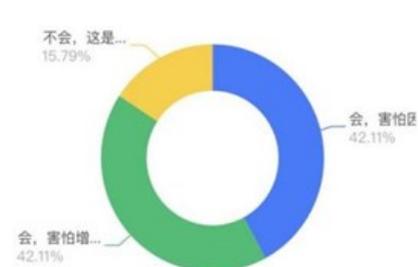
日常习惯不同。中国人戴口罩不仅仅因为疫情防控需要，在日常生活中，中国人也会佩戴口罩用以保暖，还用以防止吸入雾霾等不洁气体。俄罗斯人就没有日常佩戴口罩的习惯。

社会文化不同。在社会交往过程中，中国人不会因为谈话对方佩戴口罩而感到冒犯。部分俄罗斯人会认为，如果谈话对方佩戴口罩，则是对自己的不尊重。

集体意识不同。在中国人的传统观念里，个人应当树立大局观，因此中国人会为了疫情防控的社会需要而自觉佩戴口罩，俄罗斯人则更重视个人自由与权利。

¹¹ 赵敏,杨玲玲.新媒体环境下大学生从众心理的引导[J].济宁医学院学报,2022,45(02):140-143

Q6. 在俄罗斯人都不戴口罩的情况下，您是否会有佩戴口罩的心理压力？

选项	回复情况
会, 害怕因为文化差异...	42.11%
会, 害怕增加感染...	42.11%
不会, 这是我的自由	15.79%

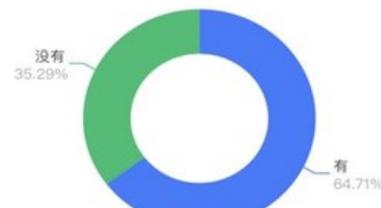
Q8. 如果周围人长期不戴口罩，您是否也会渐渐不戴口罩？

选项	回复情况
会	35.29%
不会	64.71%

共85人回答

Q9. 您（曾经）佩戴口罩时，是否有感受到过俄罗斯人对您投以不理解的目光等等？

选项	回复情况
有	64.71%
没有	35.29%

共34人回答

3.2 俄罗斯民众对戴口罩的看法的实证研究

为进一步了解中俄“口罩文化”，我们通过实证调查研究，采访了来自莫斯科、圣彼得堡、顿河畔罗斯托夫、叶卡捷琳堡等俄罗斯多个城市不同年龄段的居民。当本文作者询问：在俄罗斯新冠疫情还没有彻底平稳的背景下，您觉得是否有必要佩戴口罩。只有33%的人选择了“当然应当佩戴口罩”这一选项。有11%的受访者选择了“坚决不戴口罩”，40%的受访者选择了“戴不戴口罩取决于我的心情”，剩下的受访者表明：在过于密集的场合他们将会选择佩戴口罩，而在其他人流不密集地方将会选择不佩戴口罩。

对于“2019年的时候，在疫情没有暴发的时候，在您的观念里戴口罩的都是什么样的人？”。受访者们给出的回答大概呈现三类：

第一类（55%受访者）：戴口罩的一般都是不健康，严重患病的人，比如有过过敏性疾病的人、或是得了流感、感冒或急性病毒性呼吸道感染病且不想传染他人的人。

第二类（23%受访者）：由于疫情之前几乎没有人佩戴口罩，所以对于这一问题很难做出回答。

第三类（22%受访者）：关注自己和他人健康，想保护自己免受污染空气影响的人。

对于“相较疫情暴发之前，您对戴口罩这一行为的理解是否有所改变？”这一问题，有三分之一的受访者表示有所改变，他们认为在公共场合确实应当戴口罩，而三分之二的受访者表示对戴口罩这一行为没有本质上的观念的转变。

对于“现在，假如您在普通商场或是地铁里，您会介意身旁的俄罗斯人戴口罩吗？”这一问题，受访者们选择了不同的答案：

第一类（12%受访者）：会十分介意，并且会十分吃惊。

第二类（45%受访者）：有点介意，但又不至于十分抵触。

第三类（34%受访者）：无所谓，我都可以接受，不会介意。

第四类（9%受访者）：戴口罩这是个人的权利，我没有额外的看法。

对于“现在，假如您在普通商场或是地铁里，您会介意身旁的外国人戴口罩吗？”这一问题，受访者们给出了几乎一致的答案：不介意，戴口罩

是正确的。

对于“您觉得不同国家的人对口罩的文化定义有差异吗？”，大多数中老年受访者无法给出具体的答案，在年轻的受访者中，有人说戴口罩和一个人的教养有关联，也有人说这和一个人所在国家的“纪律”性有关，如果这个国家的人纪律观念强，那么他们会戴口罩，相反，如果纪律观念不强，就不会佩戴口罩。还有年轻的受访者说，以亚洲国家为例，亚洲国家很多崇尚集体主义，为了公共安全，人们会选择佩戴口罩。而俄罗斯社会呈现出来的更多的是个人主义，人们更崇尚自由，不会为了所谓集体的安全而臣服于某种自己不喜欢的规定。

对于“您觉得俄罗斯政府出台的对不戴口罩的人处以罚款的政策是否改变了人们不戴口罩的习惯？”这一问题，55%的受访者表示有改变，许多人都戴上了口罩，虽然有的人心里不想戴但是不得不戴。另外45%的受访者表示，政府的命令完全没有改变人们不戴口罩的习惯。这里需要强调的是，只有在俄罗斯大城市疫情管控政策曾落地非常到位，在小城市，政府管控力度并不大。所以受访者的观点会出现两极对立的情况。

对于“您觉得为何中国留学生要戴口罩？”这一问题。俄罗斯的受访者给出了如下回答：他们害怕感染，害怕周围的环境；中国留学生坚信戴口罩可以有效防范病毒感染；中国留学生十分遵守国家的规定和要求；这是他们的传统、教养和纪律性使然、他们的执行力很强；在中国如果不戴口罩会受到惩罚，中国留学生已经养成了习惯。现在在俄罗斯的大街上，此外，如果你看到了有人戴口罩，那么他应该来自中国。

通过以上调查可以得知：相比2020疫情暴发以前，俄罗斯民众对口罩的包容度有了明显的提升。在当今俄罗斯社会，会有一小部分民众内心依然十分抗拒戴口罩这一行为，但绝大多数俄罗斯民众不会强烈排斥戴口罩这一行为，但这其中

相当一部分人心中对口罩的成见仍未彻底消融。值得注意的是，俄罗斯受访者们对外国留学生戴口罩这一行为的包容度十分高。俄罗斯社会不喜欢戴口罩有两个促成因素，一是他们心中由来已久的，给口罩贴上“生病”的标签让他们想远离这种医疗防护装备、二是他们崇尚个人自由，不愿意被政府的行政命令所管束。

“口罩文化”实证研究显现出来的问题及其解决方案

第一，在中方人员的实证研究中有近一半的在俄人员在日常生活中不佩戴口罩，在即将前往俄罗斯留学的人员中有6.59%的受访者心理预期选择不佩戴口罩。这无疑提高了留学生感染新型冠状病毒的风险。这种不戴口罩的行为，或许一时看似无症状，但这会给留学生自己提高患后遗症的风险。感染新冠病毒的长期影响之一是出现“脑雾”，即思维和注意力难以集中。还有可能出现了神经症状、味觉或嗅觉丧失、癫痫发作、中风、意识丧失及意识混乱等“新冠后遗症”¹²。不能因为一时的呼吸自由而为自己今后的健康埋下祸根，国家留学平台需要向留学生宣传自我防护的必要性以及新冠后遗症的危害。

第二，部分中方留学生“担心文化差异，难以接受俄罗斯人异样的眼光”。从俄方的实证研究和全俄社会舆论中心的数据我们可以看出这种担心是没有必要的。首先，的确还存在部分俄罗斯人坚决反对戴口罩，但这只是一小部分人，俄罗斯国内也经历了三年的抗疫，俄罗斯民众绝大多数对口罩的接受度有较大改观。而在当今俄罗斯社会中，不论是俄罗斯人还是外国人戴口罩，都不会像疫情之初那样受到俄罗斯“路人”鄙夷的目光。这种对文化差异的担心是人之常情，但我们要知道，因“难以接受”俄罗斯人异样的目光而不佩戴口罩是错误的选择结果。我们要主动克服从众心理，强化我们的“身份”意识、责任意识¹³。身为

¹² 高达84%新冠感染者出现后遗症[J].仪器仪表用户,2021,28(11):19.

¹³ 章彬.应当如何克服从众心理[J].人民政坛,2012(08):37.

留学生，我们应当在感受不同于本国的文化环境之后，在自己的价值观中做出合理、正确的选择。逃避永远无法解决问题。今天如果我们因逃避俄罗斯人的目光而不佩戴口罩，那么明天我们的健康就会因我们的懦弱，没有主见而遭受无谓损害。

第三，35.29%在俄留学生表示会因为周围人长期不戴口罩而逐渐放弃自己戴口罩的行为。这是一场长期的心理战。与第二点提到的“从众心理”有部分重合，但这一问题更需要关注的是时间这一维度。哈佛心理学家赫伯特·凯尔曼将从众程度分为3个层次，分别是顺从、认同以及内化。顺从指的是被群体接受，认同是成为群体成员，而内化则是指发自内心地接受群体的标准，内化层面对个人产生的影响最为深远¹⁴。如何在俄罗斯不戴口罩的大环境中长期坚持戴口罩？这是我们要着重去解决的问题。首先要意识到，不想被同化有两个基本途径：一是换掉环境，而是优化自己。第一条方案客观因素太多，我们无法掌控，所以解决途径应当放在第二点——优化自己。做到这一点需要有强大的心理素质，下意识地训练自己的心理素质是打赢这场长期心理战的关键，我们要多给自己健康的心理暗示，反对“躺平和摆烂”。其次，留学生应当发挥自己的优势——学习，主动通过国内外渠道去了解感染新冠病毒不良影响，后果以及相关病例，在心里打了“预防针”能够帮助我们在健康的道路上走得更久、更稳、更远。

，那我们应当立即指出，表明我们戴口罩为了保证自己身体健康的立场。我们要强化“较真”意识，敢说话、说真话、说真话¹⁵。课堂不只有老师单向地向学生传授知识和经验，学生也应当有自己回应。其次，本文需要补充的一点是，授课老师指责中国学生戴口罩一事是在疫情初期发生的，现在俄罗斯人普遍提高了对口罩的接受度，所以留学生群体不必过于担心。

第五，部分中国留学生认为戴口罩会更容易被小偷锁定为盗窃目标、被不法分子敲诈。首先我们通过中俄双方实证调查可以看出，确实“戴口罩”这

一行为和中国人的身份有很强的关联性。但是“被小偷锁定为盗窃目标、被不法分子敲诈”不符合逻辑。如果仅仅因为身份是中国人就容易被盗窃、敲诈，那么中国留学生自己戴不戴口罩已经不是重要因素了。注意做好防盗措施，携带防狼喷雾，不去人烟稀少的地方，结伴出行。不要形成“戴口罩会更容易被小偷锁定为盗窃目标、被不法分子敲诈”的刻板印象，这样只会增加自己的精神内耗。

结论

从中俄两国口罩发展的历史来看，口罩在中国最初是用来掩盖口臭的不洁之味，也有遮蔽容貌和身体的用途。而口罩在俄罗斯从一开始就是用于防止流感以及化学武器的伤害。从历史的角度去看口罩的诞生和发展，在人们的潜意识里，俄罗斯人比中国人要更排斥口罩。这是有历史渊源的。

对比中俄两国人民戴或不戴口罩背后的认知逻辑。在新冠疫情暴发前，中国人民戴口罩一般是出于职业需要、保暖需要、防晒美观或是健康需要。而在疫情暴发后，更多的是出于政府强有力的政策管控和个人的责任意识，戴口罩成为出行的必要“通行证”。同时也有部分中国人因为呼吸困难、皮肤过敏、感染等因素不喜欢佩戴口罩。在俄罗斯，疫情暴发前，几乎没有人会佩戴口罩，人们认为只有重病的人才会戴口罩，戴口罩有点另类，也会给人一种不尊重的感觉。在疫情暴发之后，政府出台了相关的政策文件要求民众佩戴口罩，绝大部分俄罗斯人都同意佩戴口罩，但依然有近10%的俄罗斯民众反对佩戴口罩，他们认为政府的规定损害了公民的权利和人身自由，也有人认为口罩根本无法阻止疫情的传播和扩散。

从中俄两国人民对戴口罩的看法的实证研究来看，中国赴俄留学生群体对佩戴口罩可能会受到俄罗斯人异样的眼光有明显的焦虑感。通过俄方的实证调查研究我们可以知道俄罗斯人对外国人戴口罩的包容度有了明显的提升。中国赴俄的

¹⁴ Kelman HC. Compliance, Identification, and Internalization Three Processes of Attitude Change [J].

¹⁵ 章彬. 应当如何克服从众心理[J]. 人民政坛, 2012(08):37.

部分留学生产生焦虑，主要是因为疫情之初网络媒体放大报道了俄罗斯人对中国人戴口罩不友好的态度，这个信息率先进入了赴俄留学生的思维中，已经“先入为主”，再加上不了解俄罗斯社会的现状，中国留学生这一刻板印象很难转变。

本文作者认为，首先，中国留学生应接受俄罗斯政府于2022年7月1日全面撤销疫情管控的客观事实，以及俄罗斯依然有坚决反对佩戴口罩的民众的存在，但不能放大这种概率，不能因为碰见一个指责自己戴口罩的人就在脑海里挥之不去，最后让焦虑和犹豫充斥大脑，形成了一种“俄罗斯人都不喜欢别人戴口罩”的错误认知，这样会给自己造成心理压力。其次，中国留学生可能在长期无人戴口罩的环境中被同化，但应该不忘初心，一直将健康放在重要事项的第一梯队，训练自己的心理素质。最后，遇到他人对“佩戴口罩”这一行为的指责，中国留学生要强化“身份”意识、责任意识，作为中国留学生，应有自己的观点和立场，虽然尊重不同的文化，但是仍有捍卫自己健康的权力。中国留学生要强化“较真”意识，敢说话、说实话、说真话。只有主动勇敢地发声才能解决问题，害怕和逃避永远只会让委屈无限增生。

本文从“口罩文化”这一切入点出发，在以上论述的基础上聚焦根植于两国固有的文化心理和社会现实来做四点“文化对比研究”方面的总结：

第一：中国社会文化相比俄罗斯社会文化更具有集体主义的特征。个人主义与集体主义的区别，就是看这个社会的结构是偏向于松散，还是偏向于紧凑。指数越高代表越倾向于个人主义，反之则表现出集体主义特征¹⁶。通过霍夫斯泰德文化比较模型的指数可以获知，中国在个人主义维度的指数只有20，而俄罗斯在这一维度指数高达39。在中国的一切大政方针都是从无产阶级和广大劳动人民的根本利益出发，坚持集体利益高于个人利益。在抗疫中同样是如此，而且当两者之间发生矛盾时，个人利益需要服从集体利益，甚至在必要时牺牲个人利益。俄罗斯的国体是资

产阶级专政，相较苏联时期，社会中个人主义倾向明显加强，苏联时期的集体主义色彩逐渐被淡化，当机体利益与个人利益发生冲突时，人们倾向于会选择维护个人利益。

第二：中国传统的孝道文化深深植根于中国人的观念之中。相较于俄罗斯人，孝文化对中国人影响深远，孝道是中国传统社会重要的道德规范，贯穿于几千年的中华民族伦理之中。中国儒家经典著作《孝经》有言：“身体发肤，受之父母，不敢毁伤，孝之始也。”中国人更注重保养自己的身体健康，因为这也是尽孝父母的要求之一。相比之下，虽然俄罗斯人也孝敬父母，但是他们更注重独立个体，强调对自我本身负责。同时，受孝道文化的影响，中国人还更注重尊老敬老，在老年人更容易感染新冠病毒的情况下，中国为有效保护老年人和有基础疾病的弱势群体，坚持“动态清零”政策。

第三：受儒家学说的影响，中国人更看重现世生命。中俄两国人民都看重生命与死亡，然而对待因传染病而死亡的态度却不尽相同。先秦时儒家曾将死亡与人生价值联系起来，中国人注重“死得其所”，强调在生时实现个人价值，中国人能接受自然死亡，受“寿终正寝”观念影响，中国人对新冠疫情这种传染病而造成的死亡讳莫如深，因而中国更注重防疫。俄罗斯人大多信奉东正教，同时苏联解体后俄罗斯社会多受西方生死观的影响，西方普遍认为死亡是通往天堂或者来世的必经过程，因而人们更容易接受死亡、面对死亡。受不同文化思想的影响，因而中俄人民对死亡的态度不同，中国人更倾向于“重生避死”。

第四：中国社会文化相比俄罗斯社会文化更具有长期取向的特征。长期取向和短期取向指的是某一文化中的成员对延迟其物质、情感、社会需求的满足所能接受的程度。在长期取向性社会中，民族的长远利益通常是决策的立足点和出发点，短期导向性社会中则相反。长期导向强调节俭和隐忍，为了达到既定的目标，毅力恒久忍

¹⁶ 吉尔特·霍夫斯泰德，格特·扬·霍夫斯泰德. 文化与组织，心理软件的力量[M]. 2010年6月第一版. 北京:中国人民大学出版社, 2010 :222-224.

耐，奋斗到底。短期导向则强调的是遵循守旧，看重当下利益，注重负担社会的责任¹⁷。中国政府自疫情之初一直不曾放松疫情管控制度，打了一场“长期战”。俄罗斯政府在两年多的抗疫之后选择在2022年7月1日解除一切疫情管制措施，看重当下利益，注重负担当前社会的责任。在霍夫斯泰德文化理论中的长期取向与短期取向这一维度中，中国指数高达87，俄罗斯同样高达81，但比中国少了6个指数点。说明两个国家的社会都长期取向型，但中国社会长期取向的特征更为明显，但中国社会长期取向的特征更为明显。

在文末，本文作者想呼吁：中华学子是未来中国的栋梁，为自己说话，为珍惜祖国的防疫成果而自豪发声，这是别人无可指责的。愿所有在俄学子能够兼容并蓄，博学笃行。

Список литературы

1. Маски — индивидуальные средства защиты от воздушно-капельных инфекций. Иванова В.А., Часовская Ю.С. Интегративные тенденции в медицине и образовании. 2020. Т.3. С.47-53.
2. Simar L, Zelenyuk V. Improving finite sample approximation by central limit theorems for estimates from data envelopment analysis. *European Journal of Operational Research*, 2020, 284(3): 1002–1015.
3. Kelman HС. Compliance, Identification, and Internalization Three Processes of Attitude Change [J]. *J Conflict Resolution*, 1958: 51-60. DOI: 10.1177 /002200275800200106.
4. 吉尔特·霍夫斯泰德, 格特·扬·霍夫斯泰德. 文化与组织, 心理软件的力量[M]. 2010年6月第一版. 北京:中国人民大学出版社, 2010 :222-224.

References

1. Maski — individual'nye sredstva zashchity ot vozduшно-kapel'nyh infekcij. Ivanov V.A., CHasovskaya YU.S. Integrativnye tendencii v medicine i obrazovanii. 2020. T. 3. S. 47-53.
2. Simar L, Zelenyuk V. Improving finite sample approximation by central limit theorems for estimates from data envelopment analysis. *European Journal of Operational Research*, 2020, 284(3): 1002–1015.
3. Kelman HС. Compliance, Identification, and Internalization Three Processes of Attitude Change [J]. *J Conflict Resolution*, 1958: 51-60. DOI: 10.1177 /002200275800200106.
4. 吉尔特·霍夫斯泰德, 格特·扬·霍夫斯泰德. 文化与组织, 心理软件的力量[M]. 2010年6月第一版. 北京:中国人民大学出版社, 2010 :222-224.

¹⁷ 吉尔特·霍夫斯泰德, 格特·扬·霍夫斯泰德. 文化与组织, 心理软件的力量[M]. 2010年6月第一版. 北京:中国人民大学出版社, 2010 :222-224.

Сведения об авторах

Чжоу Лянкэ

Факультет русского языка Пекинского
университета иностранных языков,
Пекин, Китай

Ян Синьжу

Факультет филологии и межкультурной
коммуникации Казанского федерального
университета имени Льва Толстого, Ка-
зань, Россия

714422836@qq.com

Information about the authors

Zhou Liangke

Beijing Foreign Studies University, Beijing,
China

Yang Xinru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

714422836@qq.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

On the issue of the PRC's strategic initiative

"One Belt, One Road" in the new era

К вопросу о стратегической инициативе КНР

«Один пояс, один путь» в новую эпоху

Семенов Александр Владимирович

Дипломатическая академия МИД России

Москва, Российская Федерация

legatus@bk.ru

Aleksandr V. Semenov

Diplomatic Academy of Ministry for Foreign Affairs of

Russia,

Moscow, Russian Federation

legatus@bk.ru

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-117-128](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-117-128)

АННОТАЦИЯ

В статье исходя из исторической ретроспективы рассматривается развитие и становление инициативы Китая «Один пояс. один путь». Региональная стратегия «Шелкового пути», выдвинутая Си Цзиньпином в 2013 года, по мере развития превратилась в глобальный проект, который затронул все континенты на земном шаре. Автор рассматривает особенности концепции «Один пояс, один путь» в новую эпоху и возможности взаимодействия России с китайской инициативой.

Ключевые слова. Инициатива «Один пояс, один путь», Китай, новая эпоха

Для цитирования: Семенов А.В. К вопросу о стратегической инициативе КНР «Один пояс, один путь» в новую эпоху. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (4). С. 117-128 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-117-128>

ABSTRACT

Based on the historical retrospective, the article examines the development and formation of China's "One Belt. One Way" Initiative. The regional Silk Road strategy, put forward by Xi Jinping in 2013, has evolved into a global project and affected every continent on the globe. The author examines the features of the "One Belt, One Road" concept in the new era and the possibilities of Russia's interaction with the Chinese initiative.

Keywords. One Belt, One Road Initiative, China, new era

For citation: Semenov A.V. On the issue of the PRC's strategic initiative "One Belt, One Road" in the new era. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№4). P. 117-128 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-117-128>

15–17 октября 2023 г. в Китае пройдет Третий саммит по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь». За время проведения первой встречи на высшем уровне в 2017 г. данное международное мероприятие стало важной площадкой для стран-участниц по координации действий и принятию стратегических решений по дальнейшей реализации китайской инициативы.

С момента выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. и выходом ее на глобальный уровень постоянно рос интерес к ней среди ученых и аналитиков во всем мире [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

В данной работе автор сделал попытку проанализировать инициативу Китая с исторических позиций, дать прогноз ее развития на ближайшее будущее, а также рассмотреть российско-китайское взаимодействие по этому вопросу.

Дальняя ретроспектива:

После прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 году произошло обновление стратегических целей политики Китая. Изменились динамика и вектор развития страны

Во внутренней политике была сформирована ценностная установка — реализация «китайской мечты», которая коррелировала с «американской мечтой», то есть сделать страну привлекательной в первую очередь для китайцев.

«Китайская мечта» включала политическую составляющую – «возрождение китайской нации» и социально-экономическую составляющую — «достижение целей двух столетий» — к столетию КПК (2021 г.) — ликвидировать нищету, а к столетию КНР (2049г.) — превратить Китай в сверхдержаву.

Корни стратегических целей лежат в теории Дэн Сяопина, однако их реализация предполагалась с опорой на внутренний потенциал. Более того, внешняя политика осуществлялась в соответствии с известной формулой Дэн Сяопина (韬光养晦, 有所作为) — «держаться в тени и ждать удобного момента, заниматься своим делом». Приоритет был отдан экономической дипломатии с целью стимулирования внутреннего развития.

Си Цзиньпин не только конкретизировал стратегические цели Дэн Сяопина в новых условиях, но и придал им значительную динамику, которая выражалась в формуле 奋发有为 — действовать с воодушевлением, дать мощный импульс движению вперед.

Он также переориентировал политику открытости, которая от стратегии «открытость вовнутрь» перешла к стратегии «открытость вовне».

Новая эпоха Си Цзиньпина характеризовалась не только актуализацией целей внутреннего развития, но и поиском своего места в глобальном мире, где безраздельно господствовали США. По многим экономическим показателям КНР после 2010 г. вышли на второе место в мире, опередив большинство развитых стран. Однако внешнеполитическая роль Китая не соответствовала растущей экономической мощи. Задачей Си Цзиньпина и стало привести в соответствие экономическую мощь страны с ее политической ролью в мире.

Для повышения авторитета КНР на международной арене и решения структурных проблем экономического развития страны в 2013 г. Си Цзиньпин предложил две стратеги-

ческие концепции: внешнеполитическая — создание «Сообщества единой судьбы человечества» и внешнеэкономической — инициатива «Одного пояса, одного пути».

Обе концепции представляли собой наиболее общее видение Китая глобального устройства мира. Идея «Сообщества единой судьбы человечества» носила геополитический характер, а Инициатива «Один пояс, один путь» — геоэкономический характер. Обе концепции были включены в Устав КПК и Конституцию КНР.

Ближняя ретроспектива:

Инициатива «Один пояс, один путь» основывалась на идее Шелкового пути, который исторически связывал Китай со странами Европы, Азии, Ближнего и Среднего Востока. Она состояла из сухопутной части — Экономического пояса Шелкового пути и морской части — Морского шелкового пути XXI в. В дальнейшем обе части объединили в Инициативу «один пояс, один путь».

В Китае концепцию «Один пояс, один путь» называли инициативой. Это означало, что именно в Поднебесной первыми предложили на основе исторических торговых путей из Европы в Китай создать современные коммерческие транспортные коридоры из Китая в Европу.

Данный проект предусматривал создание современной сухопутной инфраструктуры — скоростные железные дороги и автомобильные

магистралы, которые бы соединяли Западный Китай (Синьцзян-Уйгурский автономный район) через Среднюю Азию — Средний и Ближний Восток с Западной Европой, а также через Среднюю Азию, Россию, Белоруссию — с Прибалтикой и Восточной Европой. Морской Шелковый путь предусматривал обновление и строительство новой портовой инфраструктуры в странах, которые находились по морскому маршруту из Китая в Европу.

Программа минимум «Инициативы один пояс, один путь» состояла в прокладке транспортных коридоров для быстрого и эффективного экспорта китайских товаров на емкий европейский рынок.

Программа максимум «Инициатива» предполагала развитие широкого спектра взаимодействия со странами, через которые должны были пройти транспортные коридоры: политической координации, постоянных торговых обменов, инфраструктурных взаимосвязей, свободного движения капитала и гуманитарных отношений.

По мере развития «Инициативы» рамки как программы минимум, так и программы максимум расширялись. Тем самым, наметилась тенденция, с одной стороны, к углублению и расширению регионализации «Инициативы», а с другой, ее перехода на глобальный уровень и включения стран Африки, Латинской Америки и Океании¹.

¹¹ Российские ученые замечают, что переход на глобальный уровень концепции отразился и в ее названии, точнее в переводе на английский язык. Если в самом начале инициатива называлась «One Belt, One Road Initiative» - инициатива «Один пояс, один путь», то в настоящее время ее переводят как «Belt and Road Initiative»(BRI), то есть инициатива «Пояса и пути»[7, с. 27].

«Инициатива один пояс, один путь» получила важную поддержку Правительства КНР. При Государственном комитете по реформе и развитию была образована руководящая группа для планирования и координации работы. Проекты «Инициативы» вошли в 13-й и 14-й пятилетние планы страны.

Для финансовой поддержки Инициативы «Один пояс, один путь» в декабре 2014 г. был организован Фонд Шелкового пути, капитал которого составил 40 млрд. долларов. В 2016 г. для оказания финансовой помощи в строительстве объектов инфраструктуры, в том числе и для «Одного пояса, одного пути», был создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом 100 млрд юаней. В состав банка вошли более 90 стран мира [1, с. 63].

Международное сопровождение «Инициативы» осуществлялось на международных мероприятиях, которые организовывал или в которых участвовал Китай. Например, ежегодный Азиатский форум в Боао (КНР).

Высшей формой организации по «Инициативе» стал Саммит «Один пояс, один путь», созданный правительством КНР.

Первый саммит состоялся в Пекине 14–15 мая 2017 года. На нем присутствовали 29 глав государств и правительств, три руководителя международных организаций и генеральный секретарь ООН.

Второй саммит был проведен в Пекине 25 апреля 2019 г. с более широким представительством от стран-участниц и международных организаций. На саммите присутствовало более

40 глав государств, директор-распорядитель МВФ и генеральный секретарь ООН.

Успешное продвижение инициативы «Один пояс, один путь», отразившееся в значительном росте стран, подписавших документы о сотрудничестве в рамках данного проекта, позволило правительству Китая в короткие сроки вывести его на глобальный уровень, охватив все континенты земного шара.

Эпидемия COVID-19 несколько затормозила реализацию «Инициативы», однако Китай использовал уже проложенные транспортные коридоры для оказания медицинской помощи развивающимся странам, в особенности тем, кто находился в рамках инфраструктурного проекта.

Современное состояние:

Третий саммит «Один пояс, один путь» состоится в октябре 2023 года. На нем будут подведены итоги 10-летнего развития данной Инициативы. За прошедший период региональный евразийский проект превратился в глобальную мега программу внешнеэкономического сотрудничества. На сегодняшний день Китай подписал соглашения о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь» со 150 странами и 31 международной организацией. КНР уже вложила в данную программу свыше 1 трлн. долларов, а общий объем инвестиций ожидается в размере 8 трлн. долларов. Было реализовано более 3000 проектов по сотрудничеству.

Успехи в реализации инициативы «Один пояс, один путь» вызывают резкое противодействие стран Запада во главе с США.

Через международные СМИ, контролируемые западными странами, осуществляется политико-идеологическая борьба против реализации «Одного пояса, одного пути». Китай обвиняется в экономическом и финансовом экспансионизме, закабалении стран Азии, Африки и Латинской Америки.

В противовес китайской инициативе западные страны организуют свои инфраструктурные проекты. В 2012 г. президент США Д.Байден объявил об Инициативе «Снова сделаем мир лучше» (Build Back Better World Initiative — «B3W»). Европейский союз продвигает новый инфраструктурный проект «Глобальный шлюз» (Global Gateway). Япония поддерживает строительство автомобильных и железных дорог в странах Юго-Восточной Азии — Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Тайланде, Вьетнаме и на Филиппинах. Однако по своим масштабам, территориальному охвату, финансовому обеспечению, открытости к участию западные проекты далеко уступают инициативе «Один пояс, один путь» [9].

Китай в свою очередь не стоит на месте. На Третьем саммите в рамках инициативы «Один пояс, один путь» будут выдвинуты еще два важных проекта: «Чистый Шелковый путь» (экологическая программа зеленого развития) и «Цифровой Шелковый путь» (программа глобальной цифровизации) [5]. Отказ от строительства угольных электростанций и переход на новые технологии чистой энергетики, создание сети интернет «Один пояс, один путь» в дополнение к уже имеющимся инфраструктурным достижениям и свободным экономиче-

ским зонам оставят далеко позади только начинающиеся западные контрпроекты.

Ближняя перспектива:

Начало Российской Федерацией Специальной военной операции на Украине оказало влияние на геополитическую и геоэкономическую обстановку в мире. Произошла поляризация мировых сил.

Китай, занимая независимую и самостоятельную позицию, выступил с программой установления мира в конфликте. Такая позиция шла вразрез с антироссийской и санкционной политикой западных стран. С целью ухудшить китайско-российские отношения США усилили давление на Китай в политических и экономических вопросах. Американские власти также мобилизовали своих союзников по НАТО, чтобы закрыть ему торговые коридоры в Европу.

В ходе организации точек приема грузов по Морскому Шелковому пути из Китая в Европу КНР достиг соглашения с Грецией, Италией и Португалией о модернизации старых портов и строительстве новой портовой инфраструктуры. Однако в связи с резким изменением международной обстановки в мире страны Европы стали отказываться от уже подписанных соглашений.

Железнодорожный и автомобильный путь через Россию и Белоруссию в Польшу и Прибалтику также оказался подвержен многочисленным рискам из-за напряженности на белорусско-польской границе.

Сухопутный транспортный коридор в Европу, который функционирует, — это южная ветка «Одного пояса, одного пути» через Центральную Азию, Средний Восток, Турцию.

Таким образом, можно констатировать, что сформированная 10 лет назад стратегическая цель инициативы «Один пояс, один путь» - поставка китайских товаров на емкий европейский рынок теряет свою привлекательность. Причинами необходимости корректировки стратегических установок стали нетерпимость западных стран к позиции, которая отличалась их собственной, политизация экономического сотрудничества и торговли, намечающиеся кризисные явления в Европе, сужение потребительского рынка.

Можно предположить, что Китай будет решать стратегические проблемы «Одного пояса, одного пути» с помощью в многовекторности развития инициативы и ее ориентировки на регионы Юго-Восточной Азии, Среднего и Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Европа останется одной из целей «Инициативы», однако возрастание политических рисков потребует использовать экономическое хеджирование с помощью рынков других регионов.

Китай продолжит решать свои внутренние проблемы. Западные, юго-западные и южные регионы Китая, которые отставали в своем развитии от приморских районов и крупных городов, являясь точками входа транспортных коридоров Инициативы «Один пояс, один путь», получают дополнительные инвестиции для экономического роста и решения социальных вопросов.

Проблема перепроизводства ряда отраслей экономики, которые связаны с инфраструктурными проектами, — также получает свое решение за счет расширения географического пространства. Вынос менее конкурентоспособных, энергоемких, трудоемких производств за рубеж позволит провести реструктуризацию экономики и сфокусироваться на инновационных отраслях промышленности.

Инициатива «Один пояс, один путь» позволит расширить использование юаня, как в сопредельных странах, так и на других континентах, увеличивая зону интернационализации китайской валюты.

Продвижение гуманитарных связей вдоль транспортных артерий «Одного пояса, одного пути» позволит использовать «мягкую силу» для бесперебойного функционирования инфраструктурных коридоров и для создания положительного образа Китая в соответствующих странах.

Дальнейшее продвижение «одного пояса, одного пути» в разных направлениях, появление ответвлений от основных артерий «Инициативы» создаст условия для укрепления стратегической обороны страны путем создания пояса дружественных взаимодействующих государств, находящихся по всем сторонам света от Поднебесной.

Россия и Инициатива Китая «Один пояс, один путь»

Россия подключилась к Инициативе «Один пояс, один путь» в мае 2015 года, когда президент РФ В.В. Путин и председатель КНР

Си Цзиньпин подписали соглашение о сопряжении китайской инициативы и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В соглашении отмечалось, что вопросы сопряжения будут обсуждаться на заседаниях Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Вектор транспортной инфраструктуры России был направлен на Сибирь и Дальний восток, а Инициатива «Один пояс, один путь» была ориентирована на Запад. В этой связи стратегии транспортного развития двух стран были направлены в противоположные стороны.

Тем не менее, Россия, подключившись к китайскому проекту в формате ЕАЭС, со странами, среди которых — Казахстан, Киргизстан и Армения занимали центральное место в стратегии «Одного пояса, одного пути», могла долго оставаться в геополитической игре в регионе Средней Азии.

Свои интересы в плане развития инфраструктуры Сибири Россия обозначила, подписав в 2016 г. трехсторонний план по созданию экономического коридора между Китаем, Монголией и Россией. Акцент был сделан на модернизации железной дороги Тяньцзинь — Улан_Батор — Улан-Удэ, развитии автомобильных перевозок и участии китайских предприятий в строительстве современных электросетей. Появилась возможность развернуть экспортные потоки на Восток [7, с. 33–34].

Во время своего участия в Первом саммите «Один пояс, один путь» в мае 2017 г. президент В. Путин предложил развивать морские перевозки по Северному морскому пути. В июле

2017 г. в ходе официального визита в РФ Председатель Си Цзиньпин поддержал предложение В. Путина, выразил готовность к реализации нового проекта «Ледяного Шелкового пути» [3, с. 386]. Таким образом, сопряжение Инициативы «Один пояс, один путь» и ЕАЭС выразилось в появлении новых инфраструктурных проектов, выгодных для обеих сторон.

Развитие международных транспортных коридоров (МТК) Приморье -1 и Приморье-2 также можно считать оформлением восточной части Инициативы «Один пояс, один путь». Согласование технико-экономического обоснования двух МТК прошло на полях встречи В. Путина и Си Цзиньпина в июле 2017 года, во время проведения ВЭФ в сентябре 2017 г. и в ходе встречи глав правительств в ноябре 2017 г. МТК Приморье -1 создает возможность выхода к Японскому морю провинции Хэйлунцзян, соединяя ее с портами Владивосток, Восточный/Находка. МТК Приморье-2 связывает провинцию Цзилинь с портом Зарубино. Создание прямых логистических артерий повышает транзитно-транспортный потенциал России и способствует развитию Дальнего Востока [].

Участие России в Инициативе «Один пояс, один путь» осуществляется не напрямую, а посредством международной организации ЕАЭС и площадки ШОС.

Именно такая форма взаимодействия дает сопряжение экономических интересов России и Китая.

Инфраструктурные проекты, предлагаемые и поддерживаемые РФ, трехсторонний

экономический коридор Китая, Монголии и России, международные транспортные коридоры Приморье -1, Приморье -2 , модернизация Северного морского пути (Ледовый шелковый путь), способствуют расширению пространства китайской Инициативы, создают важные ответвления на севере и северо-востоке, тем самым создают объемный, многосторонний и многовекторный транспортно-логистический проект [6, с. 88].

Именно такая конфигурация инициативы «Один пояс, один путь» позволяет хеджировать политические и экономические риск, которые могут возникать вследствие санкционно-силовой политики западных стран.

Выводы

Инициатива «Один пояс, один путь» является наиболее крупным геоэкономическим проектом Китая в новую эпоху — эпоху прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 году.

Данная инициатива отражает историческое пространство — Шелковом пути из Европы в Китай в начале 1 тысячелетия н.э., охватывает пространство современности, продвигая проекты «Экономический шелковый путь» и Морской шелковый путь XXI в.» из Китая в Европу, и дает очертания пространства будущего как глобальной сети международных транспортных коридоров, пронизывающих все континенты и достигающих самых отдаленных точек земного шара.

Инициатива «Один пояс, один путь» стала системной и целостной картой развития внеш-

неэкономической политики Китая, которая вместе с внешнеполитической концепцией «сообщества единой судьбы человечества», создает комплексную картину глобальной стратегии Китая.

Данная инициатива является динамичным проектом, чутко реагирующим на внешние вызовы и имеющим потенциал для хеджирования возникающих рисков.

Участие России в проекте «Один пояс, один путь» рассматривается как сопряжение со стратегией развития ЕАЭС. В то же время у РФ существуют свои геоэкономические интересы непосредственного участия в данной инициативе за счет ее обогащения новым содержанием, а именно добавлением новых векторов направленности проекта на север и на восток.

Список литературы

1. Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение // Сравнительная политика. 2018. Т.9. № 3. С. 61-74.
2. Ларин А.Г. «Экономический пояс Шелкового пути»: экономическое содержание, структура, идеология// Новый шелковый путь и его значение для России/ под ред. В.Е. Петровского, А.Г. Ларина, Е.И. Сафроновой. М.: Дели плюс. 2016. С.38-57.
3. Ли На. Инициатива «один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии// Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2018 Vol. 10 No 4 С. 382–392.
4. Лукин А. В. Идея «Экономический пояс Шелкового пути» и евразийская интеграция//

- Международная жизнь. 2014 № 7. С.29-36.
5. Лю Ичжу. «Цифровой Шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, один путь»// Инновации и инвестиции. 2020. № 12. С. 278- 282.
 6. Петраков В. В., Лукин А. Л. Международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2»: текущее состояние и перспективы // Известия Восточного института. 2018. № 3. С. 88–94.
 7. Пехтерева Е.А. Глобальный инфраструктурный проект Китая «Один пояс — один путь» и экологические проблемы // Экономические и социальные проблемы России. – Москва, 2021. – № 1. – С. 26–44.
 8. Хадиулина Г.Н. Влияние стратегической инициативы Китайской Народной Республики «Один пояс, один путь» на социально-экономическое развитие Российской Федерации// Социально-экономические явления и процессы. 2020.Т.15. № 2(109). С. 46-55
 9. McBride J., Berman N., Chatzky A. China's Massive Belt and Road Initiative // Council of Foreign Relations.2023. February 2. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (дата обращения: 10.09.2023)
 1. Kireeva A.A. «Iniciativa poyasa i puti»: sodержanie, celi i znachenie // Sravnitel'naya politika. 2018. Т.9. № 3. С. 61-74.
 2. Larin A.G. «Ekonomicheskij poyas Shelkovogo puti»: ekonomicheskoe sodержanie, struktura, ideologiya// Novyj shelkovyj put' i ego znachenie dlya Rossii/ pod red. V.E. Petrovskogo, A.G. Larina, E.I. Safronovoj. M.: Deli plyus. 2016. S.38-57.
 3. Li Na. Iniciativa «odin poyas, odin put'» kak novaya model' sotrudnichestva KNR s Rossiej i stranami Central'noj Azii// Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2018 Vol. 10 No 4 С. 382–392.
 4. Lukin A.V. Ideya «Ekonomicheskij poyas Shelkovogo puti» i evrazijskaya integraciya// Mezhdunarodnaya zhizn'. 2014 № 7. S.29-36.
 5. Lyu Ichzhu. «Cifrovoy Shelkovyj put'» kak innovacionnaya osnova global'nogo proekta «Odin poyas, odin put'»// Innovacii i investicii. 2020. № 12. S. 278- 282.
 6. Petrakov V. V., Lukin A. L. Mezhdunarodnye transportnye koridory «Primor'e-1» I «Primor'e-2»: tekushchee sostoyanie i perspektivy // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2018. № 3. S. 88–94.
 7. Pekhtereva E.A. Global'nyj infrastrukturnyj proekt Kitaya «Odin poyas – odin put'» i ekologicheskie problemy // Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii. – Moskva, 2021. – № 1. – S. 26–44.
 8. Hadiulina G.N. Vliyanie strategicheskoy iniciativy Kitajskoj Narodnoj Respubliki «Odin poyas, odin put'» na social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossijskoj Federacii// Social'no-ekonomicheskie yavleniya

References

i processy. 2020.Т.15. № 2(109). S. 46-55

9. McBride J., Berman N., Chatzky A. China's Massive Belt and Road Initiative // Council of Foreign Relations.2023. February 2. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (data obrashcheniya: 10.09.2023)

Сведения об авторе

Семенов Александр Владимирович

Дипломатическая академия МИД России

Москва, Российская Федерация

legatus@bk.ru

Information about the author

Aleksandr V. Semenov

Diplomatic Academy of Ministry for Foreign

Affairs of Russia,

Moscow, Russian Federation

legatus@bk.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

**REVIEW: Chebodaeva M.P., Valeev R.M., Dankina N.A.
From the shores of Askiz to the banks of the Neva.
The scientific path of Professor N. F. Katanov (1862-1922).
– Saint Petersburg, 2023. – 104 p. – ISBN 978-5-7422-8207-5.**

**РЕЦЕНЗИЯ: Чебодаева М.П., Валеев Р.М., Данькина Н.А.
С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь
профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922). – Санкт-Петербург,
2023. – 104 с. – ISBN 978-5-7422-8207-5.**

Мартынова Юлия Александровна

Казанский федеральный университет

Yuliya A. Martynova

Kazan Federal University

УДК 655.552 | РЕЦЕНЗИЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-127-132](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-127-132)

Для цитирования: Мартынова Ю.А.
Рецензия: Чебодаева М.П., Валеев Р.М., Данькина
Н.А. С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный
путь профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922). —
Санкт-Петербург, 2023. – 104 с. – ISBN 978-5-
7422-8207-5. *Современные востоковедческие
исследования. 2023;* 5(4). С. 127–132 [https://
doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-127-132](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-127-132)

For citation: Martynova Y.A. Review:
Chebodaeva M.P., Valeev R.M., Dankina N.A. From
the shores of Askiz to the banks of the Neva. The
scientific path of Professor N. F. Katanov (1862-
1922). — Saint Petersburg, 2023. – 104 p. – ISBN
978-5-7422-8207-5. *Modern oriental studies. 2023;*
5(4). P. 127– 132 [https://doi.org/10.24412/2686-
9675-4-2023-127-132](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-127-132)

Столетие со дня кончины и шестидеся-
тилетие со дня рождения Николая Федоровича
Катанова (1862 – 1922) — выдающегося тюрко-
лога-универсала, первого хакасского ученого,
чья жизнь на протяжении трети века была свя-
зана с высшими учебными заведениями и музе-
ями Казани, не прошло бесследно для историо-
графии. Традиционно сложилось, что центрами
научного изучения и публикационной активнос-
ти в отношении его трудов являются Казань

и Абакан. В Казани сохранились объемные ар-
хивные тексты, в частности, дневники тюрко-
логической экспедиции 1888 – 1892 гг., чьим
научным изучением и публикацией в течение
последнего десятилетия занимаются Р.М. Вале-
ев, Д.Е. Мартынов и автор этих строк. Д.Е. Мар-
тынов выступил рецензентом этой работы, как
и В.Н. Тугужекова, профессор Хакасского уни-
верситета, известная исследовательница насле-
дия Н.Ф. Катанова.

Рецензируемая работа вышла в свет в 2023 г. в Санкт-Петербурге под эгидой «Редакции “Книги памяти”» Республики Татарстан (главный редактор этой организации — ведущий специалист по Н.Ф. Катанову профессор Р.М. Валеев), Института международных отношений Казанского университета и Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова (Абакан). Книга-альбом «С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н.Ф. Катанова (1862 – 1922)» стала результатом совместной работы Р.М. Валеева, заместителя директора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) Н.А. Данькиной и петербургского искусствоведа, специалиста по хакасскому декоративно-прикладному искусству М.П. Чебодаевой. Спецификой подобных изданий в век тотальных рыночных отношений является бесприбыльность, что вынуждает обращаться к органам власти. Неудивительно, что страницы с пятой по десятую заняты краткими обращениями спонсоров издания (с приложенными фотопортретами): депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ С.М. Сокола, депутата Верховного Совета Республики Хакасия Д.А. Кабанова, члена Совета Федерации Федерального собрания РФ А.А. Жукова. В этих обращениях приведена и определенная информация для читателей.

Основная часть книги разделена на семь нумерованных глав-очерков, образующих связное изложение. Они могут восприниматься и самостоятельно. Первый очерк посвящен родному селу Н.Ф. Катанову Аскизское, второй — дяде учёного Ефиму Семёновичу Катанову, тре-

тий — гимназическим годам Н.Ф. Катанова в Красноярске, четвертый — годам учения в Петербургском университете, пятый — сестре и племяннику Н.Ф. Катанова Николаю Гавриловичу, шестой — его брату Николаю-Паё и племяннику Василию; завершающий очерк характеризует коллекции Н.Ф. Катанова, хранящиеся в петербургской Кунсткамере.

Очерк-глава о селе Аскизском начинается от событий екатерининской эпохи и деятельности сагайского князя Амзора Наира, сына Чадана Наира Гульбежекова, одного из первых хакасских правителей, принявших подданство Российской империи (с. 11). Дальнейшее изложение демонстрирует, что возможность для Н.Ф. Катанова сделаться исследователем-тюркологом была, в известной степени, подкреплена существование на базе села Аскизского не только церкви с народным училищем, но и Степной думы (с. 12) и перевалочной базы красноярского золотопромышленника П.И. Кузнецова, которая распределяла грузы на прииски Кызаса, Анзаса и Узун-Чула (с. 17). Здесь нашлось место для некоторых биографических сведений об И.И. Каратанове — управляющем кузнецовской базы, и его художественных интересах. В каком-то смысле факт, что увлечение отца-бизнесмена рисованием, привело к формированию художественного дара у его сына — известного красноярского художника Д.И. Каратанова (с. 26 – 31). Есть и другие замечательные подробности, например, что аскизская церковь Св. Апостолов Петра и Павла была украшена копией картины Рубенса «Снятие с креста» (с. 30). В конце первого очерка-главы «перебрасывается мостик» к судьбе дяди

Николая Фёдоровича — Ефима Семёновича Катанова. Наравне с И.И. Каратановым, это был один из «столпов» аскизского общества, совмещавший должности улусного писаря и учителя, письмоводителя Степной думы, церковного старосты и даже владельца торговой лавки. Уже после отъезда племянника в Красноярск Ефим Катанов был обвинён в завышении налогов с «инородцев» на огромную сумму 11 тысяч рублей и после расследования сослан в Якутск на вечное поселение. Дальнейшая его судьба остается непроясненной (с. 31, 34 – 35).

Из второго очерка открывается принципиально важная роль, которую Е.С. Катанов сыграл в будущей судьбе Николая Федоровича и его интеллектуальном развитии. 20-летний дядя стал заботиться об 11-летнем племяннике после смерти отца и брата, именно в семье Ефима воспитывалась дочь минусинского чиновника Александра Тихонова, ставшая впоследствии женой Николая. В 1876 г. Ефим Семенович способствовал массовому крещению сагайцев и бельтиров, на которое приехал лично епископ Енисейский и красноярский Антоний (Николаевский). За крещение почти трёх тысяч «инородцев» Ефим Катанов был удостоен ордена Св. Анны третьей степени: он за собственный счет кормил всех крещаемых в течение шести дней, приобрел все принадлежности для крещения, включая свечи и нательные кресты, а также построил временную купель на р. Аскиз (с. 33). Таким образом, выясняется, что в годы становления Н.Ф. Катанова как личности его родное село являлось одним из важнейших культурно-образовательных центров Хакасии и Минусинского края, в котором активно дей-

ствовали и подолгу жили члены семейства золотопромышленников Кузнецовых, их управляющего Каратанова, в селе в 1873 г. побывал В.И. Суриков, оставивший множество этюдов, и в 1880-е годы неоднократно побывал польский художник А. Станкевич. Приводятся и иные примеры (с. 35).

В очерке о красноярских годах Н.Ф. Катанова приводится немало новых сведений. С одной стороны, благодаря попечению дяди Ефима и И. Каратанова Николай имел определенную подготовку и интеллектуальный «фундамент», с другой — сама гимназия в 1876 г. была ещё становящимся учреждением, и требования для поступающих были невысоки (с. 36). По мере укомплектования штатов учителями Катанова оказались замечательные ученые, например, синолог Н.И. Монастырев, преподававший в 1879 – 1881 гг. русский язык (с. 37). Делается совершенно справедливый вывод, что в гимназические годы сформировался и характер будущего ученого, с присущими ему организованностью, педантизмом и трудолюбием, здесь был получен опыт научно-исследовательской деятельности. Несмотря на занятость и замкнутость характера, в гимназии он обзавелся друзьями, с которыми поддерживал отношения до конца жизни (с. 43). Очерк об университетских годах естественным образом продолжает предыдущий. И здесь приводится немало интересных подробностей, например, о материальной стороне жизни ученого. Цитируются документы красноярского полицмейстера и Аскизской степной думы, а также собственное письмо Н. Катанова, что ему (как золотому медалисту) удалось добиться освобождения от платы

за обучение (50 рублей в год) и присуждения сторублевой стипендии (с. 46). По столичным ценам это обрекало студента на жесточайший аскетизм: приводятся многие подробности, в том числе, что владевший столярным мастерством Н.Ф. Катанов, в своей комнате собственноручно изготовил для себя стол, шкаф, стулья и книжную полку (с. 47). В этой главе даются характеристики преподавателей Катанова — выдающихся востоковедов, и описывается их вклад в дальнейшее формирование пути тюрколога-универсала.

Следующий очерк посвящен сестре Николая Федоровича — Тарлок (Марии Федоровне), и ее сыну Николаю Гавриловичу Тюнистееву. В 1908 г. старший Николай усыновил своего племянника и дал ему свою фамилию (с. 59). В известном смысле судьба Н.Г. Катанова может служить своего рода полигоном для воображаемой реконструкции пути Николая Федоровича, если бы он прожил лишних полтора десятка лет: искренне приняв советскую власть, активно участвуя в национальном возрождении и просвещении хакасов, Николай Гаврилович дважды арестовывался как «буржуазный националист» и стал жертвой Большого Террора (с. 60 – 62). Принципиально новаторским является очерк жизни и судьбы старшего брата Н.Ф. Катанова — Паё (в крещении также Николая), который получил образование в Красноярской учительской семинарии и стал священником Усть-Есинской миссионерской церкви (с. 63 – 64). Он был тесно связан с Н.И. Ильминским, который признавал его чуть ли не единственным действующим миссионером в Минусинском крае (с. 71). Прожил Нико-

лай-Паё совсем недолго: он скончался в июне 1892 г. Известность получил и его сын Василий Николаевич Катанов, который служил священником в Ачинском уезде, и в 1910-е гг. учителем в Каптыревском училище. Именно здесь он изобрел свой «Ящик-букварь» как наглядное пособие для обучения русскому языку с начального уровня (с. 74). Судьба его сложилась трагически: с 1925 г. он был зачислен вторым священником в Аскизскую Петропавловскую церковь, закрытую весной следующего года. 16 декабря 1937 г. Василий Катанов был расстрелян в Минусинске (с. 76).

Большой очерк о коллекциях, привезенных Н.Ф. Катановым из его эпохальной тюркологической экспедиции в Восточную Сибирь и Сынцзян, предваряется кратким введением в цели и результаты этой экспедиции. На с. 84 – 85 перечислены 13 предметов из урянхайской коллекции, сохранившихся в фондах Кунсткамеры. Предметы из китайской коллекции перечислены на с. 90 – 93. Все перечисления сопровождаются цитированием документов, из которых можно выяснить обстоятельства приобретения тех или иных образцов или возможность отождествления коллекционных предметов.

Поскольку очерк выстроен по событийной канве тюркологического путешествия Н.Ф. Катанова, он завершается историей женитьбы и семейной жизни ученого. Его супруга — урожденная Александра Ивановна Тихонова была дочерью чиновника почтового ведомства, и после того как осиротела (отец был в «неизвестной отлучке») из Усть-Есинского приюта попала в семью Ефима Семеновича Катанова. В 1892 г. благодаря помощи состоя-

тельных родителей одноклассниц она закончила Минусинскую прогимназию. Выясняется, что свадьба Н.Ф. Катанова и А.И. Тихоновой была весьма представительной, среди гостей были два сына золотопромышленника П.И. Кузнецова и Н.М. Мартьянов — директор Минусинского музея. Из имеющихся материалов даже можно извлечь сведения, что в быту Катанов для жены был «дорогим Николенькой». Дочь Катановых Анна в 1922 г. окончила казанский Восточный педагогический институт, однако после кончины Николая Федоровича их судьба сложилась нелегко (с. 97). Александра Ивановна скончалась в 1942 голодном военном году, а дочь Анна Николаевна сумела выжить, и работала учительницей до пенсии, скончалась она в 1980 г. Один из ее сыновей — внуков Катанова — Николай Георгиевич Штыкалев, стал хирургом.

Очерки-главы не оканчиваются общим послесловием, что, вероятно, было сознательным решением авторов: поставив целью описать тридцатилетний период формирования Катанова как учёного, они оставили возможность создать альбом-монографию для казанского периода его деятельности, который можно осуществить в подобном формате — богато иллюстрированного издания.

Все очерки сопровождаются исключительным по богатству и качеству изобразительным рядом. Иллюстрации органично дополняют приведенные сведения: в первую очередь, это относится к портретам лиц, о которых идёт речь, а также изображений домов и церквей, иных учреждений, даже доходных домов Петербурга, в которых снимал комнату Ката-

нов-студент. Иллюстрации также носят самостоятельное эстетическое значение. Так, на с. 20 – 25 воспроизведены гравюры В.И. Сурикова из журнала «Кругозор» и его же этюды, изображающие различные этнические типы и традиционные занятия хакасов. Некоторые этюды и акварели происходят из частных собраний. В разделах, посвящённых И. Каратанову, приводятся его графические работы (с. 28 – 29), включая панорамную зарисовку села Аскизского, выполненную в наивном стиле. Прекрасны акварели А. Станкевича из фондов Минусинского краеведческого музея (с. 67 – 69, 72) воспроизводящие курганы Усть-Еси и шаманское посвящение. Не менее примечательны архивные фотографии, включая даже портрет будущей жены исследователя А. Тихоновой в гимназические годы (с. 35). Значение источника имеют репродукции документов: гимназические похвальные листы Н. Катанова 1880-х гг. (с. 44), его аттестат зрелости (с. 45), университетский диплом из собрания Национального архива Республики Хакасия (с. 58). Чудом сохранился «обыск брачный» Н. Катанова и А. Тихоновой — церковный документ, удостоверявший отсутствие препятствий для венчания (с. 98). Ценны для исследователя образцы почерка Н.Ф. Катанова (письмо В.В. Радлову на с. 100 и В. фон Розену на задней обложке), облегчающие идентификацию рукописных документов и целостных архивных дел. Здесь же на с. 100 воспроизведена визитная карточка Н.Ф. Катанова (с казанским адресом «Ново-Комиссариатская улица, дом Ранненгейма») и его печать из фондов Хакасского краеведческого музея имени Л.Р. Кызласова. Замечательны репродукции педаго-

гических изданий священника В.Н. Катанова — племянника тюрколога, помещенные на с. 77 – 79 (включая схему «Букваря-ящика»). Особо отметим высокое качество воспроизведения музейных экспонатов из коллекции Кунсткамеры, позволяющее оценить мастерство народных умельцев, изготовивших и украсивших повседневные вещи: нож, огниво, носки и рукавицы, курительную трубку (с. 86 – 87, 89, 91 – 92). Не менее примечательны китайские вещи: атласный бумажник, искусственные цветы, табачный кисет и расшитая наволочка (с. 94 – 95), а также изделия синьцзянских сартов (с. 96).

Единственным замеченным нами недостатком является техническая ошибка в списке источников и литературы. На страницах 103 – 104 под №№ 16 и 24 дважды указана одна и та же книга, полное название которой «Наследие российской тюркологии XIX в.: "Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану". Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником онога Н.Ф. Катановым», к созданию и подготовке которого к печати автор этих строк имеет самое прямое отношение, выполнив полную печатную транскрипцию рукописного текста путевых дневников. Библиография хотя и невелика (27 единиц, а на самом деле 26), но содержит важнейшие архивные дела, из которых черпались источники настоящего издания, новейшие публикации 2000 – 2010-х гг., классические биографии Н.Ф. Катанова и Д.И. Каратанова.

Можно только поприветствовать выход в свет книги-альбома Чебодаевой М.П., Валеева

Р.М., Данькиной Н.А. «С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922)». Благодаря отличному стилю изложения, богатству фактической информации и замечательному иллюстративному ряду она является важным продолжением катановедческих штудий, осуществляемых совместно специалистами Петербурга, Казани и Абакана с Минусинском. Достоинства книги, несомненно, обратят к этой проблематике внимание молодых исследователей. Тираж в 500 экземпляров позволит получить эту книгу многим заинтересованным читателям и научным центрам. Напоследок посетуем, что альбом вышел в мягкой обложке, и выразим надежду, что последует переиздание.

Сведения об авторе

Мартынова Юлия Александровна

канд. ист. наук, доцент

Казанский Федеральный Университет
420008, Казань. Ул. Кремлёвская, 18
Россия

Information about the author

Yulia A. Martynova

Candidate of History

Associated Professor, PhD

Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia

Key cultural concepts of China's coreign cultural policy under Xi Jinping

Ключевые культурные концепции внешней культурной политики

КНР при Си Цзиньпине

Тарасова Екатерина Игоревна

*Московский государственный
лингвистический университет
e-mail: tanchang93@mail.ru*

Ekaterina I. Tarasova

*Moscow State Linguistic University
e-mail: tanchang93@mail.ru*

УДК 008 + 140.8 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-133-146](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-133-146)

АННОТАЦИЯ

В статье выявляются особенности основных культурных концепций внешней культурной политики КНР при Си Цзиньпине (начиная с ноября 2012 года), а также их аксиологическая составляющая. Исследование данных концептов производится в рамках осуществляемого КНР дипломатического и культурного взаимодействия с другими странами. На примере проекта «Один пояс – один путь» анализируются включенные в него культурные концепции и их аксиологическая составляющая. В частности, выявляются особенности таких концепций как: мирное сотрудничество, открытость и толерантность, взаимное обучение, взаимовыгодное сотрудничество, сообщество единой судьбы человечества, общность интересов, общность ответственности.

Кроме того, в отдельном разделе статьи уделяется внимание внешней культурной политике КНР между Россией и Китаем, её основным

ABSTRACT

The article reveals the features of the main cultural concepts of China's foreign cultural policy under Xi Jinping (since November 2012), as well as their axiological component. The study of these concepts is carried out within the framework of China's diplomatic and cultural interaction with other countries. Using the example of the "One Belt, One Road" project, the cultural concepts included in it and their axiological component are analyzed. In particular, the features of such concepts as: peaceful cooperation, openness and tolerance, mutual learning, mutually beneficial cooperation, community of the common destiny of mankind, community of interests, community of responsibility are revealed.

In addition, in a separate section of the article, we pay attention to the foreign cultural policy of the PRC between Russia and China, its main features and concepts, emphasis is placed on the period 2012-2023. Such diplomatic concepts as good

особенностям и концепциям, делается акцент на период 2012-2023 гг. Анализируются такие дипломатические концепции как добрососедство и дружба, взаимное ненападение, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование, взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности.

Культурные концепции, исследуемые в статье, имеют глубинный культурно-исторический смысл, уходящий своими корнями в философию и религию Древнего Китая. Они продолжают оказывать влияние на развитие как самого Китая, так и на его взаимоотношения с другими странами. С помощью сравнительного и аксиологического анализа, использования первоисточников и научной литературы выявляется связь современных и древних культурных концепций.

Ключевые слова: культура, культурная политика, дипломатия, аксиология, КНР, Россия

Для цитирования: Тарасова Е.И. Ключевые культурные концепции внешней культурной политики КНР при Си Цзиньпине. *Современные востоковедческие исследования* 2023; 5(4). С. 133–146 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-133-146>

Введение

Статья посвящена анализу ключевых культурных концепций внешней культурной политики КНР при Си Цзиньпине. Производилось исследование, аксиологический и сравнительный анализ культурных концепций иници-

neighborliness and friendship, mutual non-aggression, equality and mutual benefit, peaceful coexistence, mutual respect for sovereignty and territorial integrity are analyzed.

The cultural concepts studied in the article have a deep cultural and historical meaning, rooted in the philosophy and religion of Ancient China. They continue to influence the development of both China itself and its relations with other countries. With the help of comparative and axiological analysis, the use of primary sources and scientific literature, the connection between modern and ancient cultural concepts is revealed.

Keywords: culture, cultural policy, diplomacy, axiology, China, Russia

For citation: Tarasova E.I. Key Cultural Concepts of China's Foreign Cultural Policy under Xi Jinping. *Modern Oriental Studies*. 2023; 5(4). P. 133–146 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-133-146>

ативы «Один пояс, один путь», а также внешне-политического культурного взаимодействия России и Китая. В частности, выявляются особенности таких концепций как: мирное сотрудничество, открытость и толерантность,

взаимное обучение, взаимовыгодное сотрудничество, сообщество единой судьбы человечества, общность интересов, общность ответственности, принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

Актуальность исследования обусловлена усилением культурного и дипломатического сотрудничества России и Китая в последние годы, а также особым местом культуры и культурных концепций во внешней культурной политике Китая.

Согласно О. Н. Астафьевой, одной из главных целей культурной политики является создание условий для сохранения традиций и для внедрения инноваций: «среди стратегических целей культурной политики — создание условий как для сохранения традиций, так и для инновационного социокультурного развития, достижение динамического равновесия между изменчивостью и устойчивостью структурных компонентов культуры» (Астафьева, 2010, 46).

Культура во внешней и внутренней политике Китая рассматривается как высшая ценность. На данный момент руководством КНР уделяется особое внимание китайской культуре, инновациям в её распространении и ценностному влиянию на мировое сообщество. Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин подчеркивает: «Китайская цивилизация — это цивилизация, рожденная на земле Китая, и это

также цивилизация, сформированная непрерывными обменов и взаимным обучением с другими цивилизациями. Поэтому мы должны стремиться к созданию духовной родины китайской нации, дальнейшему углублению культурной общности китайской нации, укреплению страны путем культурных стратегий, восстановлению общей системы культурных ценностей и системы культурных символов китайской культуры в XXI веке на основе культурных обменов и взаимного обучения между Китаем и зарубежными странами, чтобы построить ценностную основу духовной родины китайской нации в XXI веке»¹ (Стратегический проект по содействию строительства культурной державы, 2020).

Целью статьи является выявление основных внешнеполитических культурных концепций КНР при Си Цзиньпине, их аксиологический и сравнительный анализ.

Статья написана в методологическом поле аксиологии, поскольку исследуются ценности определенных концепций внешней культурной политики.

Нас интересует ценностная составляющая культурных концепций внешней культурной политики КНР, которая рассматривается как «стимулирующий и регулирующий фактор определенного поведения человека» (Вильданов Х.С., 2007, 98).

Используя аксиологию как методологию данного исследования, мы также используем такие методы научного познания как:

¹ Перевод мой – Т.Е.

- аксиологический (он позволил выявить внутренние и внешние связи между ценностями традиционной китайской культуры, разработанными в классических трудах основоположников и последователей философских школ и направлений, и аксиологической основой разработки внешней культурной политики Китая);
- компаративный анализ (с помощью данного анализа мы выявляем общее и различия в ценностях культурных концепций внешней культурной политики).
- системный (с помощью которого ценности внешней культурной политики Китая рассматриваются как целостность, обладающая внутренним единством, а также исследуются отдельные ее элементы, обладающие относительной функциональной самостоятельностью, что, в свою очередь, позволило выявить и проанализировать их структуру).

Новизна исследования обусловлена недостаточной теоретической базой по теме исследования, а также отсутствием исследований по специфике внешней культурной политики КНР при Си Цзиньпине. Практическая значимость статьи состоит в возможности применения результатов исследования для дальнейшего изучения особенностей культурных концепций внешней культурной политики КНР при Си Цзиньпине.

Культурные концепции внешней культурной политики КНР на примере инициативы «Один пояс — один путь»

«Один пояс, один путь» (一帶一路) — Экономический пояс Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21-го века. Данная инициатива была предложена председателем Китая Си Цзиньпином в сентябре и октябре 2013 года. Опираясь на существующие двусторонние и многосторонние механизмы между Китаем и соответствующими странами, а также с помощью платформ регионального сотрудничества, инициатива «Один пояс, один путь» направлена на мирное развитие Китая и регионов, находящихся на Шелковом пути, используя историческое и культурное наследие данного региона.

Дух инициативы «Один пояс, один путь» совпадает с двумя важнейшими требованиями всех стран мира, а именно: устойчивым и ответственным развитием и повышением качества жизни людей. Эти два стремления могут быть достигнуты путем построения взаимовыгодных отношений между странами и совместной работы на общей основе для преодоления культурных различий. Китай предлагает «жизнеутверждающую и гуманную модель мирового развития и предпочитает усиливать свое влияние в мире без конфликтов» (Цзи Юэшен, 2017, 150).

Под этим руководством Китай учитывал потребности и интересы большого числа стран, стремился к достижению консенсуса и сближению интересов с другими странами и содействовал построению сообщества единой судьбы (命运共同体). Другими словами, Китай

поделился возможностями роста с многими странами, особенно с развивающимися и наименее развитыми странами, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» путем улучшения местной инфраструктуры.

Как сообщается на официальном сайте «Пояса и пути», по состоянию на 1 января 2023 года «в общей сложности 6 стран и 151 международная организация подписали более 32 документов о сотрудничестве с Китаем в рамках «Пояса и пути» (Итальянский ученый: Инициатива «Один пояс, один путь» — это путь мирного сотрудничества и инклюзивного развития, 2023).

Инициатива «Один пояс, один путь» уходит корнями в историю, фокусируясь на настоящем, и обращена в будущее. Она ориентирована на Азию, Европу и Африку, но открыта для глобальных партнеров, для широкого круга стран и регионов, как развитых, так и развивающихся, охватывающих широкий спектр исторических традиций, культур, религий и образа жизни.

Традиционная китайская культура имеет более чем 5000-летнюю историю. Через «Шелковый путь» древний народ Китая осуществлял обширные культурные обмены со странами, расположенными вдоль Шелкового пути, повлияв на общее развитие человеческой истории. 3000 лет истории древнего Шелкового пути — это фактически история интеграции древних цивилизаций, которая укрепила диалог между «четырьмя цивилизациями» Древнего Вавилона, Древнего Египта, Древней Индии и Китая, а также это обмены между тремя основными культурными кругами конфуцианства, ислама и христианства в средние века.

Строительство «Пояса и пути» придерживается концепций «мирного сотрудничества» (和平合作), «открытости и толерантности» (开放包容), «взаимного обучения» (互学互鉴) и «взаимовыгодные и взаимовыигрышные отношения» (互利共赢), а также придерживается построения трех сообществ, таких как «общность интересов» (利益共同体), «сообщество единой судьбы» (命运共同体) и «общность ответственности» (责任共同体). Таким образом, строительство «Пояса и пути» является важным этапом наследования традиций экономических, культурных, торговых и дружественных обменов, которые длились на протяжении тысячелетий на «древнем Шелковом пути», и является наследием и развитием традиционной культуры Китая.

«Один пояс, один путь» нацелен, в основном, на экономическое взаимодействие и развитие, однако его основой являются культурные концепции, берущие свое начало в традиционной китайской культуре.

Понятие «открытости и толерантности» является современным принципом межкультурного и межрелигиозного взаимодействия в разных областях человеческой деятельности. Само понятие «открытость» уже стало важным концептом современного Китая, который с помощью политики реформ и открытости в различных областях достиг результатов, привлекающих внимание всего мира. Толерантность же можно соотнести с одной из важнейших философских концепций Конфуцианства — «человеколюбием» (仁). Конфуций полагал, что «посредством человеколюбия общество сможет достичь идеального состояния» (Хань

Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 417–418).

Концепция «взаимовыгодные и взаимовыигрышные отношения» (互利共赢) относится к современному экономическому рыночному механизму, целью которого может быть процветание и обогащение. Однако китайцы вкладывают в него принцип «гармонии» (和谐), ведь если «происходит взаимное соперничество, то тогда наступает взаимный проигрыш; если же имеет место взаимное включение, то посредством междивилизационного обмена, несомненно, будет достигнут взаимный выигрыш» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 423).

Китай выступает (в том числе в рамках «Одного пояса, одного пути») за построение сообщества единой судьбы человечества (人类命运共同体). В исторических записках «Ши цзи» описан идеал гармонии в отношениях между всеми странами. Конфуцианцы полагали, что с доверием и согласием возможно поддерживать гармонию и сохранение великого согласия, тем самым приходя к спокойствию во всех государствах. Исследователи китайских культурных ценностей считают, что «только осуществляя сотрудничество со всеми странами, можно достичь мира между ними и добиться цели процветания и обеспечения спокойной жизни народа» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 417–418), это является основным подходом к международным делам и культурной дипломатии Китая. С точки зрения конфуцианства, отдельные люди, так и государства должны следовать человеколюбию (仁) и справедливости (义).

В принципах «общности интересов» (利益共同体) и «общности ответственности» (责任

共同体) говорится о том, что при совместном развитии можно достичь перспективы, и интересы стран должны быть достигнуты за счет обоюдной поддержки и ответственности всех стран. Председатель Си Цзиньпин на церемонии открытия Всемирного экономического форума в Давосе в 2017 г. указал: «человечество уже стало сообществом единой судьбы, в котором все зависят от всех, в котором в высшей степени слились интересы и существует обоюдная зависимость. Каждая страна имеет право на развитие, и в то же время все должны продумывать свои интересы в еще более широком плане, недопустимо их добиваться ценой нанесения ущерба интересам других государств» (Си Цзиньпин 2017). Богатство и процветание – это «ценностные идеалы, выдвинутые в качестве ориентиров на государственном уровне» (Си Цзиньпин 2017). Развитие этих идеалов происходит под влиянием древних принципов нравственности. Здесь мы также усматриваем принципы стремления к правде (求真) (Ли Мин 2013, 43), а именно — человеколюбия (仁) и справедливости (义), честности (信) и ритуала (礼). Уже в древности это были «предпосылки морального сознания человечества» (Ли Мин 2013, 43).

Важно отметить, что, с точки зрения китайских исследователей культурных ценностей Хань Чжэня и Чжан Вэйвэня, культурное взаимодействие с другими странами, проведение политики открытости, инициатива «Один пояс, один путь» будут способствовать культурному возвышению Китая: «опираясь на направленность ценностей Китая в сфере международных отношений, мы можем предсказать, что Китай,

исходя из всё большей устремленности к проведению политики открытости, обладая инклюзивным менталитетом, глядя на всё под широким углом зрения, энергично развертывает культурный обмен с зарубежными странами, и в процессе изучения взаимного опыта он будет вносить всё более весомый вклад в прогресс человеческой цивилизации» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 427).

Таким образом, можно сделать вывод, что культурные концепции проекта «Один пояс — один путь» нацелены не только на развитие экономического, но и культурного сотрудничества на основе мирного взаимодействия. Ценности культурных концепций проекта являются наследием многовековой китайской культуры и представляют собой модель мирного развития и процветания будущего для стран, находящихся в проекте.

Русско-китайское культурное внешне-политическое взаимодействие

Анализируя культурные внешнеполитические отношения двух стран, необходимо упомянуть о том, что отношения добрососедства и сотрудничества развивались уже в период с 1992 по 2000 года. В тот период были подписаны совместные декларации и заявления: «укрепление дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между во всех областях отвечает коренным интересам их народов и способствует сохранению мира, безопасности и стабильности в Азии и во всем мире» (Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерации

ей и Китайской Народной Республикой 2001).

Создание в 2000 году Китайско-русского комитета по образованию, культуре, здравоохранению и спорту ознаменовало запуск механизма гуманитарного сотрудничества между двумя странами.

Активное взаимодействие двух стран было продолжено с 2001 года после подписания договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» Владимиром Путиным и Цзян Цзэмином. В данном договоре довольно кратко прописана возможность культурного сотрудничества: «договаривающиеся Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права».

С начала 2000-х годов уже осуществляется различное сотрудничество в культурной сфере. Основными культурными концептами данного договора можно считать «отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования» (Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой 2001).

Здесь мы хотим провести аксиологический сравнительный анализ концептов, которые являются базовыми для договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Такой концепт как «доброе соседство и дружба» (睦邻友好) может быть соотнесен с одним из принципов заботы о семье, государстве и Поднебесной. С точки зрения даосизма стоит превозносить мир и выступать против конфликтов, это зависит в том числе от удобств, существующих в стране. Исследователи китайских ценностей так пишут об этом принципе: «когда еда вкусная, одежды красивые, жилище удобное общественные установления и обычаи благоприятные, тогда, даже если слышен крик петухов и лай собак из других государств, не может возникнуть причин для взаимной неприязни и войны» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 110).

К концепции «взаимное ненападение» (互不侵犯) также уходит своими корнями в древнюю философию. Школа моизма в доциньскую эпоху имела очень большое влияние. Главный её философ Мо-цзы был убежден, что честный и человечный гражданин принесет пользу государству, поэтому необходимо, чтобы люди в Поднебесной относились друг к другу с любовью. На основе принципа «всеобщей любви» Мо-цзы выдвинул концепцию «ненападения», он говорит о взаимном уважении и любви между странами: «ныне правители царств знают лишь о любви к своему царству и не любят другие царства, поэтому всеми силами страны стремятся нанести удар другой стране. Ныне главы семейств знают лишь о любви к своей семье, но не любят другие

семьи, и поэтому, не брезгуя ничем, всеми силами семьи стремятся разграбить другую семью... Если отсутствует взаимная любовь между людьми, то непременно появляется взаимная ненависть, если правитель и его подчиненные не питают взаимной любви, то нет милости и верности; если между отцом и сыном нет взаимной любви, то нет родительской любви и почитания родителей; если между братьями нет взаимной любви, то нет согласия между ними; если между людьми Поднебесной нет взаимной любви, то непременно сильный подчиняет слабого, богатый непременно оскорбляет бедного, знатный непременно кичится перед низким, хитрый непременно обманывает простодушного» (Титаренко 1985, 132). Важно также отметить, что китайские исследователи полагают, что «миролюбие одна из нравственных исторических черт китайцев, в их характере — стремление к миру» (Ли Мин 2013, 73).

Взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности (互相尊重主权和领土完整) относится к базовым правилам международного права. Это не только стратегия управления государством. Важным является продвижение строительства общества, где «одной из главных задач становится управление государством на основе закона» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 368).

Современный принцип политики и управления восходит к конфуцианской традиции гуманного правителя, благородного мужа (君子). А инициатива создания в КНР «системы социальной справедливости» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 338). также подтверждает

влияние конфуцианской философии на современный Китай.

Пункт договора «равенство и взаимная выгода» (平等互利) также стоит рассмотреть отдельно. В современном Китае идеи равенства имеют основополагающую роль в развитии страны. Они воплощаются в разных аспектах политики и управлении государством, а также на личном уровне. В статье 10 «Гражданского кодекса КНР» определяется, что гражданская правоспособность всех граждан равна. По мнению исследователей китайских культурных ценностей «равенство — основа гармонии и стабильности в обществе» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 313).

Стоит отметить, что у концепта «равенство» (平等) древние корни. Конфуций провозгласил правило нравственности, которое актуально и по сей день: «не делай по отношению к другим того, чего ты не желаешь, чтобы сделали по отношению к тебе» (Конфуций). Данный концепт, правило относится не только к сфере межличностных отношений, но и межгосударственным, ведь «предпосылкой достоинства государства и нации является равенство с другими государствами и нациями» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 312). В данной связи мы считаем важным отметить, что данный концепт проявляется в способе общения Китая с миром, с различными государствами. Китай в межгосударственных отношениях подчеркивает, что все государства вокруг для него равны. Так, Си Цзиньпин в 2016 году на праздновании 95-летия основания Коммунистической партии отметил: «мы выступаем за равенство

для всех стран, больших и малых, и в то же время считаем, что все страны должны выполнять свои обязанности. Суть многосторонности заключается в том, чтобы стремиться к сотрудничеству между странами. Китай всегда был строителем мира во всем мире, вкладчиком в глобальное развитие и защитником международного порядка» (Си Цзиньпин о дипломатии с китайской спецификой 2021).

Концепт «мирное сосуществование» (和平共处) берет свое начало в конфуцианских текстах, в которых подчеркивается важная роль «человеколюбия», а также гармонии в отношениях между странами. С точки зрения конфуцианства: «государство должно сделать основной воспитание, а правители должны следовать человеколюбию и справедливости не только в своей собственной стране, но и при решении вопросов отношений с другими государствами» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 116). Здесь также является важным древнекитайский культурный концепт «все народы — мне братья, все вещи — союзники» (民胞物与) (Ли Мин 2013, 40), который также провозглашает необходимость человеколюбия, а также необходимость ровного отношения ко всем и ко всему в мире.

На примере взаимодействия России и Китая мы можем видеть реализацию принципов некоторых культурных концептов, описанных выше.

В 2021 году в честь двадцатилетия договора был издан сборник статей, в котором видные ученые и деятели культуры и политики размышляют о уже осуществляемых проектах в российско-китайском отношении,

а также перспективе двустороннего взаимодействия в разных сферах. Так, заместитель министра иностранных дел Моргулов И. В. отмечает, что за период существования договора удалось добиться выдающихся результатов в культурном взаимодействии, которое продолжает стремительно развиваться: «в последние годы нам удалось качественно расширить образовательные обмены, которые сейчас охватывают до 100 тыс. человек. Успешно реализуется проект совместного университета в Шэньчжэне, число студентов и аспирантов которого планируется увеличить до 5 тыс. Ежегодные фестивали культуры и кино, музейные выставки и гастроли национальных художественных коллективов наполняют календарь культурных событий, привлекая в орбиту российско-китайских связей все больше новых участников. Разнообразными мероприятиями насыщены контакты в медиасфере, ежегодно проводятся медиафорумы и телевизионные недели» (Моргулов 2021, 21).

Кроме того, Ломанов А. В. подчеркивает, что на данном этапе развития российско-китайских отношений существует необходимость широкомасштабного развития общественно-научного и гуманитарного сотрудничества: «успешное развитие в области международно-политических аспектов российско-китайского взаимодействия стало очевидным напоминанием о необходимости возобновления полномасштабного сотрудничества, охватывающего все сферы общественно-научных и гуманитарных исследований, включая политику, экономику, историю, культуру».

Китайско-российский год научно-технических инноваций (2020–2021) положил начало самому длинному списку сотрудничества в национальные тематические годы. Пекинский университет и Московский университет создали Российско-китайский математический центр, производилось обучение и молодежные обмены между университетами двух стран. Были проведены Китайский кинофестиваль, Фестиваль российского кино, Китайско-российская культурная ярмарка, Китайско-российская спортивная конференция и Китайско-российские зимние юношеские игры, которые демонстрировали последние достижения культурных и спортивных обменов между двумя странами, а также взаимодействие и сотрудничество между индустрией развлечений, средств массовой информации, туризма и других отраслей.

В последние годы председателем Си Цзиньпином и Владимиром Путиным был взят курс на культурное и политическое сближение двух стран. 20 марта 2023 года во время визита Си Цзиньпина в Россию две страны опубликовали Совместное заявление об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества в новую эпоху.

В данном разделе статьи нами были рассмотрены главные культурно-политические концепции взаимодействия России и Китая, представленные в договоре «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», и которые являются базой российско-китайских отношений на современном этапе.

Концепции культурного и политического взаимодействия между Россией и Китаем берут своё начало в конфуцианской, даосской философии, также концепции философии Мо-цзы.

Заключение

Итак, мы рассмотрели культурные концепции проекта «Один пояс, один путь», а также концепции российско-китайского внешнеполитического культурного взаимодействия на современном этапе. Нами были выявлены основные внешнеполитические культурные концепции КНР при Си Цзиньпине, был выполнен их аксиологический и сравнительный анализ.

Было подтверждено, что внешняя культурная политика Китая является многовекторным и сложным феноменом, она характеризуется разными подходами и глубинным ценностно-смысловым содержанием.

Инициатива «Один пояс, один путь» направлена на мирное развитие Китая и регионов, находящихся на Шелковом пути, используя историческое и культурное наследие данного региона. Ценностная составляющая данного проекта уходит своими корнями в древние философско-культурные концепции Китая.

Было выявлено, что такие концепции как мирное сотрудничество (和平合作), открытость и толерантность (开放包容), взаимное обучение (互学互鉴) и взаимовыгодное сотрудничество (互利共赢), общность интересов (利益共同体) сообщество единой судьбы (命运共同体) и общность ответственности (责任共同体) имеют глубинный культурно-исторический смысл, уходящий своими корнями в филосо-

фию и религию Древнего Китая. В частности, концепции восходят к таким конфуцианским принципам как человеколюбие (仁), справедливость (义), честность (信), ритуал (礼), гармония (和谐), благородный муж (君子). Кроме того, в концепциях присутствует модернизированная современная составляющая. Например, принцип открытости, относящийся к политике реформ и открытости, принцип взаимной выгоды и взаимного выигрыша как экономический рыночный механизм, целью которого может быть процветание и обогащение.

Культурные концепции добрососедства и дружбы, сотрудничества, взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования, которые являются основой дипломатических, культурных и политических отношений России и Китая, также имеют в своей основе философские и культурные ценности древней культуры Китая. Концепции восходят к конфуцианскому пониманию благородного правителя и мужа (君子), принцип человеколюбия между государствами (仁); также встречается даосский концепт превознесения мира и выступления против конфликтов; концепция ненападения и любви Мо-цзы. На примере взаимодействия России и Китая очевидна реализация принципов внешнеполитических культурных концептов, описанных выше. Примером служат научно-технические, образовательные, культурные проекты, а также проекты в медиа сфере.

Таким образом, мы можем говорить о том, что значительная часть культурных концепций, используемых во внешней культурной политике КНР в настоящее время имеет тесную связь с древней культурой Китая, а также подвержена современным изменениям и модернизации для соответствия современным реалиям, находится в состоянии развития и динамики. В мировом межкультурном диалоге возможна социокультурная трансформация общества. В данной связи определенным образом сформированная культурная политика является двигателем этих трансформаций.

Китайские философы и аксиологи Хань Чжэнь и Чжан Вэйвэнь так относятся к динамике культуры: «исходя из сущности культуры, она не должна быть завершенным бытием, а должна представлять собой непрерывно порождающую изменения творческую деятельность человечества» (Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, 433). Культурные концепции внешней культурной политики Китая при Си Цзиньпине, исследованные нами в работе, являются синтезом современных и древних концептов китайской культуры, представляя собой динамичный видоизменяющийся механизм, способный к развитию и положительному влиянию на культурную политику и взаимодействие между странами.

Список литературы

1. Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (лекции 1-3) // М.: Изд-во РАГС, 2010.
2. Стратегический проект по содействию строительства культурной державы, Народный форум. (推进文化强国建设的重大战略设计 // 人民论坛) 2020. URL: https://www.mct.gov.cn/preview/special/9395/9398/202011/t20201118_902806.htm . (Дата обращения: 14.04.2023). (на кит. яз.)
3. Вильданов Х. С., Вильданова Г. Б., Сиргалина Л. Р. Особенности методологии аксиологических исследований, Вестник Челябинского государственного университета, 2007.
4. Цзи Юэшен. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации. Власть, 2017.
5. Итальянский ученый: Инициатива «Один пояс, один путь» — это путь мирного сотрудничества и инклюзивного развития, Шанхайский обозреватель (意大利学者：“一带一路”是和平合作、包容发展之路// 上观) URL: <https://export.shobserver.com/baijiahao/html/630381.html> (Дата обращения: 10.08.2023). (на кит. яз.)
6. Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей. М.: Весь мир, 2020.
7. Си Цзиньпин. Совместно взять на себя ответственность за эпоху, совместно стиму-

ликовать глобальное развитие — Выступление на открытии ежегодного Всемирного экономического форума 2017 г. // Жэньминь жибао, 18 января 2017 г.

8. Ли Мин (李明) Введение в основные ценности (核心价值观概论) Пекин: Издательство Жэньминь жибао (北京: 人民日报出版社), 2013.
9. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Президент России, 2001. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/3418> (Дата обращения: 10.08.2023).
10. Титаренко М. Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.
11. Конфуций. Лун Юй. 15. 23. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/filosofiya/196764-konfucij-lun-yuj.html#text> (Дата обращения: 11.08.2023).
12. 习近平谈中国特色大国外交 (Си Цзиньпин о дипломатии с китайской спецификой) . 2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1719640110910732924&wfr=spider&for=pc> (Дата обращения: 12.08.2023) (на кит.яз.)
13. Могрулов И. В. Россия — Китай: отношения, устремленные в будущее. 20-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР: сборник статей / гл. ред. И. С. Иванов, Се Фучжань; [сост. А. В. Картунов, И. Н. Тимофеев, К. А.

Кузьмина]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021. С. 16-25.

References

1. Astafyeva O. N. Cultural policy: theoretical concept and managerial activity (lectures 1-3). M.: Izd-vo RAGS, 2010. (In Russ.)
2. Strategic project to promote the construction of a cultural power, People's Forum. (推进文化强国建设的重大战略设计 // 人民论坛) 2020. URL: https://www.mct.gov.cn/preview/special/9395/9398/202011/t20201118_902806.htm . (Accessed: 04/14/2023). (in Chin.)
3. Vildanov H. S., Vildanova G. B., Sirgalina L. R. Features of the methodology of axiological research, Bulletin of Chelyabinsk State University, 2007. (In Russ.)
4. Ji Yuesheng. Priorities of China's foreign cultural policy in the context of globalization. Power, 2017. (In Russ.)
5. Italian scientist: the Initiative "One belt, one way" is the path of peaceful cooperation and inclusive development, Shanghai browser (意大利学者: "一带一路"是和平合作、包容发展之路// 上观) URL: <https://export.shobserver.com/baijiahao/html/630381.html> (date accessed: 10.08.2023). (in Chin.)
6. Han Zhen, Zhang Weiwen. The system of Chinese values. M.: Ves` mir, 2020. (In Russ.)
7. Xi Jinping. Jointly take responsibility for the

- era, jointly stimulate global development – Speech at the opening of the annual World Economic Forum 2017 // Zhe`n`min` zhibao, January 18, 2017. (In Russ.)
8. Li Ming, Introduction to Core Values, Beijing: Renmin Zhibao Publishing House, 2013. (In Chin.)
 9. Agreement on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China. President of Russia, 2001. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/3418> (Date of application: 10.08.2023). (In Russ.)
 10. Titarenko M. L. Ancient Chinese philosopher Mo Di, his school and teaching. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury` izdatel'stva «Nauka», 1985.
 11. Confucius. Lun Yu. 15. 23. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/filosofiya/196764-konfucij-lun-yuj.html#text> (Accessed: 08/11/2023). (In Russ.)
 12. Xi Jinping on diplomacy with Chinese specifics. 2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1719640110910732924&wfr=spider&for=pc> (Date of address: 12.08.2023) (in Chin.)
 13. Mogrulov I. V. Russia – China: relations looking to the future. The 20th anniversary of the Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the PRC: a collection of articles / ch. ed. I. S. Ivanov, Xie Fuzhan; [comp. A.V. Kortunov, I. N. Timofeev, K. A. Kuzmina]; Rossijskij sovet po mezhdunarodny`m delam (RSMD). – M.: NP RSMD, 2021. pp. 16-25. (In Russ.)

Сведения об авторе

Тарасова Екатерина Игоревна

старший преподаватель

Кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук

Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, Остоженка, д.38.

e-mail: tanchang93@mail.ru

Научный руководитель, доцент,

д.филол.н., Осьминина Елена Анатольевна

Information about the author

Ekaterina I. Tarasova

senior lecturer

Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences

Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow, Ostozhenka, 38.

e-mail: tanchang93@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

**Perspectives and problems of Russia–China joint development
of Bolshoy Ussuriysky Island**

**Перспективы и проблемы совместного российско-китайского
освоения острова Большой Уссурийский**

Зуенко Иван Юрьевич

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока, Российская академия
наук, Владивосток, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

ivanzuwei@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9853-9703>

Ivan Y. Zuenko

*Institute of History, Archaeology and Ethnology,
Russian Academy of Sciences Far Eastern Branch,
Vladivostok, Russia*

Corresponding author: ivanzuwei@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9853-9703>

УДК 93/94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-147-165](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-147-165)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу положения, складывающегося вокруг реализации различных проектов российско-китайского сотрудничества на острове Большой Уссурийский. Этот остров на протяжении большей части XX века являлся спорной территорией и в результате заключённого двухстороннего соглашения был поделён между Россией и Китаем. Несмотря на уникальный статус острова, поделённого между двумя стратегическими партнёрами, а также позитивный внешнеполитический фон, ни один российско-китайский проект на Большом Уссурийском реализован не был. Согласно выводам автора, это объясняется как объективными причинами (подверженность подтоплениям, инертность бюрократических аппаратов, сложности двухстороннего взаимодействия), так и предпосылками, связанными с неприятием

ABSTRACT

The article is dedicated to the analysis of situation in Russia-China joint development of Bolshoy Ussuriysky island near cities of Khabarovsk (Russia) and Fuyuan (China). During the most part of 20th century the island was an object of territorial dispute between China / Manchukuo and Russia / Soviet Union before it was shared between two nations according to 2014 Border Agreement. Despite of its unique position and positive political background none of plenty of international cooperation projects on the island was completed. According to the author's findings, it can be explained by both objective reasons (remoteness from centers of economic development, risks of floodwaters, bureaucracies inertness, bilateral relations complicatedness) and subjective factors – linked to a certain disappointment by the island's division that can be traced both in

раздела острова частью общества: как в России, которая «потеряла» половину острова, так и в Китае, который не получил остров полностью.

Ключевые слова. Китай, Россия, Дальний Восток, Большой Уссурийский, сотрудничество, трансграничная инфраструктура

Для цитирования: Зуенко И.Ю. Перспективы и проблемы совместного российско-китайского освоения острова Большой Уссурийский. *Современные востоковедческие исследования* 2023; 5(4). С. 147-165 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-147-165>

Введение

Согласно распространённой точке зрения, российско-китайские отношения стратегического партнёрства на нынешней стадии характеризуются как «лучшие в истории». В значительной степени подобное их развитие стало возможно вследствие окончательного решения территориальных споров, достигнутого в начале XXI века. В настоящий момент стороны, не формируя военно-политический блок, являются ближайшими партнёрами, единомышленниками на мировой арене, «движущей силой» эволюции постбиполярного мирового устройства в сторону подлинной многополярности.

Стремительно увеличиваются количественные показатели российско-китайского взаимодействия — речь, прежде всего, о цифрах двусторонней торговли, которые по итогам 2023 г. с большой долей вероятности преодолеют планку в 200 млрд долларов США. При этом, что касается качественных показателей, то

Russia and China, at least at certain parts of society.

Keywords. China, Russia, Far East, Bolshoy Ussuriysky, cooperation, cross-border infrastructure

For citation: Zuenko I.Y. Perspectives and problems of Russia–China joint development of Bolshoy Ussuriysky Island. *Modern Oriental Studies*. 2023; 5(4). P. 147-165 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-147-165>

здесь существует явный горизонт для развития. Так, по-прежнему между странами существует визовый режим, различные ограничения в части таможенного и фитосанитарного контроля, привлечения рабочей силы, не синхронизированы национальные стандарты. Крайне невелико количество двусторонних инфраструктурных и инвестиционных проектов.

Одним из таких знаковых, флагманских проектов, в соответствии с многочисленными заявлениями чиновников и экспертов (подробнее — см. ниже), могло бы стать совместное освоение острова Большой Уссурийский на стрелке рек Амур и Уссури, который поделён между странами примерно поровну. Нынешний статус этот приграничный остров приобрёл в 2004 г., когда были завершены многолетние переговоры по разрешению территориальных разногласий между странами. Сейчас, когда противоречия между странами

устранены, можно было бы ожидать бурного развития этой территории, которая словно «рождена» для того, чтобы быть символом дружбы и сотрудничества двух стран. Однако, остров по-прежнему фактически незаселён, его логистический потенциал не используется. Значимой точкой роста приграничного взаимодействия он так и не стал.

Почему так происходит? Что предполагали проекты освоения острова, и по каким причинам они не были реализованы? Наконец, можно ли рассчитывать на качественный прорыв в нынешних условиях, которые характеризуются интенсификацией российско-китайского сотрудничества по всем направлениям? На эти вопросы призвана ответить данная статья.

Проблематика развития острова Большой Уссурийский неоднократно попадала в фокус внимания учёных (Балалаев 2014, Филоненко 2014, Чимитдоржиев 2015, Петрунина 2018, Леонкин 2022 и др.), однако, закрытой тему считать нельзя ввиду высокой динамики протекающих процессов. Большая часть имеющихся исследований — в основном, в сфере логистики и регионального развития — на наш взгляд, некритично относятся к изучаемой теме, ограничиваясь в основном перечислением и описанием перспективных проектов, не задаваясь вопросом об их выполнимости. Эта статья призвана отчасти заполнить эту нишу — она также предлагает ряд новых идей для совместного освоения острова, однако, ставит во главу угла принцип реализуемости, исходя из выявленных условий и ограничителей.

Методологически работа построена на сочетании анализа открытых источников (заявления должностных лиц, материалы СМИ) и некоторого количества интервью, проведённых с представителями федеральных структур по развитию Дальнего Востока в 2018-2022 гг. Кроме того, автор использовал материалы презентаций и стенограмм заседаний деловых площадок (Восточный экономический форум и Амурский торгово-инвестиционный форум в 2018-2023 гг.), в которых участвовал в качестве слушателя и спикера. При этом следует отметить, что полномасштабное привлечение китайских источников, в т.ч. путём проведения полевых исследований в китайском приграничье, является предметом дальнейшей работы над поставленным исследовательским вопросом и на данный момент не проведено в должной мере.

Структурно статья состоит из трёх параграфов: первый посвящён предыстории вопроса и тем проектам, которые реализовывались в первые годы после раздела острова, до наводнения 2013 г., второй анализирует нынешнее состояние развития Большого Уссурийского и проблемные точки, препятствующие его освоению, третий содержит экспертные оценки касательно будущего российско-китайского сотрудничества на данной территории. Некоторая диспропорция в пользу объёма первой части продиктована значимостью исторического фактора для понимания положения, в котором находится остров.

Прошлое острова Большой Уссурийский

Остров Большой Уссурийский (китайское название: 黑瞎子岛 Хэйсяцзыдао, т.е. «Остров чёрного гималайского медведя»)¹ — крупнейший из островов, находящихся в районе слияния рек Амур и Уссури вблизи города Хабаровск — в т.н. «фуюаньском треугольнике».

Прохождение границы по рекам Амур и Уссури в данном районе было установлено

положениями Пекинского договора (1860 г.), который, впрочем, не конкретизировал принадлежность отдельных островных территорий, довольствуясь установлением т.н. «красной границы», соответствовавшей китайской береговой линии пограничных рек. При этом фактическая граница между Россией и Китаем в «фуюаньском треугольнике» проходила по протоке Казакевича, которая соединяла Амур и Уссури (см. Рисунок 1).

Рис. 1. Остров Большой Уссурийский на современной карте. Источник: Публичная кадастровая карта Хабаровского края. URL: <https://roscadastr.com/map/khabarovskij-kraj/khabarovsk>

Учитывая системный кризис, в котором находилась подписавшая договоры Цинская империя, а также явную диспропорцию в военно-политических потенциалах России и Китая

во второй половине XIX — на стыке XIX и XX веков, вопрос о пересмотре этих положений не ставился.

¹ 黑瞎子 — дословно «слепец» — диалектное название гималайского (уссурийского) медведя, нормативное название которого на китайском языке: 亚洲黑熊, т.е. «азиатский чёрный медведь».

Всё поменялось в 1920-х гг. в связи со сменившейся властью в России и Китае. 30 мая 1928 г. власти Китайской Республики в официальной ноте впервые высказали претензии на острова в «фуюаньском треугольнике»: Большой Уссурийский, Тарабаров и ряд других, более мелких.

По мнению китайской стороны, государственная граница, в соответствии с Пекинским договором, должна проходить по основному руслу рек Амур и Уссури, а поскольку Уссури впадает в Амур напротив Хабаровска, то и, следовательно, протока Казакевича протекает по китайской территории, а острова полностью относятся к левому берегу Уссури и правому берегу Амура и, в соответствии с Пекинским договором, должны быть признаны китайскими. Советская сторона отклонила данное заявление.

На советских картах речной участок от протоки Казакевича к слиянию с основным руслом Амура стал обозначаться как Амурская протока реки Амур² (см. Рисунок 2). Соответственно, с географической точки зрения это означает, что именно место перехода протоки Казакевича в Амурскую протоку напротив села Казакевичево является местом впадения Уссури в Амур, а, следовательно, граница между странами тут должна проходить не по основному руслу Амура, а по протоке Казакевича. Поэтому все острова, лежащие к северу от протоки Казакевича и Амурской протоки относятся по положениям Пекинского договора к российской (советской) территории, а Амурская протока является внутренней водной артерией.

Рис. 2. Слияние протоки Амура (протоки Казакевича и Амурская протока) и реки Уссури. Источник: Публичная кадастровая карта Хабаровского края. URL: <https://roscadastr.com/map/khabarovskij-kraj/khabarovsk>

² Находится Вопрос, когда на картах впервые употреблено понятие Амурская протока, остаётся открытым и требует дополнительного изучения. На китайских картах понятие «Амурская протока» отсутствует, устье Уссури находится напротив центра Хабаровска, в районе Хабаровского утёса.

В 1929 г. в связи с началом вооружённого конфликта на КВЖД, для укрепления оборонного потенциала Хабаровска, на острова были введены подразделения Красной Армии и обустроена их пограничная охрана.

В 1930-х гг. ситуация усугубилась ещё больше, так как на территории Маньчжурии было создано прояпонское марионеточное государство Маньчжоу-го, с позиций которого милитаристская Япония регулярно провоцировала Советский Союз. В 1934–1935 гг. в ходе переговоров советской и маньчжурской стороны при непосредственном участии японских представителей поднимался вопрос о прохождении границы в «фуюаньском треугольнике» и принадлежности находящихся здесь островов, однако, претензии Маньчжоу-го неизменно отвергались (Анисимов 2018, с. 15–16).

К концу 1940-х гг., несмотря на то, что советско-китайская граница оставалась недостаточно точно описанной и практически не демаркированной на местности, на острове велось хозяйственное освоение — прежде всего, в его восточной части, непосредственно выходящей к Хабаровску (расстояние по прямой составляет несколько километров). Здесь появился посёлок Уссурийский (в народе известный как Чумка, поскольку здесь находились «чумные бараки», предназначенный для карантина прибывающих в Хабаровск пассажиров). Его окрестности стали застраиваться дачами горожан. Для удобства сообщения с Хабаровском было открыто катерное сообщение.

После создания КНР, в период интенсивного советско-китайского сотрудничества, во-

прос о границе был отложен в сторону и вновь появился на повестке только в 1960-х гг. в связи с охлаждением отношений Москвы и Пекином и началом активного использования «советской угрозы» в маоистской пропаганде. С целью устранения рисков пограничных конфликтов в 1961–1964 гг. была активизирована работа по разрешению споров о прохождении границы на отдельных участках. В 1964 г. начались межведомственные консультации и осуществлено согласование прохождения линии советско-китайской границы на всем восточном участке, за исключением района слияния рек Амур и Уссури, где китайская сторона заняла непримиримую позицию: Китай настаивал на передаче ему островов Большой Уссурийский и Тарабаров, поскольку, согласно, китайской позиции они находились за пределами слияния Амура и Уссури. На тот момент были подготовлены три проекта соглашений рабочей группы с описанием прохождения границы и отработаны карты с делимитированной линией границы (Анисимов 2018, с. 18), однако работа не была завершена из-за резкого взвинчивания антисоветской истерии в КНР, а затем и начала «культурной революции» (1966–1976 гг.)

В 1969 г. на двух других спорных участках советско-китайской границы (на острове Даманский на реке Уссури и близ озера Жаланашколь в Казахской ССР) произошли столкновения пограничников, в ходе которых сторонами применялось огнестрельное оружие, а страны были близки к полномасштабной войне. Остров Большой Уссурийский на этом фоне стал восприниматься как форпост, непосредственно прикрывающий город Хабаровск, где было

расположено большое число заводов и штаб Дальневосточного военного округа. Как следствие, в начале 1970-х гг. здесь была расквартирована военная часть 64571 и был построен укрепрайон. В конце 1970-х гг. с восточной стороны острова была возведена 38-километровая дамба польдерной системы в форме неправильного кольца высотой в 820 см, способная защитить территорию площадью 55,9 кв. км³ (Леонкин 2022, с. 25).

Завершение давно назревшей работы по демаркации границы связано с этапом постепенного становления стратегического партнёрства России и Китая, которое берёт начало в 1980-х гг. Переговоры, прерванные в 1964 г., возобновились в 1987 г., хотя на начальном этапе «забуксовали» из-за различного понимания сторонами прохождения границы в «фуюаньском треугольнике» (Анисимов 2018, с. 18). Поэтому спорные вопросы отложили в сторону и сконцентрировались на тех участках, где договориться было легче.

16 мая 1991 г. было подписано Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской госгранице на ее Восточной части (вступило в силу 16 марта 1992 г.). Оно, впрочем, лишь устанавливало границу на тех участках, где ранее пограничная линия де-факто отсутствовала, и никак не касалось сложной проблемы островов на стрелке Амура и Уссури. Этот вопрос по-прежнему ждал своего разрешения. Отметим, что это происходило из-за того, что китайская сторона настаивала на полной передаче ей спорных островов, на что Москва пойти не мог-

ла и последовательно отвергала такую возможность.

При этом сам факт каких-либо территориальных уступок китайской стороне и нахождения на повестке переговоров вопроса о принадлежности островов возле Хабаровска вызвал крайне негативную реакцию лидеров региональной политической элиты (прежде всего, хабаровского губернатора В.И. Ишаева и приморского губернатора Е.И. Наздратенко), которые использовали государственническую, а подчас и откровенно алармистскую, риторику для накопления политического капитала. Одним из требований Хабаровска было обязать федеральную власть согласовывать с краевым руководством любые проекты территориальных изменений, что в целом укладывается в тенденцию к росту влияния регионов в 1990-х гг. ценой снижения авторитета федерального центра (см. Зуенко 2023).

В качестве символического жеста, закреплявшего суверенитет России над спорным островом, краевым руководством в 1999 г. было осуществлено строительство в южной части острова (т.е. непосредственно примыкающей к китайскому берегу, хоть и находящейся на удалении от населённых пунктов) православной часовни в честь святого воина Виктора Дамаскина. Официально часовня была посвящена памяти воинов, погибших при защите дальневосточных рубежей.

Годом ранее России и Китаю удалось возобновить переговоры по спорным участкам

³ С западной, т.е. китайской, части острова такая дамба отсутствовала до 2020 г.

границы: к их числу относились не только острова в «фуюаньском треугольнике», но и остров Большой на реке Аргунь. Завершению переговоров способствовало усиление в России федерального центра, постепенно ставившего под свой контроль региональные элиты. Наконец, 14 октября 2004 г. в Пекине главами России и Китая было подписано «Дополнительное соглашение между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее восточной части» — именно оно и определило окончательно прохождение границы на спорных участках.⁴

Соглашение предусматривало решение пограничных вопросов на двух участках в соответствии с «принципами взаимопонимания и взаимной уступчивости, взаимоприемлемости и сбалансированности, равноправия сторон». Попросту говоря, спорные участки (общей площадью 375 кв км) было решено поделить примерно пополам, что представляло собой компромисс как с российской, так и китайской стороны.

Отметим, что решение оказалось довольно непопулярно в Китае, где отмечалось, что Пекин не только «довольствовался лишь частью территорий, на которые претендовал», но и «упустил

возможность требовать от России возвращения всех утраченных по неравноправным договорам XIX в. дальневосточных территорий»⁵ (на данный момент подобный дискурс активно разгоняется в тайваньской и эмигрантской прессе — см., например, Ван Юцюнь 2023).

Примечательно, что китайские карты по-прежнему окрашивают всю поверхность острова в цвет территории КНР, что в очередной раз «вскрылось» в 2023 г., когда были опубликованы официальные карты Министерства природных ресурсов КНР (см. Леонкин 2023). По мнению старшего научного сотрудника ИИАЭ ДВО РАН С.А. Иванова, это свидетельствует о том, что «китайские власти просто не хотят тревожить старую рану полукOLONиальной истории <...> Лишний раз указать, что Большой Уссурийский поделен, а не возвращен полностью, как на этом настаивали китайские власти до демаркации границы, символически означает, что возможны какие-либо уступки для всего старого Запада»⁶.

Так или иначе, с 2005 г. на острове Большой Уссурийский начались работы по демаркации границы. Проблемы возникли в районе часовни Святого Виктора, так как «граница проходила буквально по крыльцу часовни» (Анисимов

⁴ Следует отметить, что соглашение также определяло принадлежность более мелких островов вблизи Большого Уссурийского и Тарабарова. А именно: острова Корейский, Виноградный, Ромашкин были определены как территория КНР, тогда как острова Парные, Коровий, Казакевичевский, Сосновый, Осиновый, Красный, Сазаний, Дачный и т.д. определены как территория РФ.

⁵ Тут важно отметить, что официально Пекин никогда не заявлял претензий на возвращение этих территорий. Расхожий термин о «полутора миллионах квадратных километров утраченных территорий» относится к заявлению Мао Цзэдуна, сделанному им на встрече с японскими журналистами 10 июня 1964 г. Вероятно, эти слова должны были подтолкнуть советскую сторону, которая в этот период вела переговоры по урегулированию территориальных споров, к большей уступчивости по вопросу «фуюаньского треугольника». Однако, довести свою стратегию до завершения Мао Цзэдун не смог ввиду эскалации напряженности между странами и завершения переговоров.

⁶ На китайской карте – в КНР включили часть России. Комментируют востоковеды. URL: <https://ctreaderbot.vercel.app/a/AYlhxRNhFGKmkXg.html> (дата обращения: 30.10.2023)

2018, с. 24). Китайская сторона также пошла в данном случае на уступки, и пограничная линия была отнесена дальше от храма.

В 2007 г. пограничники установили столбы, а 21 июля 2008 г. главы МИД РФ и Китая подписали «Дополнительный протокол — описание линии российско-китайской госграницы на ее восточной части» и, наконец, в октябре 2008 г. демаркация официально была завершена. Остров сейчас даже визуально, с высоты самолёта, выглядит как поделённый пограничной линией на две примерно равные части.

Началась новая эпоха в жизни острова, который стал восприниматься иначе: не как форпост на границе, а, во-первых, как символ сотрудничества двух стран, их готовности идти на взаимные уступки, а, во-вторых, как витрина своей страны в глазах соседей.

Так, с китайской стороны уже к 2013 г. был построен туристический комплекс «Восточный полюс Китая» 华夏东极景区, знаменующий тот факт, что остров считается самой восточной точкой КНР. Примечательно, что эта территория провозглашена «восточным полюсом», несмотря на то, что таковым он бы являлся только в случае передачи всего острова — сейчас же формально наиболее восточной точкой в КНР является болотистый берег р. Уссури напротив с. Кукелево Вяземского района Хабаровского края, расположенный на 1,5 км восточнее и на 60 км южнее⁷.

В комплекс вошли т.н. «Площадь Солнца» (прогулочно-общественное пространство), гостиница, «этнографическая деревня», в которую специально переселили несколько семей хэчжэ (нанайцев). Отдельного внимания заслуживает строительство 9-этажной «Пагоды восточного полюса», которая благодаря своей высоте просматривается с российской территории и служит своего рода символом китайского присутствия на острове (т.е. в данном случае мы имеем дело с ответным жестом на строительство часовни Святого Виктора).

В рамках реализации пунктов «Программы сотрудничества восточных регионов России и северо-восточного Китая в 2009–2018 гг.» уже в 2012 г. с китайской стороны был построен автомобильный мост к «Площади Солнца». А год спустя аналогичный мост появился и с российской стороны (Зуенко 2018, с. 25).

При этом, что характерно, между двумя частями острова нет прямой дороги и пограничного перехода, то есть построенные мосты ведут буквально в «никуда», а сообщение между Хабаровском и Фуюанем осуществляется не через остров Большой Уссурийский, а исключительно по реке: летом на катерах, зимой по льду.

Настоящее острова Большой Уссурийский

Что же из себя представляет Большой Уссурийский? Это болотистый речной остров площадью около 350 кв км (неточность оценки объясняется изменчивостью береговой линии

⁷ Никаких туристических объектов там нет. Как по причине труднодоступности, так и по причине нежелания властей привлекать внимание общественности к «утрате» части своей территории, связанной с размежеванием с Россией.

ввиду частых подтоплений). Восточная часть острова административно относится к Индустриальному району города Хабаровска — здесь находится посёлок Уссурийский, подтопленный катастрофическим наводнением 2013 г. (после этого жителей расселили, так что постоянное население посёлка в настоящий момент не превышает тридцати человек)⁸. Западная часть острова административно относится к посёлку Хэйсяцзыдао города уездного значения Фуюань, входящего в город окружного значения Цзямусы провинции Хэйлунцзян⁹.

Бывшая военная часть и укрепрайон были ликвидированы в 2006 г., при этом, в соответствии с Соглашением 1997 г. об отводе войск за 100 км от российско-китайской границы, на острове они находились согласно отдельной оговорке, сделанной для окрестностей Хабаровска.

Принципы административно-территориального деления КНР, в т.ч. применительно к провинции Хэйлунцзян — см. Зуенко 2015.

Остров расположен в муссонном климате, для которого характерны обильные осадки в летний период. Большая часть острова занята водно-болотистыми угодьями, которые не подходят для хозяйственного освоения (примеча-

тельно, что 75% китайской территории занимает природоохранный заказник). Для острова в высшей степени характерна проблема подтопления, поскольку он находится на стыке двух рек с высокой паводковой опасностью. Каждый год в ходе сезонных наводнений значительная часть острова затапливается, однако настоящей вехой в развитии острова стало наводнение 2013 г., в ходе которого были подтоплены все хозяйственные объекты, находящиеся на острове. После этого на государственной уровне были приняты решения, запрещающие любое капитальное строительство в зоне потенциального подтопления без строительства защитных дамб¹⁰, что затруднило развитие территории и потребовало слаженной координации государства и бизнеса.

Тем не менее, несмотря на неблагоприятные климатические и ландшафтные условия, с островом Большой Уссурийский были связаны значительные надежды местных экспертов (см., например, Чимитдоржиев 2015). При этом за десять лет с момента наводнения каких-либо успехов так и не появилось. Если с китайской стороны в кратчайшие сроки были построены различные туристические объекты (степень их востребованности можно считать предметом дискуссии), то с российской стороны все

⁸ Бывшая военная часть и укрепрайон были ликвидированы в 2006 г., при этом, в соответствии с Соглашением 1997 г. об отводе войск за 100 км от российско-китайской границы, на острове они находились согласно отдельной оговорке, сделанной для окрестностей Хабаровска.

⁹ Принципы административно-территориального деления КНР, в т.ч. применительно к провинции Хэйлунцзян – см. Зуенко 2015.

¹⁰ Так, В Указе Президента РФ от 31 августа 2013 г. было рекомендовано органам государственной власти и органам местного самоуправления Хабаровского края, принять исчерпывающие меры, в том числе нормативно-правового и административного характера, исключающие строительство нового жилья, объектов производственного и социального назначения, транспортной и энергетической инфраструктуры в зонах, подверженных риску наводнения. Поскольку предельный уровень Амура превысил расчетный для дамбы польдера на 168 см, то в затопляемые территории попал весь Большой Уссурийский (Леонкин 2022, с. 24).

проекты существуют в сослагательном наклонении, а единственными инфраструктурными объектами на острове продолжают являться посёлок Чумка, часовня Святого Виктора и пущающийся автомобильный мост.

Между тем, таких проектов было более десятка (Леонкин 2022, с. 25). Так как их доскопальное перечисление лишено смысла, отметим, что в основном они касались двух направлений: 1) превращения острова в «точку роста» для хабаровской экономики; 2) создания на острове транспортно-логистического кластера.

Так, в 2015 г. был разработан проект территории опережающего развития «Большой Уссурийский», которая должна развиваться как международная туристическая зона, принимающая от 54 до 224 тыс. туристов в зависимости от сезона. В планах было заявлено развитие проектов международного сотрудничества: таких как международный Экспоцентр, конгресс-центр, международный конноспортивный центр, дворец боевых искусств, международный молодежный лагерь, Институт Амура; проектов национальной идентичности: таких как духовно-просветительский центр, поселение с традиционным русским укладом, экологический агропарк, тематический парк, сафари-парк, планетарный сад (Петрунина 2017, с. 50).

Кроме того, местными экспертами активно продвигалась идея использования острова Большой Уссурийский как звена международного транспортного коридора из Харбина

к портам Хабаровского края (Ванино, Советская Гавань) (Быстрицкий 2009, Балалаев, 2014). Создание подобного коридора отдельными авторами даже увязывалось с реализацией китайской инициативы «Пояса и Пути» (Подгорнов 2017).

Ещё одним, гораздо менее изученным в научной литературе, но при этом потенциально наиболее интересным направлением использования острова стала идея создания на нём международной зоны торгово-экономического сотрудничества.

Она начала озвучиваться в выступлениях федеральных руководителей, отвечающих за развитие Дальнего Востока, с 2018 г. Так, в феврале 2018 г. об этом заявил вице-премьер правительства России и «куратор» всей дальневосточной политики Ю.П. Трутнев заявил о концепции «трансграничных территорий опережающего развития». Тогда же власти Хэйлунцзяна инициировали переговоры о создании таких зон в Хэйхэ, Тунцзяне, Фуюане и Дуннине. Эти переговоры активно велись в 2018–2019 гг., т.е. до начала пандемии коронавируса (Цзоу 2020, с. 137).

На Восточном экономическом форуме 2019 г. заместитель министра по развитию Дальнего Востока А.В. Крутиков заявил об идее создания «трансграничных логистических зон» возле мостовых переходов через реку Амур, в качестве которых рассматривались не только мосты «Тунцзян — Нижнеленинское» и Благовещенск — Хэйхэ, но и остров Большой Уссурийский,

⁷ Никаких туристических объектов там нет. Как по причине труднодоступности, так и по причине нежелания властей привлекать внимание общественности к «утрате» части своей территории, связанной с размежеванием с Россией.

фактически являющийся «сухопутным мостом»¹¹. Однако, позднее эта концепция не упоминалась в выступлениях ни его, ни других сотрудников ведомства. А с началом пандемии коронавируса в 2020 г. все трансграничные проекты были поставлены «на паузу» — вплоть до заявления министра по развитию Дальнего Востока и Арктики А.О. Чекункова на Восточном экономическом форуме 2022 г.

Тогда Чекунковым был презентован проект по созданию «Трансграничной зоны торгово-экономического сотрудничества России и Китая на острове Большой Уссурийский». В частности, министр заявил: «Пожалуй, одним из интересных амбициозных проектов является идея создания на острове Большой Уссурийский нового пограничного кластера, который мог бы стать зоной свободной торговли между Россией и Китаем, зоной обмена товарами, таким международным ТОРом, наподобие китайско-казахстанского центра приграничного сотрудничества «Хоргос». Большой Уссурийский для этого прекрасно подходит»¹².

Инициатива Чекункова не осталась незамеченной и была названа в числе наиболее важных итогов Форума в программной статье китайского информагентства «Global Times», посвящённой ВЭФ (Chu Daye 2022).

Вместе с тем, на данный момент широкой общественности не объяснено, что конкретно предполагает реализация этого проекта. Также

нет какой-либо открытой информации о согласовании этой идеи в российских ведомствах, отвечающих за макроэкономическое планирование, иностранные дела, таможенный и пограничный контроль.

Анализ имеющейся информации об инициативе Чекункова показывает, что речь, вероятно, идёт о создании трансграничной зоны торгово-экономического сотрудничества на смежных территориях России и Китая по обе стороны государственной границы, в рамках которой осуществлялся бы пограничный и таможенный контроль на въезде в зону, но отсутствовал контроль над пересечением людей и товаров внутри зоны. Иначе говоря, такая зона (проект действительно реализован в Международном центре приграничного сотрудничества «Хоргос» на границе КНР и Казахстана)¹³ представляла бы собой своего рода «шлюз», куда граждане могли бы приезжать, не оформляя визы другого государства, там беспешинно покупать вещи и продукты и беспешинно вывозить их в качестве товаров для собственного потребления. Подобный проект уже готовился к реализации на российско-китайской границе в 1998-2008 гг. в виде «Приграничного торгово-экономического комплекса «Пограничный — Суйфэньхэ», однако, несмотря на то, что вся необходимая инфраструктура была построена, не был запущен из-за отсутствия необходимых согласований с пограничным и таможенным

¹¹ Бизнес-диалог «Россия — Китай». URL: <https://forumvostok.ru/news/rossija-kitaj/> (дата обращения: 01.10.2023)

¹² Глава Минвостока заявил о идее создания с КНР новой зоны свободной торговли. URL: <https://ria.ru/20220831/zst-1813312630.html> (дата обращения: 01.10.2023)

¹³ Не путать с СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота» и сухим портом «Хоргос».

ведомством России.

При этом уверенности в том, что на этот раз необходимые согласования с российскими и китайскими пограничными и таможенными ведомствами будут проведены успешно, по-прежнему нет. Заявления Чекунова не были подкреплены словами кого-либо из высокопоставленных российских чиновников. А тезис о Большом Уссурийском отсутствовал в пленарном выступлении В.В. Путина на Восточном экономическом форуме как в 2022, так и в 2023 гг.

Помимо того, что гидрографический режим Большого Уссурийского (его подверженность паводкам и затоплению) заметно осложняет создание какой-либо инфраструктуры на острове, ещё одним препятствием является статус природоохранной зоны, которым наделена китайская часть острова — создание зоны торгово-экономического сотрудничества потребует отмены этого статуса и проработки данной инициативы с китайской стороны.

Таким образом, отметим, что, хотя ни один из вышеназванных проектов не снят с повестки окончательно, перспективы их реализации ввиду объективных обстоятельств низки.

Будущее острова Большой Уссурийский

Возможно, «мы не там ищем»? Могут ли быть альтернативные проекты, касающиеся совместного освоения острова Большой Уссурийский: пусть не такие амбициозные, но более реализуемые?

Опрос нескольких экспертов, представляющих Корпорацию по развитию Дальнего Востока¹⁴, показал, что, как минимум, два направления действительно заслуживают внимания. При этом, по мнению информантов, следует исходить из объективных преимуществ, уже имеющихся на острове (наличие мостовых переходов с обеих сторон, замкнутость территории, что облегчает контроль над перемещениями посетителей, уникальная природа, расположение вблизи относительно крупных населённых пунктов: Хабаровска и Фуюаня).

Так, одним из перспективных направлений могло бы стать осуществление на Большом Уссурийском совместных проектов в сфере экотуризма – возможно, создание международного экологического парка, сочетающего практики экотуризма, а также познавательного туризма с упором на этнографию и гастрономию. Поскольку остров соединяется с российским и китайским берегами с помощью двух мостов, то в рамках этого международного экологического парка можно было бы создать безвизовый режим и свободное перемещение между российской и китайской частью. Иными словами, эта та же модель «трансграничной зоны» как в «Хоргосе», но с упором исключительно на туризм, без создания производственной и торгово-складской инфраструктуры, что, с одной стороны, уменьшает риски для инвесторов в условиях частых подтоплений острова; а, с другой стороны, учитывает то, что на китайской стороне большая часть территории уже отдано под природоохранную зону.

¹⁴ Опрос был проведён в 2021 г. в форме полуструктурированных интервью. Неразглашение личных данных информантов являлось одним из условий опроса.

Кроме того, через остров может быть проведена дорога, соединяющая Хабаровск и Фуюань, а также их аэропорты (расстояние от аэропорта «Новый» в Хабаровске до границы на острове Большой Уссурийский с российской стороны — около 60 км, ещё столько же составляет расстояние до аэропорта «Дунцзи» в Фуюане). Это позволит действительно использовать остров как «транспортный коридор», но не в формате громких амбициозных проектов, которые вряд ли могут быть реализованы на небольшом болотистом острове, а в рамках организации трансграничного движения российских и китайских туристов для последующего посещения двух стран.

Идея заключается в использовании внутренних аэропортов для приёма пассажиров внутренних российских авиарейсов с дальнейшим бесшовным транзитом в зарубежный аэропорт и наоборот. Условно говоря, турист из Казани, желающий выехать в Китай, мог бы рассчитывать не только на прямые рейсы в китайские города, но и на рейс в Хабаровск, после чего, в соответствии со специальной процедурой бесшовного транзита он бы отправлялся шатлом в аэропорт Фуюаня через Большой Уссурийский, причём пограничные процедуры проходил бы именно в аэропортах, а не в погранпереходе на острове.

Кроме того, можно было бы предусмотреть визовые преференции (по примеру «электронной визы») для иностранцев, следующих таким маршрутом, но желающих между прилётом и вылетом посетить городские достопримечательности Хабаровска или экотуристического

кластера на Большом Уссурийском. Если в первом случае бенефициарами реализации схемы стали бы российские авиакомпании и аэропорт, то во втором случае можно рассчитывать на мультипликативный эффект, образующийся от увеличения туристического потока.

Однако, так или иначе, все описанные схемы возможны только в одном случае — если между российской и китайской частями острова будет построен и запущен долгожданный погранпереход, а также подъездные пути к нему от мостов.

Без этого говорить о каком-либо совместном освоении острова просто смехотворно. Только наладив трансграничное движение между двумя частями острова можно со временем запустить вышеописанные проекты «первой очереди» (по сути, они требуют минимум инвестиций и незначительного межгосударственного регулирования), а в перспективе задуматься и о более грандиозных проектах: от строительства транспортно-логистического кластера до учреждения международной торгово-экономической зоны. Впрочем, как представляется, эти проекты уместнее развивать не на самом острове, а на прилегающих территориях.

Заключение

Территориальное размежевание на острове Большой Уссурийский было завершено пятнадцать лет назад. Однако, значимых успехов в его освоении — не только совместного, но и в рамках отдельно российского или китайского участка — не достигнуто. Даже результаты на китайской территории (создание туристического

кластера и природоохранного парка) сложно назвать выдающимися и соответствующими тому потенциалу развития, которые регулярно заявляются политиками и экспертами.

Как представляется, во многом такое положение является следствием того, что территориальное размежевание на острове было результатом похвального стремления и России, и Китая к взаимным компромиссам, но фактически было воспринято обществом и в России, и в Китае как территориальная уступка.

Для стран характерно принципиально разное понимание сущности «фуюаньского треугольника» на стыке Амура и Уссури — а именно, того, где река Уссури впадает в Амур. По китайской версии, Уссури впадает в районе Хабаровска напротив Хабаровского утёса, а Амурская протока является частью Уссури. Как следует из этой логики, остров Большой Уссурийский, находящийся между Амуром и Уссури, должен быть полностью китайский. И примечательно, что, несмотря на межгосударственные соглашения о прохождении границы на спорном участке и отсутствие у Пекина каких-либо территориальных претензий к России, на китайских картах по состоянию на 2023 г. в цвета территории КНР закрашивает весь остров полностью — такая «картографическая политика», как представляется, призвана беречь национальные чувства общества, настроенного по отношению к неравноправным договорам XIX в. весьма реваншистски. По российской же версии, Уссури впадает в Амур там, где протока Казакевича переходит в Амурскую протоку (напротив села Казакевичева) — в соответ-

ствии с этой логикой, и остров Тарабаров, и остров Большой Уссурийский полностью должны быть российскими, так что передача территорий здесь Китаю представляется части общества вынужденной и необязательной уступкой.

Ввиду этого идеи совместного освоения острова ещё долго будут вызывать у части общества, как в России, так и в Китае, неприятные ассоциации, связанные со сделанной территориальной уступкой, что негативно влияет на мотивацию сторон. Кроме того, координация усилий по совместному освоению территории осложнена языковым барьером, национально-культурными особенностями и некоторой бюрократической инерцией. Например, даже столкнувшись с катастрофическим наводнением 2013 г., несмотря на начавшиеся уже вскоре после этого переговоры о создании совместной дамбы, стороны не смогли о ней договориться, и по состоянию на 2023 г., китайцы построили свою дамбу отдельно от российской части (Леонкин 2022, 24).

Всё это накладывается на неблагоприятные климатические и гидротехнические характеристики осваиваемой территории. Сезонные наводнения затапливают значительную часть острова, даже несмотря на имеющиеся дамбы. Ущерб, принесённый наводнением 2013 г., вынудил и Россию, и Китай фактически приостановить освоение острова, оформив свои решения в т.ч. на законодательном уровне. Как следствие, какие-либо инвестиции в развитие острова являются высокорисковыми и требуют координации и субсидирования государством.

На этом фоне реалистично говорить только о небольших по объёму инвестициях проектах, которые необходимы, прежде всего, как видимые символы трансграничного сотрудничества России и Китая.

Проекты, нацеленные на превращение острова Большой Уссурийский в «точку роста» экономики прилегающих территорий (города Хабаровск, Фуюань и Цзямусы), или же рассматривающие остров как площадку для создания транспортно-логистического кластера, таковыми не являются. Ещё менее вероятным является вариант создания на острове трансграничной зоны торгово-экономического сотрудничества, предполагающей преференции в части визового и таможенного режима, поскольку он потребует не только грандиозных инвестиций, но и значительных изменений в законодательстве.

Кроме того, плюсы от реализации такого проекта весьма размыты. Если посмотреть на опыт «Хоргоса», то можно заметить, что за десять лет существования зоны на казахстанской стороне так и не появилось какого-либо производства, и фактически «Хоргос» представляет собой барахолку на границе, которая активно используется для контрабанды китайского ширпотреба.

Учитывая это, представляется неочевидным, что проект будет реализован в какой-либо перспективе. Активное использование его в повестке российских чиновников, отвечающих за сотрудничество с Китаем, вызовет лишь ложные надежды у китайских партнёров, которые затем приведут к разочарованию и осложнят выстраивание конструктивных отношений между нашими странами.

На контрасте с вышеуказанными амбициозными проектами гораздо более перспективными выглядят идеи использования территории острова для создания совместного экотуристического кластера или же проведения через территорию острова бесшовной транзитной дороги для перемещения между аэропортами Хабаровска и Фуюаня.

Список литературы | References

1. Балалаев А.С., Дынькин Б.Е. Транспортно-логистический кластер на о. Большой Уссурийский. *Современные аспекты транспортной логистики: сборник трудов конференции*. Хабаровск, 2014. С. 19–23.
2. Филоненко В.В., Третьяков М.М. О возможностях создания нового туристского продукта на российской части острова Большой Уссурийский. *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*. 2014. № 3. С. 27–33.
3. Чимитдоржиев Ж.Ж. Остров Большой Уссурийский: полюс роста для социально-экономического развития города Хабаровска. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы научно-практической конференции*. Благовещенск, 2015. С. 264–271.
4. Петрунина Ж.В. Россия на берегах Амура: к вопросу о развитии острова Большой Уссурийский в Хабаровском крае. *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 5. С. 48–51.
5. Леонкин А.Д. Остров Большой Уссурийский: различия между Российской Федера-

- цией и Китайской Народной Республикой в подходах к развитию территории. *Учёные записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук.* 2022. № 1. С. 22–28.
6. Анисимов А.Л., Костюченко А.П. Проблема демаркации российско-китайской границы в районе «фуюаньского треугольника» в 1928–2008 гг. *Чтения памяти профессора А.А. Сидоренко.* 2018. № 5. С. 12–38.
 7. Зуенко И.Ю., Савченко А.Е. *Центр-региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы).* Москва: МГИМО-Университет, 2023. 362 с.
 8. Ван Юцюнь (王友群). Цзян Цзэминь отдал России половину острова Хэйсяцзыдао (江泽民将中国黑瞎子岛的一半送给俄国). *Дацзиюань.* <https://www.epochtimes.com/gb/23/9/8/n14069964.htm> (дата обращения: 20.10.2023) (на кит. яз.)
 9. Леонкин А.Д. Государственная граница Российской Федерации и КНР: различия в подходах при отображении на картах пограничных территорий. *VI Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение азиатско-тихоокеанского региона.* Иркутск, 2023. С. 177–182.
 10. Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Лун Ч., Ма Ю., Олейников И.В., Цинь Д. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая 2009–2018 гг.: итоги и дальнейшие перспективы. *У карты Тихого океана.* 2018. № 53. С. 3–26.
 11. Зуенко И.Ю. Развитие системы административно-территориального деления провинции Хэйлунцзян: 1982–2014 гг. *Россия и АТР.* 2018. № 1. С. 118–132.
 12. Быстрицкий С.П., Басова С.Н., Заусаев В.К., Царионова Ю.В. К вопросу реализации проекта «Формирование международного транспортного коридора «Харбин — о. Большой Уссурйский — Ванино». *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право.* 2009. № 1. С. 70–72.
 13. Подгорнов А.К., Балалаев А.С. Организация грузовых и пассажирских перевозок в рамках создания транспортно-логистического кластера на острове «Большой Уссурйский». *Тенденции развития науки и образования.* 2017. № 1. С. 47–51.
 14. Цзоу Сютин. Российско-китайские зоны приграничного сотрудничества: перспективы взаимодействия РФ и КНР. *Россия и АТР.* 2020. № 3. С. 134–150.
 15. Chu Daye, Chen Qingqing. Russia, China seek closer trade ties at key economic forum in Russia's Far East amid US hegemony. *Global Times.* <https://www.globaltimes.cn/page/202209/1274707.shtml> (дата обращения: 01.10.2023)
 16. Balalae A.S., Dyn'kin B.E. Transport-logistics cluster on Bolshoy Ussuriysky island. *Modern aspects of logistics: conference materials.* Khabarovsk, 2014. P. 19–23. (In Russ.)
 17. Filonenko V.V., Tret'jakov M.M. About possi-

- bilities of creating new tourist product on Russian part of Bolshoy Ussuriysky island. *News of Tourism and Service universities association*. 2014. № 3. P. 27–33. (In Russ.)
18. Chimitdorzhiev Zh.Zh. Bolshoy Ussuriysky island: a point for development of Khabarovsk. *Russia and China: history and perspectives of cooperation: conference materials*. Blagoveshensk, 2015. P. 264–271. (In Russ.)
19. Petrunina Zh.V. Russia on the banks of Amur: development of Bolshoy Ussuriysky island. *Society: philosophy, history, culture*. 2018. № 5. P. 48–51. (In Russ.)
20. Leonkin A.D. Bolshoy Ussuriyskiy island: differences between Russia and China in attitudes to the development of territory. *Bulletin of Acad. Gafurov's Khujand state university: Humanities Series*. 2022. № 1. P. 22–28. (In Russ.)
21. Anisimov A.L., Kostjuchenko A.P. Problem of demarcation of Russo-Chinese border near Fuyuan triangle in 1928–2008. *Readings in memory of Prof. A.A. Sidorenko*. 2018. № 5. P. 12–38. (In Russ.)
22. Zuenko I.Yu., Savchenko A.E. *Center-region relation in USSR/Russia and China in the period of reforms (1980-1990s)*. Moscow, MGIMO-Universitet, 2023. 362 p. (Un Russ.)
23. Wang Youqun. Jiang Zemin gave a half of Heixiazidao to Russia. *Dajiyuan*. <https://www.epochtimes.com/gb/23/9/8/n14069964.htm> (accessed: 20.10.2023) (In Chin.)
24. Leonkin A.D. State border between Russia and China: differences in drawing of border areas in official maps. *VI Gotlib readings: Oriental studies and regional studies in Asia-Pacific*. Irkutsk, 2023. P. 177–182. (In Russ.)
25. Zuenko I.Yu., Ivanov S.A., Long Ch., Ma Yu., Olejnikov I.V., Qin D. Programme of cooperation between eastern regions of Russia and North-East China 2009-2018: results and further perspectives. *At the map of Pacific*. 2018. № 53. P. 3–26.
26. Zuenko I.Yu. Development of administrative divisions system of Heilongjiang province: 1982–2014. *Russia and Asia-Pacific*. 2018. № 1. P. 118–132. (In Russ.)
27. Bystrickij S.P., Basova S.N., Zausaev V.K., Carionova Ju.V. About realization of project “Harbin — Bolshoy Ussuriysky island – Vaino international transport corridor”. *Asia-Pacific region: economics, politics, law*. 2009. № 1. P. 70–72. (In Russ.)
28. Podgornov A.K., Balalaev A.S. Managing cargo and passenger logistics in the framework of creating transport-logistics cluster on Bolshoy Ussuriysky island. *Trends of science and education*. 2017. № 1. P. 47–51. (In Russ.)
29. Zou Xiuting. Russo-Chinese zones of border cooperation: perspectives of interaction between Russia and China. *Russia and Asia-Pacific*. 2020. № 3. P. 134–150. (In Chin.)
30. Chu Daye, Chen Qingqing. Russia, China seek closer trade ties at key economic forum in Russia's Far East amid US hegemony. *Global*

Times. <https://www.globaltimes.cn/page/202209/1274707.shtml> (accessed: 01.10.2023)

Сведения об авторе

Зуенко Иван Юрьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

690000. Владивосток, ул. Пушкинская, 89

ivanzuwei@gmail.com

Information about the author

Ivan Yu. Zuenko

Cand. of Sc. (History), Researcher Institute of History, Archaeology and Ethnology, Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch

690000. Vladivostok, Pushkinskaya Str., 89

ivanzuwei@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

Russia and China in a multipolar world in the context of the Ukrainian crisis

Россия и Китай в многополярном мире в контексте украинского кризиса

Лычагин Александр Иванович

*Институт международных отношений
и мировой истории Национального
исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н.И.*

Лобачевского

kaf.vostok@mail.ru

Alexander I. Lychagin

*Department of Orient cultural-language studies,
Institute of International Relations and World
History, Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod*

kaf.vostok@mail.ru

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-166-173](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-166-173)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается возникающая новая реальность в условиях трансформации однополярного мира в многополярный, в контексте украинского кризиса. Этот процесс сопровождается как демографическим спадом, обусловленным отказом от традиционных семейных ценностей, так и морально-нравственной деградацией в целом коллективного Запада, который пытается навязать остальному миру свои, так называемые ценности. Китайская Народная Республика, Россия и целый ряд других, вменяемых стран предсказуемо противодействуют этому.

Ключевые слова: Россия, Китайская Народная Республика, США, Европа, НАТО, Украина, кризис, противодействие, морально-

ABSTRACT

The article examines the emerging new reality in the context of the transformation of the unipolar world into a multipolar one, in the context of the Ukrainian crisis. This process is accompanied by both a demographic decline due to the rejection of traditional family values, and the moral degradation of the collective West as a whole, which is trying to impose its so-called values on the rest of the world. The People's Republic of China, Russia and a number of other sane countries predictably oppose this.

Keywords: Russia, People's Republic of China, USA, Europe, NATO, Ukraine, crisis, counteraction, moral values, multipolarity

For citation: Lychagin A. I. Russia and China in a multipolar world in the context of the Ukrainian

нравственные ценности, многополярность

Для цитирования: Лычагин А.И. Россия и Китай в многополярном мире в контексте украинского кризиса. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (4). С. 166-173 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-166-173>

Совершенно очевидно, что нейтральная или пророссийская, если угодно, позиция КНР в украинском вопросе продиктована долгосрочными интересами Китая, который рассматривает всякое расширение Северо-Атлантического блока (НАТО) как потенциальную угрозу. Так, тогдашний министр иностранных дел КНР, а ныне заведующий Канцелярией Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ван И, назвал союз США, Великобритании и Австралии (AUKUS) «Индо-Тихоокеанской версией НАТО» [1], несущим военную угрозу его стране. Не говоря уже о Китайской Республике (о.Тайвань), в 1971 году откровенно преданной США (и это мнение не только президента Чан Кай-ши, но и, можно смело утверждать, всего населения острова) и утратившей международную правосубъектность, а затем «нашпигованной» американскими военными советниками и оружием, под предлогом не допустить военного вторжения КНР. Не допустить вторжения на территорию, признанную сами же Штатами и их, традиционно «подхрюкивающими», (термин В.В. Путина) [2] союзниками, одной из провинций КНР. А как же ООН и т.н. международное право? Вопрос риторический.

crisis. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№4). P. 166-173 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-166-173>

В этой связи, руководство КНР понимает озабоченность Российской Федерации по поводу не только заявлений президента В.А. Зеленского и Верховной Рады о планируемом членстве в НАТО, но и включения в Конституцию Украины поправок о присоединении к указанному блоку. Таким образом, нейтралитет Китая в этом вопросе при голосовании (что, фактически, равноценно поддержке действий России) как в качестве постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, так и одного из субъектов ООН коррелируется с его, Китая, собственными представлениями о безопасности.

15 августа министр иностранных дел России С.В.Лавров, выступая на открытии XI Московской конференции по международной безопасности (MCIS) нашел много общего в украинской и тайваньской проблемах, заявив, что США навязывают свой подход к этим темам третьим странам. В частности, требуют игнорировать проблему русскоязычных на Украине и позиционировать последнюю, как государство исключительно в границах 1991 года. И выстраивать фактические отношения с Тайванем, как с государством, но не с провинцией КНР. [3]

Таким образом, тема украинского кризиса жизненно близка самому Китаю, сталкиваясь с аналогичными проблемами. Тем более, что началу специальной военной операции предшествовали многократные призывы президента Путина В.В. обсудить за столом переговоров как с США, так и со странами Западной Европы, преимущественно членами НАТО, вопросы коллективной безопасности и выработке всесторонних гарантий таковой. Очевидно и другое. Это то, что Россия и Китай не желают более довольствоваться тем местом, что занимали когда-то. На периферии. Местом статиста в системе международных координат. С 1991 по 2000 годы России в мировой политике просто не существовало. Тогдашний министр иностранных дел Андрей Козырев (господин «да») лишь мило улыбался и угодливо кивал, даже не дослушав до конца очередной гегемонистской инициативы коллективного Запада. А, мягко говоря, не всегда адекватный президент Ельцин Б.Н. в буквальном смысле плясал под германскую дудку и перенацеливал наши ракеты непонятно куда и зачем, не отдавая отчета, что делает.

С уходом упомянутых выше российских коллаборационистов ситуация медленно но верно, начала меняться. Новое руководство России и Китая (особенно после чистки Си Цзиньпином проамериканского лобби, т.н. «комсомольцев», во главе с Ху Цзиньтао) конечно же не устраивал однополярный мир, который, впрочем, уже и не является таковым. Позиции целого ряда стран Восточной Европы, Латинской Америки, Африки, совсем недавно «глядевших в рот» США и их европейских сателлитов, радикально изменились.

Эта принципиальная, отстаивающая собственные национальные интересы КНР политика (в том числе и сугубо внутренняя), подверглась резкой критике вначале со стороны государственного секретаря США Э. Блинкена, во время встречи с министром иностранных дел Ван И в Анкоридже, а затем и другими высокопоставленными чиновниками администрации президента Д.Байдена, равно как и им самим: «Плохие ребята, от которых следует ждать плохих действий. Бомба замедленного действия.» [4]

Здесь не лишне напомнить, что встреча с китайским коллегой в Анкоридже была первой для государственного секретаря президентской каденции Д. Байдена. Г-н Э. Блинкен не нашел ничего лучшего, как в самом начале беседы поучать Ван И обустройству государства с пятитысячелетней историей. Научить толерантному обращению китайских властей с собственными гражданами. (Нелишне напомнить, что вопросы внутренней политики, включая, разумеется, и права человека, никак не входят в компетенции министерств иностранных дел). Отношения органов власти и человека в Китае зиждятся отнюдь не на коммунистической идеологии, а на конфуцианских догмах, кои радикально отличаются от западной модели таковых отношений. При том, что весь мир облетели кадры белых американцев, раболепствующих перед неграми. Равно, как и пример «независимого» американского суда, приговорившего к 13(!) годам лишения свободы полицейского, задержавшего неоднократно судимого мошенника, грабителя и насильника (но чернокожего) Джорджа Флойда. Который, как

впоследствии выяснилось, скончался от острой сердечной недостаточности, вызванной наркоманией. Не обязательно быть крупным юристом, чтобы понять, что такой срок дают за умышленное убийство. Если это не сознательное ущемление прав белого населения, то что тогда? И стоит ли так активно и бесцеремонно учить всех подряд? При том что как китайское, так и российское внешнеполитические ведомства воздерживаются от комментариев американской внутренней политики. Министр Ван И не счел возможным продолжать разговор в таком ключе. И встреча закончилась, не успев начаться.

Стоит отметить, что раньше официальные лица Китая ограничивались словесным дезавуированием американских и западных вообще обвинений в якобы имеющихся нарушениях прав человека. Но, видимо, с ростом могущества государства, растет и чувство собственного достоинства представителей КНР.

Вопросами прав человека американское вмешательство в политику третьих стран, конечно же, не ограничивается. Так, 9 июля 2022г. Энтони Блинкен беседуя с Ван И тщетно пытался развенчать позицию Китая по вопросу поддержки, по его мнению, Пекином российской специальной военной операции, обусловленной недопущением вступления Украины в НАТО с перспективой размещения там ядерного оружия. (Памятуя опыт горбачевских договоренностей с США и НАТО, кои были незамедлительно нарушены.) Глава американской дипломатии обвинил китайского коллегу в том, что Китай не был безучастным к очевидной и бесспорной, по его мнению, агрессии Рос-

сии в отношении Украины. Он сослался на телефонный разговор, состоявшийся 15 июня между председателем КНР Си Цзинпином и президентом России Владимиром Путиным, как доказательство поддержки последнего в сложившейся ситуации. «Теперь то, что вы слышите из Пекина, так это требование оставаться нейтральными. Мне хотелось бы начать с того, что удобно последовательно настаивать на предложении быть нейтральным, столкнувшись с агрессией. А это самая настоящая агрессия. И там настоящая жертва», — сказал американский Госсекретарь. Для ООН нет никаких сомнений в том, что Китай поддерживает Россию, и в китайских государственных СМИ ретранслируется российская пропаганда, добавил он. [5] Здесь следует отметить, что мнение стран — членов ООН далеко не единодушно по этому вопросу. Но американского дипломата такие «мелочи», очевидно, не интересуют. Э. Блинкен отметил, что он и Ван И «демонстрируют противоположные взгляды на эту проблему и пути ее разрешения, что создает опасности», в то время как не разрешены противоречия и существует напряженность по таким острым темам, как тайваньская проблема, демократия в Гонконге и голословные, по мнению руководителя американской дипломатии, утверждения китайской стороны о якобы отсутствии рабского труда в Синьцзяне. Китайский министр напомнил заокеанскому коллеге, что все перечисленные им темы относятся к внутренней политике КНР. Того же мнения придерживается и господин Гутэриш, и абсолютное большинство государств-членов ООН, за исключением 13 стран, (признающих Китайскую Республику

(о Тайвань) государством), названия и местонахождение которых не всегда удастся вспомнить. Э. Блинкен также отверг идею большей интеграции Китая в процессах, происходящих в Юго-Восточной Азии, с целью реализации которой Ван И совершил двухнедельное деловое турне по странам ЮВА. Такое впечатление, что американский дипломат утратил ориентацию во времени, и руководствуется, применительно к Китаю, положением дел в мировой политике середины девятнадцатого века.

Господину Блинкену вторит его союзник — руководитель британской разведки МИ 6 Ричард Мур. На пражском форуме, состоявшемся 19.07.2023г., чьим редким гостем он является, разведчик заявил: «Незадолго перед вторжением России на Украину Си и российский президент Владимир Путин заявили о безграничной дружбе между их странами».[6] После начала войны, по мнению г-на Мура, правительство КНР позиционировало себя в качестве нейтрального миротворца, и это должно было со стороны КНР демонстрировать мировому сообществу недовольство Си по поводу случившегося. На самом же деле Пекин был недоволен осуждением России, и напрямую поддерживал ее. «Когда Путин вторгся на Украину, Китай совершенно очевидно поддерживал русских», — сказал Мур, обращаясь к участникам форума. «Китай поддерживал Россию дипломатически, воздерживаясь при голосовании пяти государств-постоянных членов Совета Безопасности ООН, и оказывал давление на страны Африки и Латинской Америки с той же целью поддержки России, жестко критикуя НАТО и аффилированные с ним структуры». Мур добавил,

что Ми 6 знает, кто отправляет Китаю больше всего самых востребованных в мире ресурсов, «...которые Китаю совершенно необходимы, что понимают обе стороны, и правительство КНР решительно реализует эту возможность».[7]

Его комментарии не могли остаться незамеченными в Пекине и получили жесткую отповедь как совершенно бездоказательные, однако на них незамедлительно откликнулся директор ЦРУ Уильям Бёрнс, который осудил действия Пекина как «игру мускулами».

«Русская агрессия являет собой угрозу, но Китай — единственная страна, намеревающаяся переформатировать международные отношения и увеличить дипломатическую, военную и экономическую мощь, чтобы лидировать на мировой арене», — добавил руководитель американской разведки.[8]

С этим трудно не согласиться. И беспрецедентное расширение БРИКС, после августовского саммита в Йоханесбурге, и отказ, также весьма знаковый, председателя КНР Си Цзинпина участвовать в форуме G20 говорит о многом.

Еще в 1984 году президент США Рональд Рейган заявил, что ялтинские договоренности о разделе мира на сферы влияния больше не повторятся, подразумевая, что существует лишь один центр руководства миром — Соединенные Штаты Америки [9]. Эту возмутительную сентенцию, как мантру, повторяли все последующие заокеанские лидеры. Прямо или несколько завуалировав. Но суть оставалась прежней. Относительно недавно президент Джордж Байден заявил: «Мы должны быть лидерами

свободного мира, и никакая другая страна не обладает такими возможностями». [10]

И тогда, и сейчас дело не ограничивается стремлением к политической гегемонии, происходит навязывание своего образа жизни, своих, т.н. моральных ценностей. Вместе с тем, есть все основания утверждать, что именно эти «ценности» ведут к медленному, но неуклонному вымиранию коренного населения Западной Европы. Этот факт во время мессы с, прискорбием констатировал и папа римский Франциск, назвав Европу «самым большим кладбищем человечества». [11] Однако, спустя несколько месяцев встретился в Ватикане с группой трансвеститов и, размахивая флагом ЛГБТ, назвал их «дочерями Бога». [12] В средние века такого папу ожидало бы публичное сожжение. И было бы трудно упрекнуть Инквизицию в жестокосердии. Может показаться, что папа забыл непререкаемые постулаты Священного Писания, но это не так, конечно же. Наверняка, с теорией у папы все в порядке. Дело в другом. Изменились духовно-нравственные ориентиры подавляющего большинства граждан Западного общества. Элементарная мораль попросту деградирует. А Ватикан даже не пытается направить свою заблудшую паству на путь истинный. Он мимикрирует под то, что есть. И своим благословением усугубляет нравственное разложение. Общество это понимает. Католическая церковь перестала быть нравственным ориентиром, и число прихожан тает с каждым годом.

Современные западные «ценности» сдавливаются бесконечным конформизмом церкви, в которой не осталось и намека на святость.

Ватикан благословляет однополые браки. Многочисленные лоббисты ЛГБТ во властных структурах щедро благодарят церковников. А растущее с каждым годом число мигрантов, вообще не имеют ничего общего с христианством. Западные «ценности» являют собой не просто толерантное отношение к представителям ЛГБТ, трансгендерам, и прочим, по словам директора Службы внешней разведки РФ С.Е. Нарышкина «биомеханоидам» [13], но и юридически легитимизируют смену пола, причем сколь угодно раз; упразднение понятий «отец» и «мать» и замена таковых на «родитель один», «родитель два», приоритетное правовое положение вышеперечисленных категорий граждан, а также мигрантов. По образному замечанию одного российского (советского) профессора, живущего в США, наибольшим приоритетом при занятии той или иной вакансии будет пользоваться негритянка — инвалид лесбийской ориентации. И все эти извращения, ведущие фактически к вымиранию, активно пропагандируются в образовательных учреждениях.

Очевидно и то, что западное общество страдает отсутствием адекватного понимания собственного языка. Так, нарушители государственной границы именуется, почему то, «нелегальными мигрантами». В то время как уголовное право повсеместно, трактует такое действие как преступление (в форме приготовления, попытки или доведение преступного замысла до конца) и карает. Что это, как не демонстрация правового нигилизма? (Остается надеяться, что рост популярности правых партий в Европе — это всерьез и надолго, и является свидетельством того, что на Западе еще

остались вменяемые люди, которые не хотят однажды проснуться в придатке Африки.)

Вот такую «культуру», («Европа — цветущий сад, а остальной мир — джунгли», — Жозеп Боррель) [14] пытаются распространить на весь мир, но, прежде всего на Россию и Китай, как криэйтеров многополярного мира и защитников традиционных духовных ценностей. («Нынешний мир — это буйный сад, где цветут сто цветов», — парировал С. Нарышкин [15], заимствуя афоризм у Мао Цзедуна)

Что касается Украины, то, по крайней мере, часть украинского социума готова отказаться от собственных традиционных ценностей и принять западный образ жизни. А большинство украинцев об этом просто не задумываются. Это большинство стремится в Европейский Союз, руководствуясь сугубо меркантильными целями. Собственно, ничего плохого в этом нет. Однако, невозможна лишь экономическая инкорпорация. Примечательно, что много лет назад, когда руководители Украины и Грузии только заикнулись о намерении присоединиться к Евросоюзу, в обеих странах незамедлительно состоялись шествия ЛГБТ, трансвеститов и прочих людей с нездоровой психикой. И их охраняла полиция. И было от кого охранять. И это был недвусмысленный сигнал Западу — мы готовы принять ваши правила жизни.

Вместе с тем, конечно же, Украина не вынашивала планов войны с Россией. Но, вряд ли, кто-то всерьез сомневается, что обязательным условием принятия в Евросоюз будет вступление Украины в Северо-Атлантический военный блок. Военную организацию, откровенно враж-

дебную России, а до того СССР. Как, впрочем, и Китаю. И украинцы, и обыватели, и политическая элита безусловно отдавали себе отчет в том, что при определенном стечении обстоятельств не только с их территории будут нанесены удары (не исключая и ядерные) по России, но и им самим придется участвовать в таковой агрессии. Другими словами, украинцы если и не желали, то и не исключали таковой перспективы. Так зачем же ждать то, что можно и нужно предотвратить? Тем более, что никакого фактического равенства государств никогда не существовало и не может существовать априори. Также, как и международного права, о котором неустанно твердят западные лидеры, и которое столь же неустанно попирают, когда это, так называемое право, вступает в конфликт с их собственными национальными интересами.

Очевидно, что все упомянутые выше западные персонажи, понимают истинную подоплеку происходящего. Понимают, что Украина оказалась в ненужное время и в ненужном месте, как ни странно это звучит.

И президент В.В. Путин, исчерпав все меры дипломатического урегулирования, поступил так, как обязан был поступить. Может быть его действия были чем-то из ряда вон выходящими? Может быть лидеры других ядерных сверхдержав (в особенности постоянных членов Совета Безопасности ООН) в аналогичной ситуации поступали как-то иначе? Даже Франция, заполучившая это место исключительно благодаря тогдашней политической конъюнктуре, воевавшая и трудившаяся на стороне

гитлеровской Германии, ничтоже сумняшеся, и после 1945 года продолжала вести колониальные войны. Приводить иные примеры, право, излишне. А интересы России и, прежде всего, вопросы ее безопасности, попытались и дальше, после 2000 года, игнорировать. Опасное заблуждение.

Список источников | References

1. Neumann, Жэньминь Жибао. 28.03.2022.
2. Российская газета. 21.02.2019.
3. Канал Россия 24.15.08.2023.
4. РИА Новости. 11.08.2023.
5. Taipei News.10.07.2022.
6. Taipei News.21.07.2023.
7. Там же.
8. Там же.
9. New York Times. 19.08.1984
10. CNN. 22.07.21.
11. rg.ru.16.09.2022
12. Vida Nueva.
13. Канал Россия 24.15.08.2023.
14. РИА Новости. 13.10.22.
15. Канал Россия 24.15.08.2023.

Сведения об авторе

Лычагин Александр Иванович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

kaf.vostok@mail.ru

Information about the author

Alexander I. Lychagin

Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Chief of Department of Oriental cultural-language studies, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

kaf.vostok@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

The doctrine of Buddhism in China (the experience of historical and cultural research of the «ancient Buddhist Monastery 药师古 «Yaoshigucha»)

Доктрина буддизма в Китае (опыт историко-культурологического исследования «древнего буддийского монастыря 药师古 «Яошигуча»)

Варова Елена Игоревна

Алтайский государственный университет,

Барнаул, Россия

elena-varova@mail.ru

Elena I. Varova

Altai State University,

Barnaul, Russia

Corresponding author: elena-varova@mail.ru

УДК 291.35 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-174-184](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-174-184)

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения культовых буддийских сооружений Китая, с целью выявления специфики строительства храмовых комплексов, выявления черт присущих древним храмовым сооружениям. Обозначена роль буддизма в историческом и религиозном аспекте. Анализируется опыт изучения храмовых комплексов династии Цин на примере историко-культурологического исследования в Китае: «древнего буддийского монастыря 药师古刹 «Яошигуча». В контексте исторических исследований храмового комплекса, выявлена важная роль буддийского пантеона в религиозной жизни китайцев в XXI в. Автор приходит к выводу, что в каждой исторической эпохе

ABSTRACT

The relevance of the research is due to the need to study the cult Buddhist structures of China, in order to identify the specifics of the construction of temple complexes, to identify the features inherent in ancient temple structures. The role of Buddhism in the historical and religious aspect is indicated. The article analyzes the experience of studying the temple complexes of the Qing Dynasty on the example of historical and cultural research in China: «The ancient Buddhist monastery 药师古刹 «Yaoshigucha». In the context of historical studies of the temple complex, the important role of the Buddhist pantheon in the religious life of the Chinese in the XXI century is revealed. The author comes to the conclusion that in each historical epoch of temple construction, there

храмостроения, были свои отличительные особенности, храмовая архитектура стала эталоном власти и могущества императоров того или иного периода, позволившая сегодня нам судить о достижениях и знаниях древних зодчих.

Ключевые слова: история храмового зодчества, культура, буддизм, история и культура Китая.

Для цитирования: Варова Е.И. Доктрина буддизма в Китае (опыт историко-культурологического исследования «древнего буддийского монастыря 药师古 «Яошигуча»). *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (4). С. 174-184 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-174-184>

Китай — один из мировых центров появления цивилизаций, и одно из крупнейших государств в мире с древнейших времен до сегодняшнего дня (Лучкова 2011, 10). Огромный интерес российской общественности к прошлому и настоящему Китая, его культуре и экономическим успехам, ко всем аспектам его жизни сегодня удовлетворяется публикацией значительного числа книг и статей самой разнообразной тематики. В настоящее время российское Китаеведение — одна из наиболее плодотворных отраслей российского востоковедения. Это в полной мере относится и к историкам-Китаеведам, за последние годы опубликовавшим книги и статьи почти по всем периодам непрерывной китайской истории. Однако не хватает работ обобщающего характера, которые могли бы претендовать на изложение всей истории Китая (История Китая 2002, 3).

were its own distinctive features, temple architecture became the standard of power and might of emperors of a particular period, which allowed us today to judge the achievements and knowledge of ancient architects.

Keywords: history of temple architecture, culture, Buddhism, history and culture of China.

For citation: Varova E.I. The doctrine of Buddhism in China (the experience of historical and cultural research of the «ancient Buddhist Monastery 药师古 «Yaoshigucha»). *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 197-184 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-197-184>

Современный Китай многолик и сложен. Образно говоря, это огромный «айсберг» часть которого видна и понятна экспертам, другая малодоступна либо частично для детального анализа (Китайская Народная Республика 2016, 9). Китайские архитекторы и строители тщательно изучают и развивают архитектурные традиции и строительные приемы, выработанные и проверенные практикой, насчитывающей тысячелетия. Эти приемы не только отвечали требованиям социального уклада и быта, но и соответствовали весьма сложным и разнообразным природным и климатическим условиям Китая. Поэтому нельзя до конца понять пути развития современной китайской архитектуры, не познакомившись с особенностями древнего зодчества (Куликов 1956, 42).

Научное изучение китайской архитектуры началось лишь во второй половине XIX в. В России большой вклад в отечественную науку был сделан учеными Е.А. Ащепковым, Б.П. Денике, Н.А. Виноградовой, О.Н. Глухаревой, В.А. Кривцовым, Б.Н. Куликовым, М.Е. Кравцовой, ряд вопросов по культовой архитектуре отмечен ученым В.В. Малявиным в его работах «Китайская цивилизация». На данный момент в синологии имеется недостаточное количество сведений о даосских и буддийских храмах и монастырях, о стилистических особенностях храмовой архитектуры определенного периода в истории Китая. Значительный вклад в изучение буддизма в России внесли ученые В.П. Васильев, Е.А. Торчинов. Среди европейских ученых Sallie B. King, и одна из ее работ «Buddha Nature», вопросами роли религии в Китае были изучены синологом Brindley, Erica «Individualism in Early China: Human Agency and the Self in Thought and Politics», природа буддизма и роль Будды отражена в работах Peter Hershock «Chan Buddhism». Ряд вопросов космологического порядка в религии Китая представлены профессором изобразительного искусства Айхе Ван в исследовании «Cosmology and Political Culture in Early China» и др.

Распространение буддизма из Индии около 2000 лет назад стало крупным событием в истории Китая. В настоящее время храм занимает важное положение в общественной жизни Китая, в то время как буддийские сооружения стали важным типом зданий, уступающим только дворцу. От Восточной Хань до династий Вэй и Цзинь ранние буддийские храмы дели-

лись на два типа в соответствии с планировкой: в одном центром была пагода, в то время как другой выглядел как резиденция без какой-либо пагоды, построенной в центре. Планировка буддийского храма с пагодой в центре возникла в индийских буддийских концепциях. В буддийском храме центрального типа, открытое пространство во внутреннем дворе как правило предоставлялось монахам как место для медитаций и прогулок. Возвышающаяся пагода является главной деталью дизайна (Xiao 1999, 52-53).

Буддийский храм является основным типом религиозных сооружений Китая. Это место предназначено для освящения изображения Будды, проведения буддийских обрядов и проживания монахов (Yanxin 2010, 82). Необходимо отметить, что проникновение буддизма в Китай и формирование собственно китайской буддийской традиции является самым ярким в истории китайской культуры примером межкультурного взаимодействия. В результате сложнейшего многовекового процесса культурной адаптации буддизм сумел вписаться в китайское общество и во многом трансформировать многие важные аспекты китайского взгляда на мир (Торчинов 2001, 3-4). В настоящее время буддизм занимает важное место в общественной жизни Китая, в то время как буддийские сооружения стали важным типом зданий, уступающим только дворцовым сооружениям. От Восточной Хань до династий Вэй и Цзинь ранние буддийские храмы делились на два типа в соответствии с планировкой: в одном центром была пагода, в то время как другой выглядел как резиденция без какой-либо пагоды,

построенной в центре. Одновременно с внедрением этой концепции в Китае в большом количестве были построены буддийские храмы в центре с пагодой (Xiao 1999, 52).

С середины VIII века институционализованный буддизм долгое время действовал в связи с китайским имперским государством, если не всегда согласованно с ним, предшествующие формы буддизма в Китае имели тенденцию поддерживать имперское государство и данного правителя. Кроме того, позиция институционального буддизма по отношению к государству, как правило, зависела от восприятия традиции и ее последователей как обособленных от мирских практик и забот мирян. Изначально буддизм представлял новое направление в роли институциональной религии по отношению к императорскому китайскому государству. Это было изложение буддизма, которое было явно направлено на проблемы и чаяния правящей элиты; оно не требовало каких-либо обременительных этических практик со стороны своих мирян-приверженцев и обещало возможность приумножить богатство. Во время правления династии Тан буддизм стал неотъемлемым элементом религиозно-политического ландшафта Китая, поскольку буддийские институты, монастыри, практики и практикующие были включены в более широкий комплекс танской имперской религии (Balkwill 2022, 68).

Если обратимся к другому временному отрезку в истории Китая, то обнаружим, что по мере того, как в конце II века династия Поздняя Хань распадалась, многие люди начали ощу-

щать не только ее неминуемое падение, но и окончательную гибель самой человеческой истории. Эти сверхъестественные наблюдатели принадлежали к широкому социальному спектру, включавшему правительственных чиновников, конфуцианских мыслителей и религиозных даосских прозелитов. Каждый из них предложил свои стратегии противодействия надвигающемуся династическому краху, варьирующиеся от прагматичных мер государственного управления до религиозного миллениализма. Несмотря на различия в источниках, доктрине и воздействии, все такие лечебные стратегии, по-видимому, характеризовались одним сильным, хотя и едва уловимым оттенком фатализма. Примечательно, что буддисты позднего ханьского Китая ссылались на надвигающийся распад мира. Не случайно буддийские миссионеры смогли завоевать значительное уважение среди китайского населения в это время, поскольку буддийская доктрина кармы предлагала другую форму детерминизма, которая, в отличие от закоренелого фатализма, поддавалась личному влиянию (Alan 2010, 319).

На протяжении ранних этапов буддийского проживания в Китае активно искали и развивали такие параллели между буддийской мыслью и исконными китайскими традициями. Даосская терминология широко использовалась при переводе индийских буддийских концепций. Например, «дао» по-разному использовалось для перевода на китайский язык индийских слов, обозначающих буддийский путь, духовную дисциплину и Дхарму, или учения Будды. Для того чтобы буддизм функционировал как продолжение или альтернатива исконным

формам духовности Китая, его сначала нужно было привести в жизненный мир китайской культуры и общества. Даосизм особенно хорошо подходил как для наведения концептуальных мостов, необходимых для инициирования такого внедрения буддийской мысли в китайское общество, так и для предварительного формулирования значений трех «врат» буддийской практики. Например, практическое оставление Чжуан-цзы принципов «не-знания», «не-действия» и «не-желания» послужило подходящим китайским культурным ориентиром для деконструкции аспекта сансары в «трех вратах». Незнание означало воздержание от фиксированных или принципиальных различий, отказ от принятия какого-либо знания как абсолютного и принятие изменчивых взаимосвязей, возникающих между всеми вещами. Это очень хорошо согласуется с буддийским пониманием невежества Махаяны как хронической неспособности воспринимать пустоту и взаимосвязь (Brindley 2010, 48-49). Концепция природы Будды, хотя и мало обсуждаемая в западных обзорах буддизма, является одной из наиболее важных идей на Востоке. Азиатский буддизм. В своей простейшей форме концепция природы Будды дает ответ на вопрос, который очень волновал древних китайцев: все ли существа способны достичь Состояние Будды, теория природы Будды отвечает, что «Все живые существа обладают природой Будды», и таким образом, им гарантирована реализация состояния Будды. Загрязнения ментального характера способны скрыть от нас природу Будды только в той мере, в какой мы позволяем нашей прошлой карме определять нашу жизнь.

С помощью медитации и достойных поступков мы можем освободиться от своей кармы и осознать свое состояние Будды. Таким образом, природа Будды — это наша истинная и сущностная природа и идентичность. Теория природы Будды утверждает, что каждый из нас полностью способен осознать — эмпирически представить себе — эту просветленную природу, которая является нашим неотъемлемым правом как живых существ (Sallie 1991, 1-2).

Китаеведение в России имеет глубокие корни. На протяжении десятилетий российские ученые изучали эту необычную страну, были созданы известные научные школы и направления. В тоже время в области архитектуры представлено очень мало необходимых данных для понимания принципов развития китайской архитектуры. Отсутствовали в должной мере чертежи и фотофиксация объектов разных времен. Также отсутствовали данные преемственности в создании большинства ключевых исторических объектов. Начиная с 80-х годов прошлого века ситуация стала меняться. Страна стала более открытой, что сделало возможными путешествия по ней для самостоятельного сбора материала (Лучкова 2011, 10).

За последнее время в отечественном китаеведении накоплен значительный опыт исследований, посвященных влиянию буддизма на социально-экономический, религиозный, философский, мировоззренческий уклад Китая. Некоторыми учеными затрагиваются проблемы монастырской жизни буддийских монахов, выявляется роль буддийских организаций в современном китайском обществе. Но, в XXI в.

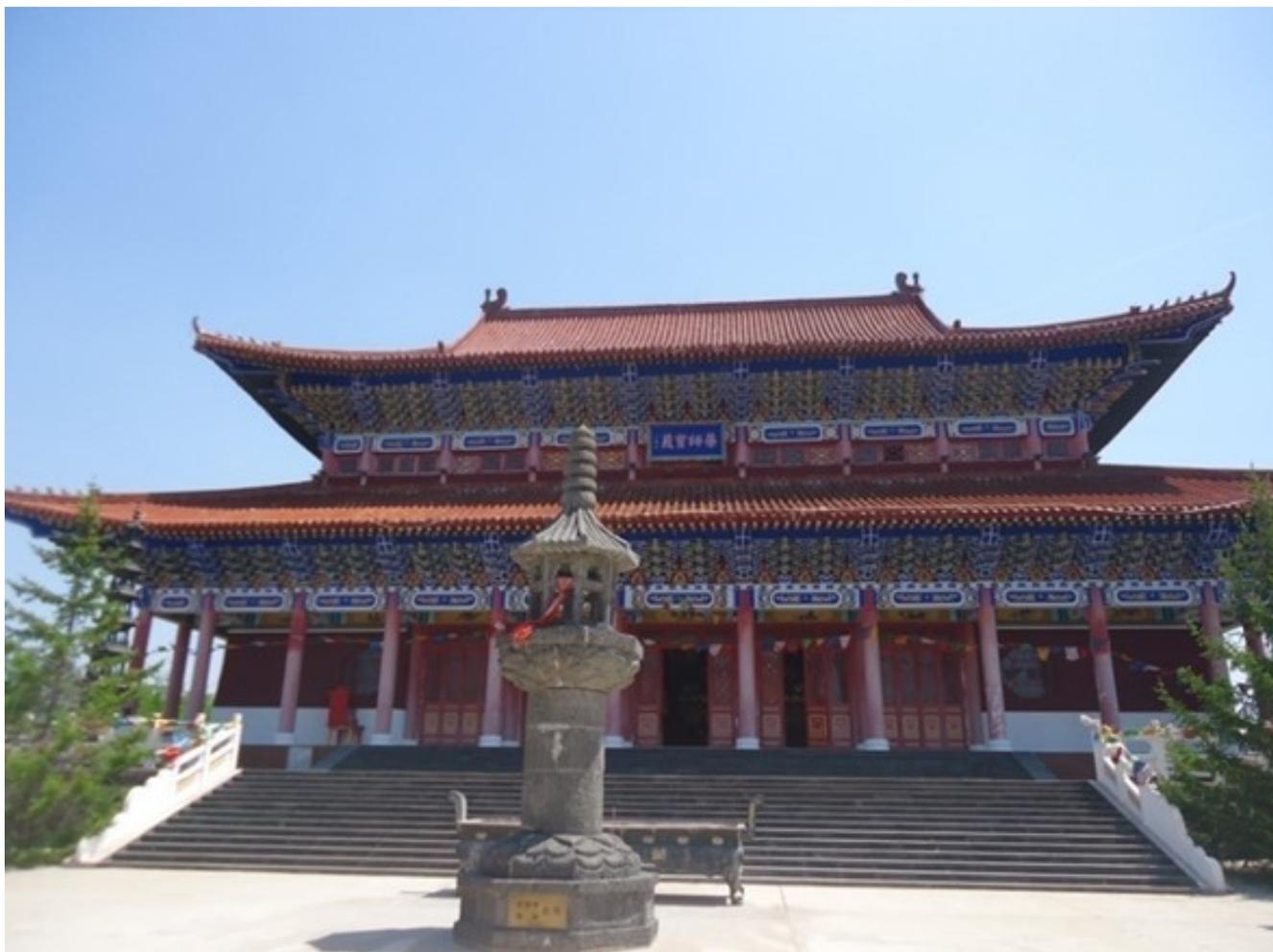

Рис. 1. Древний буддийский храм 药师古刹 «Яошигуча»

в российском искусствоведении недостаточно изученными остаются буддийские храмы, в частности — древний буддийский монастырь 药师古刹 «Яошигуча» (Исцелитель).

Исследования буддийских храмов позволяют нам иметь представления: во-первых, о правящей династии, во время которой был сооружен объект, во-вторых, проследить влияние буддизма в определенный отрезок времени, в-третьих, об особенностях храмостроения древних мастеров той эпохи. Благодаря историческим сведениям, нами воссоздается картина определенного отрезка времени Китая, что

позволяет нам судить о культурном, философском, социальном положении правящей империи. Нами была проведена полевая экспедиция в Китай в провинцию Хэйлунцзян. Объектом нашего исследования стал древний буддийский монастырь «Яошигуча» (药师古刹 «Исцелитель»). Древний буддийский монастырь 药师古刹 «Яошигуча» насчитывает более чем тысячелетнюю историю. (Рис.1. Древний буддийский храм 药师古刹 «Яошигуча»). Но на сегодняшний день китайские ученые точно не знают, когда был построен монастырь. Ориентировочно принято считать 1200 г. началом

Рис. 2. Буддийский храм поклонения богине «Гуаньинь»

возведения храмов и самого монастыря (ПМА 2015).

Монастырь расположен на территории городского уезда Нинъань городского округа Муданьцзян, провинции Хэйлунцзян, Китайской народной республики. Данный монастырь находится в живописном месте, рядом с озером Цзинбо, и особенно ценится китайцами как религиозное, так и красивое место. (Озеро Цзинбо при династии Цзинь (1115-1234) называли Ху Хань, также называли Биэртень, теперь же называют «Озеро Цзинбо»).

По мнению китайских экспертов, во времена правящей династии Бохай этот монастырь имел большую территорию своего владения, на которой было сосредоточено большое количество храмов. Изучением Древнего буддийского храма занимался ученый Лю Чжо Юй. После исследований он предложил разработать им программу реконструкции монастыря. В мае 1995 года началась работа по восстановлению монастыря и храмов, которая сопровождалась многими трудностями. Большую роль в завершении реконструкции сыграл буддийский монах Ши Жун Гуан. В августе 2000 г.

строительство было завершено, и уже 5 августа 2000 г. на территории буддийского храма «Яошигуча» состоялась торжественная церемония открытия храма после реконструкции. В церемонии открытия приняли участие многие буддийские монахи и лидеры (ПМА 2015).

Масштаб храма: древний буддийский монастырь включает в себя семь зданий: Храм Тяньвандянь; Башня с часами; Храм Ди Цзан; Храм Исцеления; Храм Гуань Инь; Барабанная башня; Храм «Яошидянь» (ПМА 2015).

Что касается самого монастыря, то на его территории расположен храм поклонения богине «Гуаньинь» (Рис. 2. Буддийский храм поклонения богине «Гуаньинь»). Монахи считают, что Гуаньинь охраняет народ, дает ему радость

жизни. «Она помогает всем», отмечает настоятель монастыря, она не разделяет людей ни на бедных, ни на богатых, помогает любому человеку. Помимо этого, она может менять свою личность, чтобы прийти на помощь человеку. В самом буддийском храме «Яошигуча», помимо самого Будды, расположены четыре больших небесных бога (Рис. 3): «Восточный», «Южный», «Западный», «Северный» (ПМА 2015).

Рис. 3. Четыре больших Небесных Бога. У «Северного» бога в руках зонт, у «Восточного» лютня, у «Южного» меч, у «Западного» дракон. Все они являются защитниками людей. Молящиеся в храме миряне покупают свечи в виде лотоса и подносят их Будде, чтобы он осветил светом их сердца, помог исцелить, ведь недаром сам монастырь, в переводе с китайского

Рис. 3. Четыре больших Небесных Бога.

звучит как «Исцелитель». Настоятельница храма сказала: когда исполнится желание, то нужно вернуться в монастырь и поблагодарить Будду, отметила, что так принято, и люди придерживаются этого наставления. Находясь на территории монастыря, чувствуешь удивительную гармонию, внутреннюю и внешнюю. Нет ни вычурных элементов в декоре, ни в самих зданиях. Все едино. Можно бесконечно поражаться удивительному чутью древних зодчих, их чувству гармонии с природой, с самим миром. Чтобы сконструировать так идеально культовую архитектуру, чтобы человек придя в храм, почувствовал себя в далеке от мирской суеты, и оказался наедине с самим собой, своими мыслями и чувствами, с природой. Храм «Яошигуча», состоит из двухъярусной крыши — такой элемент строительства мы встречаем в буддийских храмах довольно редко. Система строительства крыши «Догун», известная нам из истории китайской архитектуры как главный опорный элемент (ПМА 2015).

Изобразительно-декоративная часть храма, выстроена в соответствии с институтом власти сына неба, на центральных лобовых частях храма изображены золотые драконы, золотой цвет — «цвет императора». Мы обнаружили в изобразительной части храма не встречающееся ранее в буддийских храмах — изображение «пламени» и внутри пламени три шара. Мы можем предположить, что в виде пламени изображен «свет Будды», который освещает человека, природу и небо (ПМА 2015).

Буддизм, распространяясь на северо-востоке Китая, привнес в изобразительную часть культовой архитектуры, новые элемен-

ты, как и считают монахи древнего буддийского монастыря «Яошигуча», что Будда приносит свет миру. Нам кажется, это выражение сказано не случайно, поскольку в храме всегда много людей, все приходят в надежде на чудо. Смотрительница храма «Яошигуча» сказала: «Как только ваша просьба будет исполнена, то нужно будет прийти снова в этот храм и поблагодарить Будду за исполнение». Кроме того, стоит отметить, что в храме «Исцелитель» можно встретить много местных жителей и приезжих иностранцев, все они приходят в храм за исцелением. Ведь «правильно» построенный храм начинает играть роль «лекаря»: атмосфера спокойствия, гармонии, единения с природой, с самим собой, где сердце человека раскрывается в своем истинном свете — в таких условиях человек оздоравливается. Отсюда мы можем сделать вывод, что храм, построенный по традиционной концепции единства человека и природы, положительно влияет на психическое и физическое здоровье человека. Мы считаем, что исследование влияния храмовой архитектуры на здоровье человека — актуальная тема и требует дополнительного исследования.

В 1994 г. эксперты «Управления историко-культурным наследием провинции Хэйлунцзян» в ходе долгих исследований, пришли к выводу, что тысячу лет назад здесь был довольно широко распространен буддизм, который и повлиял на архитектурный облик провинции Хэйлунцзян. Таким образом, мы можем сделать вывод, что история формирования и влияния китайского буддизма — как особого феномена цивилизации Дальневосточного региона, по-прежнему является одной из актуальных

проблем для соответствующих востоковедных дисциплин — и непосредственно китаеведения, и в целом буддологии (Восток 2001, 145). Концепция природы Будды является ключевой в религиозной жизни китайцев. Она лежит в основе восточноазиатских буддийских концепций человеческого бытия и духовности и, формирует понимание возможностей и целей человеческой жизни (Sallie 1991, 3).

Список литературы

1. Лучкова В.И. *История китайского города. Градостроительство, архитектура, садово-парковое искусство*. Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ), 2011.
2. *История Китая: Учебник* / Под редакцией А.В. Меликsetова. 2-е изд., Москва: «Высшая школа», 2002.
3. *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. Москва: «ФОРУМ», 2016.
4. Куликов Б.Н. Архитектура и строительство Китая. *Архитектура и строительство Ленинграда*. 1956. № 2. С. 42-44.
5. Xiao Mo. *Chinese Architecture*. Beijing: Culture and Art Publishing House, 1999.
6. Yanxin C. *Chinese architecture: palaces, gardens, temples and dwellings*. Beijing: China Intercontinental Press, 2010.
7. Торчинов Е.А. *Философия китайского буддизма*. СПб.: Азбука-классика, 2001.
8. Balkwill S. *Buddhist Statecraft in East Asia*. Boston, 2022.
9. Alan K. L. *Philosophy and Religion in Early*

Medieval China. Albany: State University of New York Press, 2010.

10. Brindley E. *Individualism in Early China: Human Agency and the Self in Thought and Politics*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2010.
11. Sallie B. *Buddha Nature*. Albany: State University of New York Press, 1991.
12. Полевые материалы автора (ПМА). *Древний буддийский храм 药师古刹 «Яошигуча»*. Муданьцзян, КНР, 2015.
13. Восток: *Философия. Религия. Культура*. СПб.: СПбУ, 2001.

References

1. Luchkova V.I. *History of the Chinese city. Urban planning, architecture, landscape art*. Khabarovsk: Publishing House of the Pacific State University (TOGU), 2011. (In Russ.)
2. *History of China: Textbook* / Edited by A.V. Meliksetov. 2nd ed., Moscow: «Higher School», 2002. (In Russ.)
3. *People's Republic of China: Politics, economy, culture*. Moscow: «FORUM», 2016. (In Russ.)
4. Kulikov B.N. *Architecture and Construction of China. Architecture and construction of Leningrad*. 1956. No. 2. pp. 42-44. (In Russ.)
5. Xiao Mo. *Chinese Architecture*. Beijing: Culture and Art Publishing House, 1999.
6. Yanxin C. *Chinese architecture: palaces, gardens, temples and dwellings*. Beijing: China Intercontinental Press, 2010.
7. Torchinov E.A. *Philosophy of Chinese Buddhism*. St. Petersburg: Azbuka-klastika, 2001.

- (In Russ.)
8. Balkwill S. *Buddhist Statecraft in East Asia*. Boston, 2022.
 9. Alan K. L. *Philosophy and Religion in Early Medieval China*. Albany: State University of New York Press, 2010.
 10. Brindley E. *Individualism in Early China: Human Agency and the Self in Thought and Politics*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2010.
 11. Sallie B. *Buddha Nature*. Albany: State University of New York Press, 1991.
 12. Field materials of the author (PMA). *Ancient Buddhist temple 药师古刹 «Yaoshigucha»*. Mudanjiang, China, 2015.
 13. *The East: Philosophy. Religion. Culture*. St. Petersburg: SPbU, 2001. (In Russ.)

Сведения об авторе

Варова Елена Игоревна,

канд. искусствоведения, доцент кафедры
востоковедения
Алтайский государственный университет
Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пр.
Ленина, 61, 656049
orient@hist.asu.ru

Information about the author

Elena I. Varova

Candidate of Art Studies, Associate Professor
of the Department of Oriental Studies
Altay State University

Russia, Barnaul, lenin prospect, 61, 656049

orient@hist.asu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

Modern practice of traditional Chinese holidays
on the example of the "Birthday of Ksitigarbha Bodhisattva"

Современная практика традиционных китайских праздников
на примере «Дня рождения бодхисаттвы Кшитигарбхи»

*Сторожук Александр Георгиевич,
Смирнова Анастасия Алексеевна*

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

yaanastasia.sm@gmail.com

*Alexander G. Storozhuk,
Anastasia A. Smirnova*

St. Petersburg State University

Corresponding author:

yaanastasia.sm@gmail.com

УДК 351.857.1 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-185-197](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-185-197)

АННОТАЦИЯ

Буддийские праздники в Китае являются важной частью традиционной китайской культуры. В современном мире традиционные праздники вмещают в себя элементы буддизма, а традиционные китайские ритуалы являются частью буддийских обрядов. В данной статье воссоздаётся картина современной практики традиционных китайских праздников на примере «Дня рождения бодхисаттвы Кшитигарбхи», культ которого является отражением простонародных китайских верований. Особое внимание уделяется праздничным ритуалам и церемониалу.

Ключевые слова. Бодхисаттва Кшитигарбха, Китай, традиция, праздники

ABSTRACT

Buddhist holidays in China are an important part of traditional Chinese culture. In the modern world, traditional holidays contain elements of Buddhism, and traditional Chinese rituals are part of Buddhist rituals. This article recreates the picture of the modern practice of traditional Chinese holidays on the example of the "Birthday of Ksitigarbha Bodhisattva", whose cult is a reflection of the common Chinese beliefs. Special attention is paid to festive rituals and ceremonies.

Keywords. Ksitigarbha Bodhisattva, China, tradition, holidays

For citation: Storozhuk A.G., Smirnova A.A. Modern practice of traditional Chinese holidays on

Для цитирования: Сторожук А.Г., Смирнова А.А. Современная практика традиционных китайских праздников на примере «Дня рождения бодхисаттвы Кшитигарбхи». *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (3). С. 185-197 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-185-197>

В современном Китае большое значение придаётся традиции. Традиционные праздники с их ритуалами и церемониями транслируют материальную и духовную составляющую традиционной китайской культуры и по-прежнему присутствуют в жизни китайского общества, отражая культурную память китайской нации, её систему ценностей, нравственные и моральные устои, эстетические воззрения и образ жизни народа.

Однако во второй половине XX века всё религиозное было воспринято лидерами страны как «пережитки феодализма». Религиозные праздники, обязательной частью которых являлось чтение священных текстов, жертвоприношение, возжигание благовоний и другие церемонии, стали терять былую популярность, поскольку исполнение подобных ритуалов стало считаться признаками «отсталого общества традиции». Со временем роль традиционных праздников в жизни китайского общества настолько ослабла, что такие праздники как фестиваль голодных духов (чжунъюань цзе; 中元節) исчезли, другие, к числу которых относились китайский новый год (чунь цзе; 春節), праздник драконьих лодок (дуанью цзе; 端午節), праздник двойной девятки (чунъян цзе; 中秋節), праздник середины осени (чжунцю цзе; 中秋节),

the example of the "Birthday of Ksitigarbha Bodhisattva". *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 185-197 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-185-197>

остались существовать лишь номинально, включая свою внутреннюю религиозно-философскую составляющую.

С началом проведения политики реформ и открытости и так ослабленная традиционная культура была дополнительно притеснена западными привнесениями, европейские праздники стали модными и популярными, а китайские отошли на второй план. Однако уже в 80-х годах политический курс страны был изменён и направлен к истокам традиционного китайского государства; возрождение традиционной культуры и поддержка традиционных праздников стали частью проводимой культурной политики. Сохранение традиционной китайской культуры в русле общественных трансформаций стало одним из основных направлений работы руководства страны, началось активное развитие социалистической культуры с китайской спецификой. Так на XVI съезде КПК в 2002 году генеральный секретарь ЦК Компартии Китая Цзян Цзэминь отметил: «Сливаясь с экономикой и политикой, культура в нынешнем мире занимает всё более значимое место и играет всё более заметную роль в обеспечении конкурентоспособности совокупной государственной мощи» (Верченко 2016, 485).

В настоящее время традиционные китайские праздники являются важной частью современного китайского общества. Среди религиозных традиционных китайских праздников большая часть является буддийскими. «Трудно представить китайский традиционный праздник без элементов буддизма, и наоборот, народные традиции стали частью буддийских обрядов или же их неперенным дополнением. Между древними, архаичными ритуалами и современным обликом буддийских торжеств существует весьма четко прослеживаемая связь, что сказывается не только на обрядовой стороне, но и на целом спектре восприятия самих праздников и связанных с ними традиций и обрядов, которые в разных регионах Китая существенно отличаются» (Корнильева 2010, 41). Ма Шутянь в книге «Китайские буддийские божества» (*Чжунго фоцзяо чжушэнь*; 中国佛教诸神) составил список основных, во многом ставших народными китайских буддийских праздников (Ма Шутянь 1995). Среди них тридцатое чисто шестого месяца по лунному календарю отмечается как «День рождения Кшитигарбхи», буддийский праздник, приобретший традиционный китайский облик.

«Национальная культура Китая насыщена заимствованиями, однако прежде чем укорениться в китайской национальной/ традиционной культуре, заимствуемые элементы проходят обязательный процесс адаптации к китайской культуре» (Арташкина, Цзя Хуэйминь 2018, 1601). В результате процесса адаптации может трансформироваться изначальный смысл культурного элемента, тогда культурная новация будет восприниматься как часть тра-

диционной китайской культуры, как, например, день рождения бодхисаттвы Кшитигарбхи. Подобное заимствование позволило обогатить традиционную культуру Китая, в том числе праздничную культуру, существенно изменив смысловую нагрузку восприятия бодхисаттвы Кшитигарбхи (*Дицзан пуса*; 地藏菩萨) в сравнении с его первоначальным значением. В Индии культ бодхисаттвы Кшитигарбхи не был распространён, более того, в самом Китае изначально праздновали дни рождения только «Трёх великих бодхисаттв»: Манджушри (*Вэньшу пуса*; 文殊菩萨), Самантабхадры (*Пусянь пуса*; 普贤菩萨) и Авалокитешвары (*Гуаньшиинь пуса*; 观世音菩萨), — и со временем к ним добавили еще бодхисаттву Кшитигарбху (Сутра основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи 2002).

Кшитигарбха — один из «Четырёх великих бодхисаттв» (*сы да пуса*; 四大菩萨) в китайском буддизме. В простонародных верованиях он — один из божеств «Подземного царства», воплощает собой силу обета спасения живых существ, основной обет, принятый Кшитигарбхой, является воистину невообразимым. «Кшитигарбха поклялся не становиться Буддой, пока не будут спасены все живые существа» (Там же, 21). Это самый великий обет, который только может быть принят бодхисаттвой. Он является наместником Будды Шакьямуни до прихода Будды Майтрейи и ставится Буддой в пример, как один из сильнейших божеств, поскольку одно лишь произнесение имени «Кшитигарбха» способно облегчить страдания даже для самых страшных грешников.

Представления о Кшитигарбхе в Китае появились ещё в эпоху Южных и Северных династий (420-589 гг.; *нань бэй чао*; 南北朝), но расцвет культа бодхисаттвы Кшитигарбхи относится к VIII веку, после чего получил распространение и в других странах Дальнего Востока, в частности в Монголии и Японии. В «Продолжении жизнеописания достойных монахов» (*Су гаосэн чжуань*; 续高僧传), написанном монахом Дао Сюанем (道宣; 596-667 гг.), мы находим записи о развитии культа Кшитигарбхи в VII веке. В тексте говорится, что император Суй-вэнь спросил прибывшего индийского монаха: «В наши дни пагоды, являющие божественную силу, воздвигаются повсеместно во всех областях, но больше всего благоприятных предзнаменований воздвигается в районе Шэнь и Цзао. В честь кого строятся пагоды?» В ответ следовало: «Что касается района Шэнь, то это пагоды бодхисаттвы Кшитигарбхи, а в районе Цзао — Акашагарбхи¹» (Де Фиссер 2016, 112).

Согласно «Сутре основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи» основной причиной, повлекшей за собой столь широкую популярность культа Кшитигарбхи, была его функция — избавление живых существ от страданий ада. В странах конфуцианской культуры, где связь с духами предков являлась одной из главных доминант духовной жизни, нормой явля-

лись любые духовные усилия и материальные затраты, направленные на обеспечение своим близким достойного загробного существования (Сутра основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи 2002). Кшитигарбха, как его изображает текст сутры, несёт в себе все черты идеального бодхисаттвы — махасаттвы. Благодаря своим безграничным магическим способностям, совершенному знанию учения Будды и великому состраданию он готов принести любые жертвы, чтобы избавить человека от адских мук. «Кшитигарбха разделяет свои обязанности верховного божества преисподней с Дунъюэ Дади (東嶽大帝)², Ямараджей (*Яньлован*; 閻羅王)³ и Фэнду Дади (鄴都大帝)⁴. Номинально являясь олицетворением высшей справедливости Будды во всех загробных департаментах и главным над загробными князьями, Кшитигарбха в простонародных верованиях связан в первую очередь с идеей освобождения живых существ из адов» (Сторожук 2012, 169). Именно по этой причине, желая облегчить страдания умершим и получить лучшее перерождение для себя, к бодхисаттве обращена большая часть молитв.

Култ Кшитигарбхи получил повсеместное распространение ещё и потому, что основным занятием китайского народа было земледелие, а последователи культа Кшитигарбхи получали покровительство духов местности

¹ Акашагарбха — бодхисаттва семейства Ратна. Его имя можно перевести как «безграничная космическая сокровищница» или «хранилище пустоты», поскольку говорят, что его мудрость безгранична, как само пространство.

² Дунъюэ Дади — главный распорядитель и управляющий царства мёртвых, глава всех загробных служб и департаментов.

³ Ямараджа — владыка царства мёртвых в индуизме, а за чем в индийском буддизме.

⁴ Фэнду Дади — один из верховных управителей загробного мира, божество преисподней.

и божеств, связанных с аграрным циклом, которые, в свою очередь, занимали центральное место в сфере религии и ритуала в Китае. Помимо прочего, по китайским народным представлениям в недрах земли покоились предки, от их благосклонности зависела судьба всего рода. Люди верили, что Кшитигарбха следит за тем, чтобы все добрые и дурные дела умерших, совершенные ими при жизни, были подсчитаны справедливо, а каждая из душ, попавшая в «Подземное узилище», получила заслуженное воздаяние (Там же). Поэтому крестьяне наделяли Кшитигарбху способностями известных им духов местности и божеств природы, в надежде получить хороший урожай и облегчить страдания умерших родственников.

В целом крестьяне в Китае не видели разницы между конфуцианством, даосизмом и буддизмом. Поэтому рядовой китаец обращался к каждой из религий, а то и ко всем сразу, в случае нужды: чем большее число богов и духов услышит его просьбы, тем больше шансов на успех. Данная идея ярко отражается в поклонении бодхисаттвам, покровительствующим тем или иным жизненным аспектам, например, китайцы могут обратиться к Кшитигарбхе с просьбами о здоровье, хорошем урожае, лёгких родах и так далее. Поэтому в китайской культуре день рождения бодхисаттвы Кшитигарбхи (*Дицзан даньжи*; 地藏诞日) — это важный буддийский праздник, отмечающийся повсеместно и с широким размахом.

Праздник сформировался в результате непрерывного развития китайского буддизма и его взаимодействия с местными религиозно-

философскими течениями и традициями. Нельзя точно сказать, в какое время день рождения бодхисаттвы оформился как один из основных буддийских праздников в Китае. Во времена Тан (618-907 гг.; 唐朝), Сун (960-1279 гг.; 宋朝), Цзинь (1115-1234 гг.; 金朝) и Юань (1271-1368 гг.; 元朝), когда культ Кшитигарбхи активно развивался, записей о празднике нет. «Литература — зеркало религии. Китайские авторы почти не упоминали бодхисаттв, занимавших важное место в китайском буддизме; японская литература, напротив, переполнена ими. Если бы мы нуждались в явном доказательстве того факта, что буддизм никогда не проникал так глубоко в души китайского населения, как это случилось с японским, вышеуказанного было бы достаточно» (Де Фиссер 2016, 120). Самое раннее упоминание о дне рождении Кшитигарбхи в Китае — это каменная табличка, выгравированная предположительно на седьмом году правления Цзинтая (*Чжу Циюй*; 1449-1457 гг.; 明代宗) династии Мин (1368-1644 гг.; 明朝) «Золото и камень» (Филонов 2019, 78). Это небольшая каменная табличка размером 0.09 квадратных метра, на её верхней части расположен рисунок Кшитигарбхи и десяти царей ада, где Кшитигарбха сидит посередине, остальные расположены внизу. Во второй части вырезаны имена божеств и указаны их дни рождения: «Кшитигарбха родился тридцатого числа седьмого месяца, Авалокитешвара — девятнадцатого числа второго месяца, Манджушри — четвертого числа четвертого месяца, Самантабhadра двадцать первого числа четвертого месяца» (Там же).

Дни рождения «Четырёх великих бодхисаттв», в том числе и бодхисаттвы Кшитигарбхи, как оформленный буддийский праздник стал результатом взаимодействия многих факторов, таких как распространение народного китайского буддизма и появления в китайском пантеоне множества божеств из буддийского спектра святых, популяризации учения школы саньцзе (三阶教)⁵, роли литературы в китайской культуре, а также важности принятия буддийских постулатов китайской властвующей верхушкой и их «всеправдой». В то время, когда лидеры китайского «духовенства» обозначили и признали дни рождения бодхисаттв и Будд как праздники, эти даты были записаны в тексты, отмеченные тем временем, когда в действительности их ещё не было.

Седьмой месяц в данном случае выбран не случайно, поскольку ему отведено особое место среди всех месяцев в году, изначально он был омрачён связью с миром мёртвых ввиду праздника голодных духов. По народным китайским верованиям во время седьмого месяца по лунному календарю умершие родственники возвращаются к семье, чтобы увидеться с близкими, а голодные духи бродят по земле в поисках утешения. В это время открываются ворота в ад. Кшитигарбха путешествует в мир мёртвых и как никто другой связан с подземным царством, поэтому празднование его дня рождения в конце месяца кажется совершенно логичным.

Его день рождения также называют днём большой луны⁶ (юэ да; 月大). По легенде в этот день полная луна рождается на востоке и символизирует открытие глаз бодхисаттвы Кшитигарбхи, звёзды в этот день символизируют души умерших. На рассвете звёзды гаснут, Кшитигарбха вновь «закрывает глаза» до следующего года, поскольку праздник подходит к концу, и внимание людей переключается с мира мёртвых на мир живых, голодные духи накормлены и сопровождены в ад под свет лампад, расставленных повсеместно (De Groot 1884).

Считается, что у «Четырёх великих бодхисаттв» есть горы, которым они покровительствуют. Манчжуши покровительствует горе Утай в Шаньси (五台山), Авалокитешвара — горе Путо в Чжэцзяне (普陀山), Самантабхра — горе Эмэй в Сычуани (峨嵋山), а Кшитигарбха — горе Цзюхуа в Аньхое (九华山). Культ Кшитигарбхи наиболее всего распространён именно в этом районе, а день рождения бодхисаттвы празднуется здесь наиболее пышно.

Формирование священного статуса горы Цзюхуа, как и культ Кшитигарбхи на Цзюхуа – это сложный культурный феномен, включающий в себя экономические, политические и социальные аспекты и связанный с древними легендами про бодхисаттву. По легенде, в 719 году в горы Цзюхуа прибыл монах. Он был одним из принцев королевства Силла (57 до н.э. (легенд.)-935 гг.), находившегося на Корейском

⁵ Саньцзе – Школа трёх ступеней, основанная суйский монахом Синьсином (信行) в VI в. Учение школы отталкивалось от доктрины о «трех веках Закона», суть которой состоит в том, что после «ухода» Будды Шакьямуни из мира «Саха» его учение переживет три периода, различающихся характером и социально-политическим устройством.

⁶ 月大 — большой месяц (30-ти дневный месяц в сельскохозяйственном календаре).

полуострове. Его звали Ким Кёгак. Он изучал буддизм с детства. И когда в Силла начались кровавые междоусобицы за власть, он не выдержал жестокости и, переплыв море, приехал в Китай для изучения буддизма вместе со своей собакой, которая стала символом сыновней почтительности в Китае при Кшитигарбхе. Он обошёл большие китайские горы и выбрал горы Цзюхуа для своих практик. Прожив пятьдесят семь лет отшельником, он умер в возрасте девяносто девяти лет. После его смерти его тело не тлело ещё три года, и когда люди это заметили, они сделали вывод, что принц был воплощением бодхисаттвы Кшитигарбхи (Корнильева 2010, 41).

С началом проведения политики реформ и открытости лидерами Китая были предприняты меры, направленные на сохранение и развитие древних культурных традиций, горы Цзюхуа стали одним из главных объектов религиозного туризма в Китае. В период своего расцвета на горе Цзюхуа было более трёхсот храмов, сейчас здесь девяносто три открытых храма, в том числе девять национальных храмов, тридцать провинциальных храмов, более десяти тысяч статуй Будды, более двух тысяч культурных реликвий и более семисот монахов и монахинь. Горы Цзюхуа — известное место для современных паломников, люди приезжают сюда, чтобы посетить монастыри, принять участие в религиозных церемониях. Найти покой и умиротворение здесь может каждый желающий в любое время года за исключением дня рождения Кшитигарбхи, в это время жела-

ющие помолиться бодхисаттве съезжаются на Цзюхуа со всех китайских провинций, поднимаются на гору с молитвами и благовоениями. Интересна традиция поклонов бодхисаттве Кшитигарбхе. Женщины и мужчины используют небольшой табурет, на одной стороне которого зажжены благовоения. Поднимаясь к храму Хуачэн⁷ (化城寺), они опускаются на колени и, опираясь на табурет, читают молитвы в честь бодхисаттвы Кшитигарбхи. «Те, кто почитают Кшитигарбху десять лет, должны совершать поклон каждые десять шагов. Кто почитает пять лет — каждые пять шагов, почитающий Кшитигарбху три года должен кланяться столько, сколько считает нужным» (Описание китайских обычаев и нравов 1990, 230). Современные церемонии поклонения бодхисаттве Кшитигарбхе, подобно самому буддийскому божеству, наполнены безусловной любовью и состраданием, в том числе и по отношению к человеку. Однако во времена расцвета культа Кшитигарбхи ритуалы зачастую отличались жестокостью и кровопролитием. Один из таких примеров — зажигание «светильника из плоти» (*жоу шэнь дэн*; 肉身燈). Люди снимали с себя одежду, отрезали какую-то часть своего тела или часть кожи, подвешивали на маленький крючок и зажигали вместе с лампой для благовоений. Таким образом, люди приносили себя в жертву для искупления тяжёлых грехов (Там же).

Распространённым повсеместно ритуалом с древнейших времён было и остаётся возжигание благовоений. Это единственный ритуал, который является самостоятельным и не

⁷ Хуачэн — один из наиболее знаковых храмов гор Цзюхуа, считается местом практики будущего Кшитигарбхи.

требуется дополнительных церемониальных действий, как сжигание жертвенной пищи, денег, свечей или бумажных ритуальных предметов, которые, напротив, в обязательном порядке проводятся вместе с возжиганием благовоний. Вариаций возжигания благовоний множество, однако принципиально они не различаются во всех локальных традициях (Сторожук 2012). «Традиционно такие палочки должны изготавливаться из перетёртого в порошок сандалового или коричневого дерева, можжевельника и прочих растений, обладающих сильным природным запахом и применяемых в традиционной медицине как очистительные и лечебные средства» (Там же, 116). В современности ароматические палочки изготавливают из измельчённой щепы, искусственно насыщая их нужным запахом. Зачастую благовония на улицах расставляют дети, на утро следующего дня по дороге в школу они собирают расставленные вечером палочки и соревнуются друг с другом в количественном соотношении.

В качестве ритуального приношения также зажигают наземные свечи «ди дэн» (地燈) или «дицзан дэн» (地藏燈), смешивая опилки с маслом. Такие свечи, как и восковые, не являются самостоятельным жертвоприношением, поэтому зажигаются вместе с воскурением благовоний рядом с курительницами или непосредственно в молельном зале. Большое количество подобных записей сохранено в местных хрониках династии Цин. Например, на 24-м году правления Даогуана (1782-1850 гг.; 道光) династии Цин в «Хрониках уезда Пинху» (Пинху сяньчжи; 平湖县志) говорилось: «Тридцатое число [седьмого месяца] — это день рождения

Кшитигарбхи. Каждая семья устанавливает благовония на открытом воздухе или смешивает опилки с маслом и сжигает их вдоль дороги, что называется «зажиганием наземной лампы». «В последний день лунного месяца в большую луну Кшитигарбха открывает глаза, по всем улицам ставят лампы, зажигают благовония» (Пэн Жуньчжан 1975, 442).

Наряду с ароматическими свечами зажигаются специальные лампы, в храмах от них зажигаются благовония, после чего произносятся молитвы и совершаются предписанные ритуалом поклоны. Также в день рождения Кшитигарбхи зажигаются специальные пагоды «вата» (瓦塔), в южных районах Китая этот ритуал зачастую совершается детьми. Так, например, в Чжэцзяне дети собирают по окрестностям камни и черепицу, складывают их в форме круглой башни/ступы с большим количеством пустот или отверстий. Далее в полнолуние при яркой луне они кладут дрова внутрь и поджигают, после добавляют туда масло, чтобы пламя горело ещё ярче, символично освещая дорогу мёртвым. В прибрежных районах также есть свои особенности. Масло наливают в ракушки моллюсков, затем поджигают, а день рождения Кшитигарбхи превращается в настоящий детский огненный фестиваль (Чжуан Минсин 1999).

В ряде источников день рождения Кшитигарбхи соотносится с праздником голодных духов, который отмечается пятнадцатого числа седьмого месяца. Причина заключается в том, что сам по себе праздник Чжунъюань не является «ни началом, ни концом многочисленных ритуальных действий в отношении

поминовения умерших, длящихся на протяжении всей седьмой луны» (Сторожук 2012, 276). Как было сказано выше, Кшитигарбха, по буддийским представлениям, является владыкой подземного царства, поэтому простой народ обращается к нему, как и к даосским Тай-и⁸ (太乙) или Ди-гуаню⁹ (地管), с молитвами о спасении душ умерших родственников. В «Хрониках округа Цзиньшань» (Цзиньшань сяньчжи; 金山县志) сказано: «Тридцатого числа [седьмого месяца] Кшитигарбха открывает глаза, все монахи празднуют фестиваль голодных духов». «В день рождения Кшитигарбхи, тридцатого числа седьмой луны монахи празднуют фестиваль голодных духов, голодные духи неприкаянно бродят по миру живых, людям следует приносить им жертвы и жечь благовония» (Хроники округа Цзиньшань 1974, 704). В некоторых деревнях крестьяне в этот день скашивают придорожную траву, чтобы обезопасить мёртвых, идущих вдоль дороги. Считается, что мёртвые могут запутаться в высокой траве и стать голодными духами в мире живых.

Один из северных вариантов праздничного церемониала заключается в складывании бумажных корабликов для провожания душ умерших в лучшее перерождение. Как записано в «Дицзин суйши цзишэн» (帝京岁时记胜) «в тридцатый день седьмого месяца в день рождения Кшитигарбхи в храмах люди молятся и декламируют сутры, также клеят бумажные кораблики, по обочинам расставляют благовония и свечи в лотосовых подсвечниках, везде очень светло и приятно пахнет» (Ма Шутянь

2007, 91). В кораблик могли положить деньги, рис и другие ритуальные предметы, надеясь проводить души умерших и получить лучшее перерождение для себя в будущем. Лотосовые светильники предназначены для освещения дороги умершим. «Существовало поверье, что неуспокоенные души мёртвых, витающие над водой, могут схватить такой фонарик, и тогда им будет даровано перерождение в мире людей» (Сторожук 2012, 278). Подобные обрядности позаимствованы из новогоднего фестиваля и схожи с праздником фонарей, отмечаемого в пятнадцатый день первого месяца по лунному календарю. Отличительная черта праздника — наличие собираемой пагоды и её роль в этой процессии.

Помимо описанных обрядов и церемоний, в день рождения Кшитигарбхи у женщин есть особый ритуал «цзо е» (坐夜) или «цзо путуань» (坐蒲團). В день рождения Кшитигарбхи женщины собираются вместе ночью, возжигают благовония, а самая старшая берёт на себя инициативу пойти в храм и провести ночь без сна в ожидании рассвета. «В день рождения Кшитигарбхи много людей собирается в храме на горе Цзюхуа для возжигания курительных свечей, среди них есть те, кто проводит ночь без сна до рассвета, они «цзо путуань» (Чжуан Минсин 1999, 274) (Подобный ритуал свойственен не только празднику в честь дня рождения Кшитигарбхи, своё начало он берёт в церемониях празднования нового года (шоу суй; 守歲). В новый год люди проводят ночь без сна для того, чтобы обезопасить себя, свой дом и еду от

⁸ Опрос Тай-и – вызволитель из преисподней в даосской традиции.

⁹ Ди-гуань – земной правитель среди трёх правителей трёх сфер и миров по даосским представлениям.

нападения чудовища Няня (*Няньшоу*; 年獸)¹⁰ (Ли Лулу 2004). Женщины молятся, сидя на матрасе, поскольку в одной из легенд о Кшитигарбхе было сказано, что бодхисаттва может передвигаться на ватном матрасе (De Groot 1884).

Не менее интересный ритуал, характерный исключительно для дня рождения Кшитигарбхи, проводят женщины в Сюйчжоу, собирая к празднику бумажную красную юбку. В ночь праздника они снимают с себя саронг — красную юбку — считается, что этот обряд поможет избежать наказаний за роды, избавить от дурной кармы, сформированной во время родов (Хроники округа Сюйчжоу 1979). «Во время родов женщина проливает кровь и тем самым оскверняет земное божество. В процессе она пачкает кровью одежду, а потом идёт её стирать в реке, грязь распространяется в безграничной воде. Непреднамеренно мужчины и женщины с хорошей кармой будут брать эту воду и делать чай, будут совершать жертвоприношения, используя эту воду, это приведёт к тому, что хорошие люди создадут для себя грязную карму, совершат дурные намерения. Так женщина в процессе родов оскверняет божество земли» (Там же, 183). После смерти те, кто не смоют с себя грязь, будут кипеть и тонуть в чане с кровью.

Ещё одна церемония связана с традицией называть день рождения Кшитигарбхи днём большой луны, днём, когда он открыл глаза (*Дикай янь*; 地開眼). Так женщины в Чжэцзяне согласны «Хроникам уезда Юйяо»: «Во дворах воз-

жигают благовония, женщины омывают глаза водой и вытирают их только что собранным хлопчатником, дети же играют с водой и втыкают благовония в землю повсеместно» (Чжоу Бинлинь 2001, 263). В данном случае протираание глаз водой — это надежда на то, что люди всегда будут ясно видеть, как Кшитигарбха в день большой луны. Существует и обратная связь, дни маленькой луны¹¹ (*юэ сяо*; 月小) запрещено подметать золу курительных свечей, так как считается, что глаза Кшитигарбхи в эти дни закрыты, и можно подобно ему потерять зрение.

Таким образом, можно сделать вывод, что буддийские праздники являются важной частью современного китайского общества, а традиции — неотъемлемой частью праздничного церемониала. Праздник «День рождения бодхисаттвы Кшитигарбхи» — один из основных традиционных буддийских праздников, который стал популярен во времена династии Мин, сохранился в современном Китае (особенно на Юге), с присущими для него ритуальными действиями, и распространился за пределы китайского государства. Становление праздничной традиции является результатом взаимодействия трёх учений: буддизма, даосизма, конфуцианства, — и народной религии, и непосредственно связано с происходящими в стране историческими и социально-культурными трансформациями, частью которых является распространение культа бодхисаттвы Кшитигарбхи, как одного из «Четырёх великих бодхисаттв»

¹⁰ Няньшоу — чудовище, которое по легендам приходило в новогоднюю ночь и ело детей.

¹¹ 月小 — маленький месяц (29-ти дневный месяц в сельскохозяйственном календаре).

и «вызволителя из подземного царства». Поэто-
му «День рождения бодхисаттвы Кшитигарбхи»
лишь номинально соотносится с буддийским
учением, и должен восприниматься, как куль-
турный феномен, объединяющий в себе куль-
турологические аспекты разных уровней.

Список литературы

1. Верченко А.Л. О сохранении традицион-
ных праздников в Китае в начале XXI века.
Общество и государство в Китае. 2016;
Т.46 (1). С. 484-493.
2. Корнильева Т.И. Буддийские праздники
в Китае. *Вестник Санкт-Петербургского
университета. Востоковедение и африка-
нистика*. 2010; № 2. С. 41-60.
3. Ма Шутянь. (马书田) *Буддийские божества
в Китае*. (中国佛教诸神) Пекин: Туаньцзе
чубаньшэ. 1995. (на кит. яз).
4. Арташкина Т.А. Традиционная культура
в повседневной жизни современных ки-
тайцев. Т.А. Арташкина, Цзя Хуэйминь.
*Профессиональное образование в современ-
ном мире*. 2018; Т.8 (1). С. 1598-1609.
5. *Сутра основных обетов бодхисаттвы
Кшитигарбхи*. Пер. и комм.: Д.В. Поповцев.
СПб.: Евразия, 2002.
6. М.В. де Фиссер. *Бодхисаттва Ди-Цзан
в Китае и Японии*. Пер.: А.Г. Фесюн. М.: Се-
ребряные нити; 2016.
7. Сторожук А.Г. *Духи и божества китайской
преисподней*. А.Г. Сторожук, Т.И. Корнилье-
ва, Е.А. Завидовская. СПб.: Каро, 2012.
8. Филонов С.В. Бодхисаттва Кшитигарбха
в культурном пространстве традицион-
ного китайского храма: на примере храма
Дицзангань в Синьчжуане. *II Международ-
ный форум «Один пояс – один путь: образо-
вание, наука, культура»*. 2019; С. 76-81.
9. J. J. M. De Groot. *Buddhist Masses for the Dead
at Amoy*. Leyden: E.J. Brill. 1884.
10. *Описание китайских обычаев и нравов*. (中
華全國風俗志). Ред. Ху По. (胡朴). Шиц-
зячжуан: Хэбэй жэньминь чубаньшэ. 1990.
(на кит.яз).
11. Пэн Жуньчжан. (澎濶章). *Хроники уезда
Пинху*. (平湖县志). Ханчжоу: Чэнвэнь чу-
баньшэ. 1975. (на кит. яз).
12. Чжуан Минсин. (莊明興). *Исследование
культы бодхисаттвы Кшитигарбхи в сред-
невековом Китае*. (中国中古的地藏信仰).
Тайбэй: Тайвань дасюэ чубаньшэ. 1999.
(на кит. яз).
13. *Хроники округа Цзиньшань*. (金山县志).
Ред.: Хуан Хоубэнь, Гун Баоци. (黃厚本, 龔
寶琦). Тайбэй: Чэнвэнь чубаньшэ. 1974. (на
кит. яз).
14. Ли Лулу. (李露露) *Китайские праздники*.
(中國節) Фуцзянь. 2004. (на кит. яз).
15. *Хроники округа Сюйчжоу*. (苏州府志). Ред.:
Фэн Гуйфэнь. (馮桂芬). Цзянсу: Цзянсу чу-
баньшэ. 1979. (на кит. яз).
16. Чжоу Бинлинь. (周炳麟). *Хроники уезда
Юйяо*. (余姚县志). Пекин: Фанчжи чубань-
шэ. 2001. (на кит. яз).

17. Ма Шутянь. (馬書田) *Простонародные бо- жества в Кумае*. (中國俗神). Пекин. 2007. (на кит. яз).

References

1. Verchenko A.L. On the preservation of tradi- tional holidays in China at the beginning of the XXI century. *Society and the state in China*. 2016; Vol.46 (1). pp. 484-493. (In Russ).
2. Kornileva T.I. Buddhist holidays in China. *Bul- letin of St. Petersburg University. Oriental and African studies*. 2010; No. 2. pp. 41-60. (In Russ).
3. Ma SHutyan'. *Buddhist deities in China*. Pekin: Tuan'cze chuban'she. 1995. (In Chinese).
4. Artashkina T.A. Traditional culture in the dai- ly life of modern Chinese. *T.A. Artashkina, Jiang Huimin. Professional education in the modern world*. 2018; Vol.8 (1). pp. 1598- 1609. (In Russ).
5. *Sutra of the main vows of the Ksitigarbha Bo- dhisattva*. Trans. and comm.: D.V. Popovtsev. St. Petersburg: Eurasia, 2002. (In Russ).
6. M.V. de Visser. *Bodhisattva Di-Tsang in China and Japan*. Per.: A.G. Fesyun. M.: Silver threads; 2016. (In Russ).
7. Storozhuk A.G. *Spirits and Deities of the Chi- nese Underworld*. A.G. Storozhuk, T.I. Kornil- yeva, E.A. Zavidovskaya. St. Petersburg: Karo, 2012. (In Russ).
8. Filonov S.V. Ksitigarbha Bodhisattva in the cultural space of a Traditional Chinese Tem- ple: on the example of the Dizang'an Temple in Xinzhuang. *II International Forum "One Belt – One Road: education, science, culture"*. 2019; pp. 76-81. (In Russ).
9. J. J. M. De Groot. *Buddhist Masses for the Dead at Amoy*. Leyden: E.J. Brill. 1884.
10. *Description of Chinese customs*. Hu Po. SHiczyachzhuan: Hebej zhen'min' chuban'she. 1990. (In Chinese).
11. Pen ZHun'chzhan. *Chronicles of Pinghu Coun- ty*. Hanchzhou: CHenven' chuban'she. 1975. (In Chinese).
12. CHzhuan Minsin. *A Study of the Ksitigarbha Bodhisattva Cult in Medieval China*. Tajbej: Tajvan' dasyue chuban'she. 1999. (In Chi- nese).
13. *Chronicles of Jinshan County*. Huan Houben', Gun Baoci.Tajbej: CHenven' chuban'she. 1974. (In Chinese).
14. Li Lulu. *Chinese holidays*. Fuczyan'. 2004. (In Chinese).
15. *Chronicles of Xuzhou County*. Fen Gujfen'. Czyansu: Czyansu chuban'she. 1979. (In Chi- nese).
16. CHzhou Binlin'. *Chronicles of Yuyao County*. Pekin: Fanchzhi chuban'she. 2001. (In Chi- nese).

Сведения об авторах

Сторожук Александр Георгиевич

док. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный
университет

Кафедра китайской филологии

a.storozhuk@spbu.ru

Смирнова Анастасия Алексеевна

Восточный факультет СПбГУ

yaanastasia.sm@gmail.com

Information about the Authors

Alexander G. Storozhuk

Doctor of Philology

St. Petersburg State University, Department
of Chinese Philology

a.storozhuk@spbu.ru

Anastasia A. Smirnova

Faculty of Asian and African Studies

St. Petersburg State University

yaanastasia.sm@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

Symbols in the Chinese farewell ritual

Символика в китайском прощальном ритуале

Исаева Людмила Ивановна

Институт Китая и современной Азии

Российской академии наук

miladina@rambler.ru

Lyudmila I. Isaeva

Institute of China and Contemporary Asia of the

Russian Academy of Sciences

miladina@rambler.ru

УДК 314.7 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2023-198-226](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-198-226)

АННОТАЦИЯ

Похороны — важная составная часть культуры, и особенности этого ритуала интересны и познавательны не только сами по себе, но и в связи с символикой, которую используют китайцы в ритуалах прощания и которой украшают предметы, имеющие отношение к печальному событию.

Данная тема относительно подробно рассматривается в китайской научной и культурологической литературе, а также в ряде сетевых изданий и публикаций на китайском языке. В российских исследованиях данная тема до сих пор не затрагивалась.

Автор ставил перед собой задачу показать результаты собственных полевых исследований в городах и деревнях северо-восточного, центрального, юго-восточного и других регионов современного Китая, а также выявить особенности ритуала прощания

ABSTRACT

Funeral is an important component of culture, and the key details of this ritual are interesting and informative not only in themselves, but also in connection with the symbols that the Chinese people use in farewell rituals and which they use to adorn objects related to such a sad event.

This topic has been thoroughly studied in Chinese scientific and cultural literature, as well as in a number of online publications, however, this is the first study in Russian that deals with farewell rituals.

The purpose of the analysis is to show the results of the author's own field research in the cities and villages of the northeastern, central, southeastern and other regions of modern China, as well as to identify the features of the farewell ritual demonstrating the nature and significance of the traditional symbolism used in this area.

с ушедшим человеком и показать характер и значимость традиционной символики, используемой в данной сфере.

Несмотря на то, что тема ухода человека из жизни является чрезвычайно печальной, китайцы сумели вложить в название всех предметов, связанных с этим событием, жизнеутверждающий смысл, чтобы избежать травмирующих ассоциаций и сохранить эмоциональный баланс. В этом проявляются этнические особенности психологии китайцев, их ценностные воззрения, эстетическое сознание, а также религиозные верования.

Ключевые слова: похоронные ритуалы, одежда «долголетия» шоу-и, ритуальные деньги, символика в прощальном ритуале, Инь и Ян в одежде человека.

Для цитирования: Исаева Л.И. Символика в китайском прощальном ритуале. *Современные востоковедческие исследования*. Том 5 (4). С. 198-226 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-198-226>

Введение

Китай с давних времен славится как страна церемоний, край вежливости и этикета. Причем, церемониал касается не только отношений между людьми, но и пронизывает все сферы жизни и деятельности китайцев. Многим традициям и обычаям — более тысячи лет, и за много столетий они превратились в уникальную систему неписаных правил. К таким древним церемониалам относится и культура прощания с ушедшим человеком.

Despite the fact that the topic of a person's death is extremely sad, the Chinese managed to put a life-affirming meaning into the name of all objects associated with this event in order to avoid traumatic associations and maintain emotional balance. This manifests the ethnic characteristics of the psychology of the Chinese, their values, aesthetic consciousness, as well as religious beliefs.

Keywords: funeral rituals, shou-yi 'longevity' clothes, ritual money, symbols in the farewell ritual, Yin and Yang in human clothes.

For citation: Isaeva L.I. Symbols in the Chinese farewell ritual. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№4). P. 198-226 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-198-226>

Этикет и церемониал, в свою очередь, базируются на уникальной системе символики. Ею пронизана буквально вся жизнь китайцев; с глубокой древности и по сей день едва ли не каждый предмет, многие явления природы имеют символическое значение, не говоря уже о животных, цветах, камнях, цифрах. Так что совершенно необходимо понимать значение этих предметов в качестве символов и тем специалистам, которые занимаются изучением

культуры Китая, и всем, кто интересуется ею. К сожалению, по-настоящему понять всю прелесть такой символики смогут лишь люди, владеющие китайским языком, иероглификой. Сам же китайцы считают, что символические изображения на предметах, используемых в быту, радуют сердце и глаз.

Поскольку символика сопровождает китайцев в течение всей жизни, неудивительно, что и после кончины человека все атрибуты для покойного украшены символическими намеками.

Результаты

Рождение, старость, болезни, смерть — естественный процесс; даже великие императоры, такие как Цинь ши-хуан, Хань У-ди, Тан тай-цзун и прочие, имея неограниченную власть и деньги, не способны были изменить свою судьбу. Эти императоры мучительно и упорно искали эликсир или пилюли бессмертия, но не смогли воспротивиться воле Неба.

Именно потому, что смерть неизбежна, она превратилась в Китае в «великое событие», а ритуалу похорон в течение пяти тысяч лет придают важное значение. «Предать тело земле, чтобы оно обрело вечный покой» (入土为安) — всегда считалось одним из главных ритуалов.

Еще древний полководец, государственный деятель и поэт Вэнь Тянь-сян (文天祥), ро-

дившийся в 1236 г. и проживший всего 46 лет, писал: «С глубокой древности все люди смертны, но я смогу остаться на черном бамбуке с испариной, как верный, преданный человек» (人生自古谁无死, 留取丹心照汗青)¹.

Говоря о похоронных традициях, китайцы, прежде всего, имеют в виду проводы родителей, поэтому вся символика связана с этим явлением. Как считают китайские врачи, самое опасное время для стариков — это триада: зима, утро и время после еды. Утром, с 6 часов до 11, — самое опасное время, когда может случиться непредвиденное, даже смерть. Эти часы называют «временем дьявола». Поэтому китайцы с древности говорят: «Стариков после 70 лет нельзя оставлять в гостях с ночевкой, после 80 лет нельзя оставлять отобедать, а после 90 лет нельзя настаивать, чтобы они еще посидели в гостях» (七十不留宿, 八十不留饭, 九十不留坐). Потому что «падающий лист должен возвращается к корням», т.е. пожилой человек должен оставаться дома, и путешествия для него нежелательны.

Мы знаем о деликатности китайцев, которые и само явление смерти любят называть поэтично, избегая прямолинейности: «ушел» (走了), «исчез» (没了), «покинул нас» (离开我们了), «ушел из этого мира» (去世), «удалился от этого мира» (逝世), «покинул этот мир» (离世), об императоре — «отправиться в великое путешествие» (大行), об императоре

¹ В древности бамбуковые планки прокалывали на огне, чтобы выпарить воду, после этого на них было легко вырезать иероглифы. Бамбуковые дощечки чернели, и впоследствии словосочетание «черный бамбук с испариной» стали использовать в значении «историческая книга» или «дописанное, завершённое произведение» (汗青).

или князе — «обрушился» (崩), о князьях и крупных чиновниках — «почил» (薨), «разжал руки и покинул круг людей», «вознесся к небожителям», «яшма разбилась», «отправился по вызову в Яшмовый терем», «вытянул короткую бирку» и еще — несколько десятков других вариантов.

При организации похорон существует масса табуированных слов и действий, а также немало строгих правил. Нельзя произносить ранящие душу, «несчастливые» слова типа «смерть», «покойник», поэтому и облачение называют «одеждой долголетия».

Историю культуры похорон в Китае можно проследить с ее зарождения, с 2000 года до н.э. В то время было принято помещать тело в глиняный гроб, и так продолжалось вплоть до начала династии Хань. С воцарением Хань начали сооружать подземные помещения для захоронения останков, и такая традиция сохранилась в Китае надолго.

Извещение о кончине

Церемониалу похорон родственников в Китае всегда уделяли особое внимание. Следуя традициям, извещают родственников, выбирают гроб и «одежду долголетия», выполняют все необходимые обряды.

До предания земле следует провести обряд «призывания души» (招魂, 复鬼), т.е. попытаться в последний раз реанимировать человека, согласно «Записям о правилах погребения» (葬律). В противном случае душа может превратиться в какого-нибудь оборотня или беса, способного навредить людям, — так счи-

тали китайцы в древности. Призывая душу вернуться в тело, лицом поворачиваются к северу и окликают три раза мужчину — по имени (名), женщину — по второму имени (字). Лишь когда удастся «вернуть душу» усопшего в тело, можно облегченно вздохнуть.

Убедившись же, что душа не вернулась, ей стараются помочь найти свой дальнейший путь. Во многих областях Китая считается, что дорогу в мир мертвых способен указать петух, поэтому, едва человек перестал дышать, как родственники убивают петуха, которого так и называют: «петух, прокладывающий дорогу» (开路鸡). Как будет показано далее, петуха вышивают и на подушечках для ног и головы усопшего.

Соблюдение всех правил обряда погребения считается очень важным. В произведении Конфуция «Лунь юй» есть такая фраза: «Тщательно выполняй обряд похорон родителей, выполняй все необходимые действия до конца, и увеличится добродетель народа». То есть делается акцент на том, что похороны родителей должны пройти в полном соответствии с ритуалом. С течением времени обряд передавался из поколения в поколение, и, хотя он местами упрощался и видоизменялся, основные правила оставались неизменными.

Первая из обрядовых церемоний — оповещение друзей и родных. В ней существует много интересных особенностей, но мы упомянем лишь о тех моментах, которые имеют отношение к символике.

Например, интересна роль дождевого зонта. Этот предмет китайцы издавна ценят, ибо он помогает избежать неприятностей: им можно укрыться от дождя, снега или палящего

солнца, а то и использовать как оружие в случае нападения. Путешественники в Китае любили вешать на зонт свои пожитки и удобно нести на плече.

Если вернуться к нашей теме, то на юге Китая отправляться к родственникам с печальной вестью непременно следует с закрытым зонтом. Вестник о смерти при этом должен облачиться, независимо от сезона, в соломенные сандалии и повязать талию белым поясом; и то, и другое символизируют горе.

При этом прохожие уступают дорогу, а знакомые не обижаются, что вестник идет, опустив голову, и даже не здоровается. К человеку с нераскрытым зонтом относятся так, как в нынешней жизни — к «скорой помощи», т.е. все уступают дорогу. Даже если пойдет дождь, возвещающий о кончине не имеет права раскрывать зонт. Он должен надеть конусообразную шляпу или надеть дождевик.

Когда на стук откроют дверь, входить в дом нельзя. Надо оставаться снаружи, поставив сложенный зонт рукояткой на землю, а верхом — к небу, как будто душа покойника спряталась в зонте. В других районах, наоборот, сложенный зонт втыкают верхушкой в землю, а ручка обращена к небу. В любом случае такой обычай называется «зонт, возвещающий о смерти», *бао сан сань* (报丧伞), либо «перевернутый зонт под мышкой, возвещающий о смерти», *дао-се бао сы сань* (倒挟报死伞). Обе фразы — «обхватить зонт» (抱伞) и «извещать о смерти» (报丧) звучат немного похоже: *bào-sāng* и *bào-sǎn*.

Возвещающий о кончине должен быть очень аккуратным, подбирая слова, ибо в этой ситуации существует немало запретов. Например, в свое время о смерти императора говорили: «большая колесница перевернулась», *цзя-бэн* (驾崩). О смерти близкого тоже следует оповещать деликатно. Если человек был уже в преклонных летах, то надо произнести: «такой-то дядюшка состарился», или «такая-то тетюшка покинула мир». Если речь идет об относительно молодом усопшем, то следует сказать, что «такой-то ушел», или «такого-то уже нет».

Увидев зонт, хозяева все поймут и тут же предложат сладкий чай или опустят в пиалу с водой яйцо (яйцо символизирует жизнь) и пригласят гонца в дом, чтобы угостить, ведь, согласно китайской пословице, «когда сообщают о рождении ребенка, нельзя не поднести подарки; когда сообщают о смерти, нельзя отпускать, не накормив» (报生不空手, 报死无空口). Если в доме нет ни чая, ни сахара, ни яиц, надо протянуть хотя бы пиалу воды. Такой обычай появился, как символ сочувствия и заботы, ведь человек от горя, возможно, не смог поесть дома, да и вернувшись, займется похоронами, не думая о еде.

После скромного угощения и ухода гонца блюдце и пиалу, из которых он ел, следует разбить и выбросить, что символизирует избавление от духа смерти.

Зонт, изобретенный в Китае более двух тысяч лет назад (он был известен уже в эпохи Ся, Шан и Чжоу), символизирует самую надежную защиту от бед и несчастий. Слово «зонт», *сань*, является омофоном слова «рассеяться»,

«разогнать», «разойтись», и китайцы надеются в душе, что с помощью зонта можно отпугнуть, разогнать злых духов. Именно поэтому данному предмету приписывают магические свойства.

Во время похорон, считают жители провинции Гуйчжоу, демоны и оборотни особенно бесчинствуют и предаются разгулу, поэтому все, кто пришел почтить память усопшего, раскрывают над собой зонты. Если взглянуть сверху, то многочисленные зонты, соединившись между собой, напоминают листья лотосов, покрывающие пруд; где уж тут оборотням добратся до людей...

Забегим немного вперед, чтобы показать и иную роль зонта. Сейчас в Китае чаще хоронят путем кремации. Доставляя прах на кладбище, родственники открывают черный зонт над шкатулкой с прахом, чтобы закрыть ее от солнечного света. Душа усопшего относится к миру Инь, а солнце символизирует Ян. Инь не должно встречаться с Ян, в противном случае душа Инь погибнет.

На севере Китая, в провинции Хэйлуцзян, о смерти родственника извещают окружающих при помощи белых полосок бумаги, которые вывешивают с наружной стороны двери: если умерла женщина — справа, если мужчина — слева, а количество полосок говорит о количестве прожитых лет. К ним добавляют еще две полоски белой бумаги, с указанием Земной ветви и Небесного ствола, т.е. циклических знаков, соответствующих году рождения усопшего.

Если требуется известить далеко живущих родственников, то им отправляют письма.

При этом отверстие конверта, прежде чем заклеить, слегка обжигают, и это называется «подгорелое сообщение» (焦口信), либо вообще не заклеивают конверт, и это называется «незапечатанное сообщение» (开口信). Такой вид конверта для всех китайцев совершенно очевидно свидетельствует о печальном его содержании, а потому работники почты будут стараться как можно быстрее и деликатнее вручить его.

Гроб

У европейцев изображение гроба ассоциируется со страхом и горем. Но в культуре китайцев явление омофонии, когда слова звучат одинаково, но пишутся по-разному и имеют разное значение, чрезвычайно распространено, поэтому важен не сам предмет, а тот смысл, который в нем «зашифрован». Поэтому на рынках в Китае можно встретить сувенирные миниатюрные гробики, абсолютно копирующие настоящие только потому, что слово «гроб», *гуань-цай* (棺材) намекает на пожелание повышения по службе и обретения богатства, *шэн-гуань, фа-цай* (升官发财).

Гробы для похорон в Китае издавна можно было встретить пяти цветов, которые намекали на разное «содержание»: черные, красные, желтые, белые и золотые, т.е. опять сталкиваемся со своеобразной символикой.

В черных гробах изначально было принято хоронить самоубийц, безвременно ушедших и погибших воинов. Позже, как и в Европе, стали полагать, что черный цвет наиболее соответствует горю и печали. Однако в последние

годы в Китае крайне редко заказывают такой предмет черного цвета.

Красный цвет в Китае — любимый, он является предвестием счастья, радостных событий, например, свадьбы, Нового года; на красном фоне пишут новогодние парные надписи. Но иногда и похороны могут быть «красными». Законов природы не избежать, и естественная кончина в старости (от 80 до 100 лет), без болезней и страданий, считается одним из «пяти видов счастья» (五福).

Предполагается, что, хотя похороны и — печальное событие, дети и внуки усопшего не должны страдать, ведь человек прожил долгую жизнь, полностью прошел свой путь, исчерпав

Рис. 1. Красный гроб с фениксом и иероглифом долголетие

Желтый цвет гроба — это натуральный цвет древесины, а потому считается, что в таких хоронят горемычных *лаобайсинов*, у которых нет денег для покрытия гроба лаком. Кроме того, существует поверье, что если в доме, помимо ушедшего в мир иной родственника, проживает еще более старый человек, то жел-

отпущенные жизненные силы. Поэтому у китайцев принято хоронить мирно почивших родителей в красном гробу. Такие похороны называют «радостными» (喜丧), и такого усопшего непременно следует облачить в семь комплектов одежды, выражая особое уважение и любовь.

Белую повязку, как символ траура, приглашенные надевают на левую руку, если хоронят мужчину, и на правую, если — женщину. Присутствие красной нити на траурной повязке означает, что происходят «радостные похороны».

Рис. 2. Красный гроб с фениксом

тый цвет гроба сможет предохранить от несчастий и продлить годы еще живущего в семье старика.

Белый в Китае — цвет траура и скорби, однако хоронят в белых гробах крайне редко,

т.к., согласно традиционной культуре этой страны, такой вариант больше подходит для похорон девушки, не успевшей выйти замуж, или неженатого юноши.

Что касается золотого цвета, то когда-то давно внешнюю поверхность гроба покрывали золотым порошком при похоронах членов императорской семьи, и лишь намного позже такую роскошь могли позволить себе и богатые сановники, и князья, и генералы.

Изготовление гроба можно поручать лишь опытному специалисту, который хорошо знаком с символикой узоров и орнамента, которыми этот ритуальный предмет украшают. В соответствии с самобытной китайской культурой и гробы отличаются яркой индивидуальностью. Покрытие лаком и рисунок резьбы зависят от положения в обществе усопшего и его личности, поэтому изображенная символика и скрытый смысл орнамента неповторимы.

Рис. 3. Натуральный гроб с иероглифом Долголетие и Фениксом

Рис. 4. Натуральное дерево с драконом и фениксом

Рис. 5. Журавль, лотосы и Восемь бессмертных

Форма гроба в Китае очень своеобразна и неизменна с давних времен — самые древние образцы обнаружены при раскопках периода ранняя Цинь, а те, в свою очередь, переняли образцы династии Чжоу. Форму гроба

Рис. 6. Лотосы и иероглиф Счастье

и похоронные обычаи династии Цинь приняли и правители, и население периода Хань, а далее, от династии к династии, все особенности прощания с усопшим сохранялись и дошли до наших дней.

Мы обнаруживаем немало символов, сопровождающих выбор древесины для последнего пристанища человека. В народе считают, что гроб нельзя изготавливать из ивовой древесины (柳木), потому что ива не дает семян, а это может привести к отсутствию детей и внуков у потомков ушедшего.

Зато приветствуются такие изделия из сосны и кипариса (松柏), т.к. символизируют долголетие и стойкость; из кипариса, смешанного с кедром (杉木), ибо они тоже намекают на стойкость и долгий век. Считается, что гроб, изготовленный только из кипариса, может притягивать гром и молнию. У народ-

Рис. 7. Лотосы и феникс среди благовещих облаков

ности бу-и (布依) принято выполнять гробы из катальпы (梓木), кедра или туны реснитчатой (红椿), в то время как сосна и можжевельник (刺包) у них под строгим запретом, потому что сосна, если ее срубить, больше не даст побегов, т.е., опять же, прервется род у потомков. Можжевельниковое дерево страшно тем, что потомки могут заболеть проказой, потому что наросты на можжевельнике напоминают поражения кожи при таком заболевании.

Гроб в Китае издавна было принято покрывать ярко-красным лаком и украшать золотом. На головной части пишут золотом иероглифы «счастье» (мужчинам) и «долголетие» (женщинам); кроме того, его декорируют изображением летучих мышей (символическое значение — счастье) и другим орнаментом. На нижней части рисуют ароматические свечи и благовония с подставками. Нередко изображают пару детей — мальчика и девочку, протягивающих хоругвь, указывающую путь в буддийский Западный рай. На крышке могут написать имя усопшего.

Чтобы последнее ложе человека выглядело привлекательнее, его иногда декорируют классическими темами: разноцветными птицами и цветами, человеческими фигурками, т.е. используются все те же благопожелательные узоры, иероглифы и рисунки, несущие символический смысл, что и на обычных бытовых предметах.

Когда наступает время заколачивать гроб гвоздями, следует соблюсти важное правило — один гвоздь лишь слегка забить в крышку, а образовавшуюся щель замазать клеем, сваренным из костей. Когда столяр берет последний гвоздь и слегка постукивает по нему, сын покойного должен попросить: «Оставь последний!» (留后), потому что эти слова можно понять и по-другому: «Оставить после себя потомство».

В гроб непременно кладут доску с семью отверстиями, которые намекают на семь звезд Северного Ковша созвездия Большой Медведицы. Такой обычай, возникший в период правления династий Суй и Тан, существует до сих пор. Доска называется *ци-син бань* (七星板) и напоминает об эпизоде, когда герой Троецарствия Чжугэ Лян искал бессмертия с помощью фонаря с семью звездами (用七星灯求寿).

Поверх доски стелют желтую шелковую простыню, и это называется «подстелить золото» (铺金). На этой простыне вышивают Восьмерых бессмертных и др. темы, которые намекают на обретение бессмертия. Иногда эти семь звезд вырезают на внутренней стороне крышки гроба.

Рис. 8. Сувенирные гробы

В иных районах и правила другие (一处一风俗). Дно гроба посыпают золой, а затем из семи монет выкладывают схему Северного Ковша. Далее, поскольку созвездие на дне символизирует небо, это «небо» следует накрыть одеялом, чтобы «солнечные лучи» (Ян) не попали на тело (Инь). Такой обряд называется «закрыть небо».

На юге жители любят яркие краски. Матрас изготавливают из ярко-желтой ткани, а одеяло — из белой, и эти цвета символизируют золото и серебро. Иногда одеяло выполняют из ярко-красной ткани с широкой белой оторочкой, чтобы присутствовало «серебро». В таком случае красный цвет — пожелание от покойного будущим поколениям яркого процветания (红红火火).

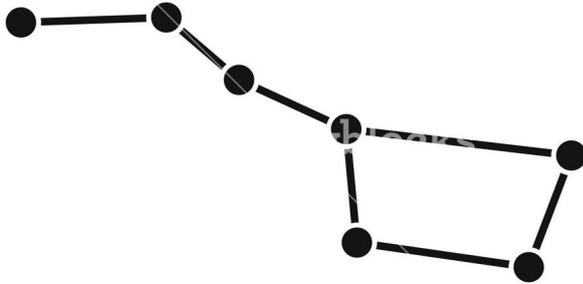

Рис. 9. Схема Северного Ковша

В левую руку покойного вкладывают печенье «для битья собак» (打狗饼); пекут его из кукурузной муки с мелкими шипами-колючками сверху. Некоторые мастерицы добавляют еще и мелкие обрезки волос; многочисленные колючки призваны поранить язык собак, а волосы должны забить глотки злых животных. В правую руку вкладывают плеточку для битья (打狗棒); она состоит из веточки желтодревесника и привязанной к ней плетеной пеньковой веревочки. Ее второй конец привязывают к руке, чтобы во время битья плеточка не выпала. Эти необычные предметы символизируют благополучный переход души в Западное небо.

Китайцы полагают, что у человека три души, и после смерти одна из них остается охранять тело, вторая устремляется в Западные небеса, а третья переходит в следующее воплощение. Вторая на пути к буддийскому

раю может встретить злых собак, и плеточка в руках покойного понадобится для их отпугивания, а печенье — чтобы отвлечь собак и благополучно достичь цели.

Еще одно интересное уточнение: количество тонких печений должно приравниваться к количеству лет усопшего, ибо, считается, что сколько лет прожил человек, столько собак будет за ним гнаться.

Конечно же, согласно обычаям, покойного нельзя провожать в мир иной без символов богатства, таких как яшма, агат, серебро, золото, чтобы не получилось, что «человек с пустыми руками пришел в мир, с пустыми и ушел». Чаще всего, в левую руку принято класть небольшой кусочек золота весом в два ляна в форме лодочки, а в правую руку — два ляна серебра. Раньше в бедных семьях вкладывали медные монеты, а самые неимущие провожали родственника с носовым платочком в руке.

Сразу после кончины в рот кладут монету; бедные — листочки чая или кусочек сахара. Зажиточные люди могут положить золото или нефрит, обернутые в рисовую бумагу, и это называется «вложение в рот монеты» (口含钱). Ритуалу этому сотни лет, и в деревнях он до сих пор соблюдается. Смысл такого действия — обеспечение безбедной загробной жизни для усопшего; он не только не будет голодать, но и сможет избежать наказаний за несправедливые поступки.

Одежда

В Китае существуют определенные правила и нормы при прощании с умершим

родственником. Конечно, в разных районах и обычаи разные, но мы упомянем лишь те, которые принято соблюдать на большей территории этой страны.

Китайцев всегда хоронят в традиционной одежде династии Мин. Причина в том, что в период последней, маньчжурской династии Цин китайцев заставляли сбривать волосы на передней части головы, а сзади заплетать косу. Сопrotивляясь приказу, десятки тысяч мужчин погибли. Пытаясь отстоять свои культурные традиции, китайские чиновники при маньчжурском дворе смогли договориться с министрами Цин о том, что *ханьцам* позволят сохранить похоронные ритуалы династии Мин. В таком виде они и дошли до наших дней².

Конечно же, в каждой местности Китая — свои обычаи и традиции и разная культура погребения, однако существует единое требование везде, и для старых, и для малых — на смертном одре либо после кончины человека обряжают в специальную «одежду долголетия» *шоу-и* (寿衣).

Значение вытекает из названия: «после смерти человек сможет долго пребывать в данном одеянии», ведь, как говорили в древности, «если не одеть покойника в новое и красивое, то можно считать, что его проводили голым».

Известный иероглиф «долголетие» (寿) имеет еще и значение «вечный», например, в таких словах как «гроб» (寿器),

«домовина» (寿材 или 寿木), «могила» (寿冢 или 寿穴), ритуальная одежда, или погребальное одеяние (寿衣), и этим эвфемизмом, «благоречием» деликатно заменяют ранящие душу слова и словосочетания, связанные со смертью и похоронами. В старом Китае, как известно, все предметы, связанные с похоронами, готовили заранее, еще при жизни человека. В последние годы возникли и новые слова с иероглифом *шоу*: «урна с прахом» (寿盒) вместо «погребальная урна» (骨灰盒).

Кое-где в Китае такую одежду называют «горячей» (热衣), в иных местах «погребальным нефритовым одеянием» (金缕玉衣). Императоров династии Хань и аристократов хоронили в одежде из нефритовых пластинок, соединенных золотой проволокой, о чем свидетельствуют раскопки того периода, отсюда и пошло такое изящное название ритуальной одежды.

Одежду долголетия *шоу-и* называют еще похоронной, *лян-и* (殓衣), и речь идет только о традиционном национальном костюме.

Количество комплектов в разных районах огромной страны — разное, и в разных провинциях встречаются свои правила. При этом количество может зависеть и от возраста, и от положения, которое занимал человек при жизни.

В древности полагали, что только нечетные числа (Ян) символизируют счастье и удачу, поэтому количество одежды для верхней

² В последнее время в «магазинах долголетия» появились новые варианты одеяния для людей, умерших в совсем молодом возрасте. Речь идет о так называемой «суньятсеновке» (中山装) — мужском френче, похожем на военный китель, который любил носить Сунь Ят-сен. В любом случае родственники стараются так обрядить ушедшего, чтобы он предстал в лучшем виде в новом месте пребывания.

и нижней частей туловища покойного должно соответствовать таким числам как три, пять, семь, девять, одиннадцать... На этот счет существует пословица: «счастье не повторяется, а несчастье не ходит в одиночку» (福无双至祸不单行); русский аналог — «беда не приходит одна».

В «Книге ритуалов» (礼记) говорится, что сына Неба через семь дней после смерти кладут во временный гроб, и лишь через семь месяцев — в постоянное место захоронения; князей укладывают в месте временного погребения через пять дней после смерти, а через пять месяцев — окончательное погребение. Сановников *да-фу* и простых людей через трое суток кладут во временный гроб, а хоронят через три месяца. Так что 9, 7, 5 и 3 — счастливые числа *Ян*.

Конечно же, любое число несет свой определенный смысл, например, «три воротничка, два пояса» (三领二腰), т.е. три куртки и две пары брюк, в общей сложности составляют «пять», и это символизирует пять священных гор Китая. «Четыре воротничка, три пояса» (四领三腰), составляют число «семь», что намекает на семьюрусную буддийскую пагоду³. Соответственно, «пять воротничков, четыре пояса» (五领四腰) — это символ императорского трона, императорского положения (九五之尊⁴), и такое количество одежды указывает на высокое положение, которое занимал усопший.

Еще одно правило: одежды на покойнике должно быть много, чем больше — тем лучше,

ибо количество свидетельствует об уважении к ушедшему человеку. Чем больше возраст или социальный статус, тем больше одежды, ведь в древности только богатые люди имели много нарядов. Большое количество комплектов одежды в данном случае носит скрытый смысл — пожелание долголетия, богатства и счастья. В то же время «дополнительная» одежда намекает на «добавление» счастья и долголетия потомкам, *тянь фу, тянь шоу* (添福添寿).

При этом курток всегда должно быть больше на две, чем брюк. Например, семь курток и пять брюк, пять и три. Самое большое количество одежды *шоу-и* — одиннадцать курток и девять брюк.

Совсем бедным семьям разрешается добавить лишь одну верхнюю куртку, что в общем составляет необходимое нечетное число «три».

Но вернемся к числу «семь». Если говорить не только об одежде, но и обо всех предметах, необходимых при проводах, то словосочетание «комплект для похорон из семи предметов» (寿衣七件套) остается незабываемым и означает, что человек достойно прожил свою жизнь на земле, а потому достигнет вершины блаженства где-то на небе.

Что же входит в такой комплект? Это одеяло *цин-и* (衾衣), набор одежды *шоу-и* (寿衣), головной убор *шоу-мао* (寿帽), тапочки *шоу-се* (寿鞋), носки *шоу-ва* (寿袜), подушки *шоу-*

³ Традиция связана с религиозными верованиями; буддийские пагоды сооружают, обычно, с семью ярусами. Если покойника обрядить в семь комплектов одежды, то это будет символизировать, что усопший взойдет к вершинам блаженства.

⁴ Цзю-у (九五) означает «Сын неба», «император», потому что по «И-цзину» это мужская (цельная) черта в гексаграмме на пятом (снизу) месте, которая называется «дракон, летящий в небо».

чжэнь (寿枕) и одеяло шоу-бэй (寿被). Счастлирое число «семь», что по китайской нумерологии означает «жизненная энергия», «жизнь», подобрано с натяжкой, потому что подушек необходимо две — под затылок и под ступни, а одежды может быть, как уже упоминалось, от трех до двадцати (11+9).

Есть районы Китая, где комплект из семи предметов составляют чуть иначе: куртка (衣服), брюки (裤子), обувь (寿鞋), головной убор (寿帽), подушка для головы (垫枕), подушка для ног (脚垫) и постельные принадлежности (被褥).

Одеял, как и подушек, два: одно служит в качестве подстилки, а второе одеяло цинь (衾) — не совсем обычное, оно напоминает плащ-палатку с капюшоном, чтобы можно было укутать все тело.

Черная маленькая шапочка гуа-пи мао (瓜皮帽) представляет собой головной убор, который носили мужчины в Китае во времена правления династии Цин, и который по форме поминает корку половины арбуза. Края шапочки завернуты, а на лицевом шве спереди — красный камешек, символизирующий процветание последующих поколений.

Носки белого цвета шьют из хлопковой ткани, туфли — матерчатые. По традиции чулки и тапочки для усопших родителей должны шить и вышивать дочери или другие родственницы, при этом к мягкой стеганой подошве нередко прикрепляют узор из семи точек, «семь звезд» Созвездия Ковша (七星), предполагая, что умерший будет подниматься вверх, на небо,

к бессмертным, ступая по звездам и луне. В данной традиции проявляется влияние даосизма.

Несколько экземпляров одежды предусмотрены на все сезоны: летняя куртка без подкладки, куртка с подкладкой, зимняя куртка на вате или ватный халат, кальсоны, ватные штаны и брюки, чтобы «с двух концов была видна вата» (两头见棉), т.е. присутствие ватных куртки и штанов обязательно, чтобы усопший отдыхал в вечном сне. Ведь иероглиф мянь (棉), «вата», является омофоном слова «спать» (眠).

Поскольку Китай огромен, то и обычаи разнятся. Если северяне считают парные числа счастливыми для живых, и стараются парность соблюсти во всем — даже в предметах мебели, вазах или других изделиях прикладного искусства, а в загробном мире, стало быть, «счастливыми» должны считаться нечетные, — полагают северяне, то южане мыслят иначе, и обряжают покойников в парное количество шоу-и — ба цзянь тао (八件套).

Может возникнуть вопрос — почему верхняя часть тела обряжается в большее количество одежд по сравнению с нижней? Ответ прозаичен. Поскольку в старые времена, прежде чем похоронить родственника, требовалось подобрать подходящее место, согласно науке фэн-шуй, и ждать, когда такое место будет найдено, приходилось порой от нескольких месяцев до нескольких лет, необходимо было позаботиться о сохранности тела. Для этой цели в гроб клали сухую траву и золу, а дополнительная одежда тоже препятствовала проникновению жидкости. Внутренние органы расположены

в верхней части тела, и количество курток превышало количество брюк.

Как видим, количество комплектов одежды не является строго оговоренным. Если говорить о самом распространенном варианте, то это, безусловно, пять курток и три пары брюк или три юбки.

Учитывая, что пожилые люди, достигнув 60-летнего возраста, нередко сами заказывают для себя у портного похоронную одежду, то они имеют возможность соблюсти и еще одно правило: делают такой заказ в високосный год. Объяснение простое: високосный год немного длиннее обычного, и старики надеются удлинить свою жизнь, пошив «одежду долголетия» именно в это время.

Лицу покойного стараются придать приятный вид, чтобы он предстал в мире Инь, как «благородная и богатая особа». Если щеки ввалились в них закладывали рис, чтобы лицо выглядело круглым.

Волосы расчесывают, а выпавшие прячут за головной повязкой, чтобы потом сжечь по пути на кладбище. Это тоже влияние даосизма — усопший должен унести с собой все, что получил от родителей, даже выпавшие волосы.

Ткани для одежды

Одеяние для погребения подбирают просторное и ярких, свежих цветов. Если взглянуть на товар в магазинах похоронных принадлежностей в Китае (寿店), особенно — на юге, то поразитесь богатству красок: синее, красное, розовое, сочно-зеленое, желтое... Напоминает

театр или любой китайский праздник с буйством многоцветия.

Все предметы украшены иероглифами «долголетие» и «счастье», а также символической вышивкой в виде луны, звезд, феникса с драконом, цветов, трав, рыб, насекомых — представлены все группы сюжетов старинной китайской живописи, которые являют собой счастливые благопожелания и символизируют сыновнюю почтительность к усопшим предкам и уважение. Верхнюю куртку часто шьют из красной ткани с красной подкладкой, что символизирует пожелание покойного своим потомкам процветать (红红火火).

Ткани для похоронной одежды выбирают, как правило, из хлопка или шелка. Хлопковые принято называть *мянь-цзюань* (棉娟), т.е. «прелестный хлопок», потому что иероглиф *мянь* созвучен слову *мянь-хуай*, «вспоминать с любовью» (缅怀), а иероглиф *цзюань* является омофоном другого *цзюань* (眷) со значениями «любить», «заботиться», «семья», «родня». Иными словами, одежда из такой ткани символизирует любовь и тоску потомков об ушедшем предке.

К выбору шелка относятся очень строго. Например, нельзя использовать атлас, т.к. *дунань-цзы* (缎子) звучит так же, как «стерилизация», невозможность иметь сыновей (断子). Даже слово «атлас» запрещено произносить, чтобы не получить буддийское возмездие за дурные поступки в виде оставления без потомства. Ведь древние говорили, что из трех видов сыновнего непочтения самое страшное — отсутствие потомства (不孝有三, 无后为大).

Желательно шить саван из шелка (绸子), потому что слово *чоу-цзы* является омофоном слова *чоу-цзы* (稠子) «многочисленные сыновья». Но так воспринимают слово «шелк» далеко не везде. Есть районы, где людям слово *чоу-цзы* напоминает иное, но одинаково звучащее: *чоу-цзы* (愁子) — «печалиться, скорбеть о сыне».

Чтобы избежать «несчастливых» слов, можно шить и из шелка *цзюань* (绢), потому что название омофонично слову «грустить, думать с любовью» *цзюань лян* (眷恋).

Существует запрет и на импортные ткани с иероглифом *ян* «заморский» (洋), ведь он является омофоном положительной субстанции *Ян* (阳), и только в мире живых (阳间) можно шить одежду из такой ткани, а покойника провожают в мир *Инь* (阴间).

Жители деревень, строго соблюдая уставленные когда-то давно правила, никогда не наденут на покойника традиционную курточку *гуа-цзы* (褂子) по той причине, что ее название совпадает со словом *гуа-цзы* (挂子) — «повесить сына».

Под запретом находятся изделия из шерсти и кожи (которые в обычной жизни люди с удовольствием носят), потому что на теле покойного они могут привести к последующему перерождению в зверя; ведь мех, шерсть и кожа — «одежда» животных.

Как известно, в Китае существует множество диалектов, и один и тот же иероглиф в разных местностях может читаться по-разному. Пекинский диалект является фонети-

ческой основой стандартного варианта китайского языка, в котором слова «девять» (九) и «собака» (狗) звучат абсолютно непохоже: *цзю* и *гоу*. Однако на гуандунском диалекте цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 звучат приблизительно так: *уе, лианг, сан, хи, нг, ло, са, ба, гоу, са*, т.е. «девять» и «собака» — абсолютные омофоны, и, понятно, там запрещено обряжать усопшего в девять слоев одежды, чтобы не получился намек на животное.

Обычаи, связанные с символикой

Перед облачением покойника следует обмыть, но как же в этой ситуации обозначить разницу между водой из крана, которой пользуются живые, и водой для усопшего? Существует обычай, согласно которому воду следует купить (买水). В этом обряде заключается одно из доказательств почтительности к ушедшему родителю. Такую воду можно набрать в колодце или реке, отправившись туда с группой родственников и друзей. Непременно должен присутствовать ровесник покойного. При этом, согласно обряду, бьют в гонг и молятся духу воды, возжигают благовонные палочки; в воду бросают специальные деньги — три монеты. После этого набирают воду в кувшин, и вода считается «купленной», мертвой (阴水). У обряда омовения покойника «мертвой водой» есть и другая цель: очистить родственника от грехов и допущенных при жизни ошибок; ведь вода *Ян* с такой задачей не справится.

Воду от омовения покойника следует вылить в приготовленную яму.

Если говорить об одежде покойного, то тут существует множество неизменных правил и немало табу, причем, в каждом регионе — свои. Однако есть и общие моменты. Например, еще в древности учили, что подкладка должна пришиваться красная, ибо это будет означать, что жизнь потомков умершего станет процветающей (红红火火). Об особой заботе о детях и внуках ушедшего свидетельствует и правило, согласно которому на одежде не должно присутствовать ни одной пуговицы, потому что слово *коу-цзы* (扣子) имеет и другой смысл: «отобрать сына». Пуговицы заменяют завязки (带系 или 带子), и это — еще один намек: «продолжение родословной», «продолжение цепочки сыновей». Ведь 带子 намекает на выражение *дай-лай цзы-сы* (带来子嗣) — «приносить сыновей и дочерей».

Но при богатстве омофонов в многоликом Китае не все так однозначно. Во многих районах во время печальных событий нельзя произносить «завязка» (带子), ведь это можно понять и как «забрать с собой сына», т.е. покойник заберет сына. Следует сказать «которая завязывается» (系带的).

На северо-востоке Китая настолько боятся слова (а значит, и самого предмета) «завязка», что предпочитают хоронить в куртке с пуговицами, которые, впрочем, просто отрезают либо соединяют полы в стык и пуговицы не застегивают. По этой же причине пояс на усопшем не завязывают, а просто обматывают вокруг талии, чтобы избежать все того же намека на то, что покойный «крепко привяжет к себе и унесет сына» (系带子).

Существует и иная версия относительно пояса: его нельзя завязывать, чтобы избежать *цян-гуа* (牵挂), т.е. чрезмерной привязанности к усопшему и тоски, когда родственники начинают постоянно думать о нем и скучать.

Есть и еще один символический секрет в одежде *шоу-и*: рукава должны быть длинными, достигая ступней. В этом тоже зашифровано пожелание потомкам счастливой жизни. Полностью закрытые руки — гарантия того, что сыновья и внуки не станут просить подаяние с протянутой рукой. Впрочем, в современной жизни настоящих нищих практически нет, поэтому китайцы, соблюдая правила, шьют рукава лишь слегка длиннее, чем в обычной одежде.

Еще одно интересное наблюдение относительно символики, связанной с натурфилософией. Если в одежде для живых полу халата или куртки запахивают направо, *у-дун-рэн* (右衽), и запах напоминает букву «У», то в одежде для покойника пола запахивается налево, *цзю-рэн* (左衽), чтобы отличить Ян от Инь — живое от мертвого. Потому что левая часть тела относится к китайскому натурфилософскому символу Ян, и левая пола должна запахиваться на правую сторону, прикрывая правую полу, относящуюся, как и правая половина тела, к символу Инь, т.е. живое должно закрыть мертвое.

Символика используется не только в традиционной одежде человека, которого провожают в мир иной, но и в обуви, и других предметах. Так, на подошве тапочек вышивают не только звезды Северного Ковша, но и цветок лотоса с «лестницей в небо» *тиан-ти* (天梯), что

очень легко «расшифровать» как пожелание приобщиться к сонму небожителей, восседая или стоя на цветке лотоса; ведь именно так принято изображать буддийских божественных существ.

У буддистов существует выражение: «Встав на цветок лотоса, вознестись на Западное небо», т.е. умереть (脚踩莲花上西天). Именно отсюда — традиция вышивать лотосы на подошвах и подушечке для ног. На подголовнике часто вышивают благовещие облака (云彩), что тоже символизирует уход на небо.

Подушечки для затылка и щиколоток изготавливают из бумаги и картона, обтянутых яркой тканью. Шелковому подголовнику придают форму ямба — золотого слитка (пожелание зажиточности на том свете). Более сложным для понимания смысла кажется изображение на подставке для ног не лотосов, а петуха.

Рядом с петухом вышит пион, что вместе обычно расшифровывается как пожелание частого повышения по службе, ведь петушиный гребень *guān* (鸡冠子) является абсолютным омофоном слова «чиновник» *guān* (官). «Пышная шапка пиона» *huā-guān* (花冠) тоже имеет в своем составе иероглиф *guān*, поэтому двойной намек на слово «чиновник» — приятное благопожелание (官上加官).

Но в данном случае, когда речь идет о покойном, вышитый петух является символом проводника в иной мир, как уже пояснялось выше. Кроме того, его красный гребень намекает на цветок целозия, который по-китайски называется *jī-guān-huā* (鸡冠花), т.е.

«петушиный гребень». Целозия же, в свою очередь, символизирует вечную искреннюю любовь (потому что этот красный цветок никогда не теряет свой цвет). Так что изображение петуха на последней подушке трогательно говорит о вечной любви родственников к усопшему.

Во многих районах Китая не обойтись и без живого петуха. Покойного укладывают в главной комнате на заранее сколоченную кровать. Щиколотки связывают красной веревочкой, лицо закрывают грубой желтой бумагой, а к ногам привязывают крупного петуха. В таком случае петух не только является «проводником в иной мир», но и символизирует благопожелание усопшему — «Спи спокойно, счастья тебе и удачи!» (逝者安息大吉大利): «много счастья» и «крупный петух» звучат похоже, — *да цзи*.

Участие петуха в похоронной церемонии связано с его янской сущностью. Считается, что крик петуха изгоняет всякую нечисть; отсюда и произошел обычай сажать на гроб белого петуха, чтобы он очищал дорогу от демонов во время шествия похоронной процессии. Китайцы говорят, что одна из трех душ покойного переходит в эту птицу. Частое предпочтение именно белого петуха объясняется тем, что белый — цвет траура в Китае и одновременно — символ чистоты сердца.

В деревнях и поселках провинций Шаньси, Хэйлунцзян, Цзилин, Ляонин и Шэньси сохранился похоронный обряд, согласно которому сын или дочь покойного идут перед гробом, держа в руках петуха, чтобы тот указывал душе

путь. После похорон птицу выпускают, и тот, кто ее поймает, может ее себе оставить⁵.

Во многих районах Китая принято готовить погребальную одежду заранее, чтобы не суетиться в последний момент и не шить одежду наспех. Как правило, после отмечания 60-летия кому-либо из родителей дети заказывают специальную одежду, красивую и изящную, проявляя уважение к пожилому человеку.

Поскольку одежду для похорон для пожилых людей шьют заранее, то считается, что они вполне могут нарядиться в нее и в соответствующий головной убор во время праздника или свадебного пира в семье: в народе говорят, что «если при жизни носил, то и после смерти можно надеть».

Кое-где существует обычай под названием «обмануть судьбу»; на севере Китая его называют «повернуться лицом к радостному событию» (冲—冲喜). Если человек тяжело болен, и нет надежды спасти его, используют крайнее средство: заказывают для страдальца не *шоу-и*, а свадебный наряд, чтобы обмануть злых духов; тогда и болезнь отступит.

Помимо одежды, могут еще и имитировать подготовку к свадьбе, например, встречать у ворот «новобрачную». Могут попросить друга: «Мой сын при смерти, чтобы отвести беду, пришли свою дочь в свадебном паланкине к нашим воротам!» Кто же после таких действий станет отнимать жизнь у человека, если

он готовится к свадьбе, а вовсе не к отходу на тот свет!

В южных районах Китая, обряжая в новые одежды долголетия, могут верхнюю надеть наизнанку, и это символизирует, что родственник отправляется в мир Инь, где все противоположно миру Ян; в то же время это, по мнению китайцев, дает понять усопшему, что он действительно умер. Нередко и обувь надевают не на ту ногу — с той же целью. В южных районах Китая совершают еще одно действие с намерением подчеркнуть необычность ситуации: не надевают на талию женщины пояс, и, наоборот, надевают его на талию мужчины, меняя местами Инь и Ян. Поскольку мир мертвых и мир живых противоположны, это стараются подчеркнуть и одеждой.

Согласно традиции в южных краях, многослойную одежду для старого усопшего человека прежде должен надеть старший сын либо старший внук. После того, как он совершит поклон, припав к земле, в эту одежду обряжают покойника.

Многие видят причину такого обычая в том, что, надев на живого человека сразу большое количество (нечетное) одежды, легче потом надеть ее «полным комплектом» на покойного, потому что надевать одну одежду за другой сложно.

Существует немало запретов, которые носят символический характер. Например,

⁵ Н. А. Сомкина. Традиции зооморфной символики в обрядовой стороне повседневных верований (старый Китай и современность). Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, (1), стр. 42.

одевая покойника, родные не должны плакать; считается опасным для будущих поколений, если хоть одна слезинка упадет на *шоу-и*: душа усопшего может сбиться с пути и не попасть в свое пристанище. Кроме того, считается, что если слеза попадет в гроб, то покойный не явится своим близким в вещих снах и не сможет подать совет или предупреждение.

В других районах запрет объясняют тем, что, если владыка ада Янь-ло ван (阎罗王) обнаружит влагу на одежде *шоу-и*, он вытолкнет покойника за ворота, и тот окажется неприканным, вечным страдальцем.

Еще один неперемный обряд — зажигание неугасимой масляной лампы, за огнем которой надо пристально следить, — погасить ее разрешается лишь после окончания похорон. Свет лампы, как считают китайцы, помогает душе усопшего уверенно передвигаться к своей цели в темноте потустороннего мира.

Фонарики-лампады самых разнообразных форм можно купить в каждой деревенской лавке; как правило, их плетут из бамбукового лыка, а сверху прикрывают абажуром из белой бумаги. Несущий такой фонарик одновременно читает по бумаге буддийские священные тексты. Одну из бамбуковых щепочек от лампы вкладывают в руку покойнику.

На китайской церемонии погребения принято дарить деньги в белом конверте семье умершего, и сумма должна быть нечетной. Гости в ответ получают белый пакетик, в котором находятся монетка, пара конфет и белый платочек. Платочком вытирают слезы, конфеты призваны подсластить несчастье, а монетка — принести счастье.

После погребальной церемонии следует обед, на котором принято подавать семь блюд, и символика этой цифры в данном случае следующая. Самыми важными в Китае считаются три вида застолья: по поводу свадьбы, дня рождения старого человека и похорон. При этом каждый вид имеет свою числовую символику, и об этом свидетельствует пословица: «Долголетие — девять, свадьба — восемь, а похороны — семь» (寿九婚八丧食七).

Это значит, что, отмечая день рождения пожилого родителя (а праздновать этот день начинают лишь с 50-летнего возраста), на стол выставляют девять блюд, ибо «9» (九) своим звучанием напоминает слово «долго» (久), а потому символизирует пожелание имениннику долгой жизни (长长久久). Во время свадебного пира количество блюд издавна должно соответствовать четному количеству, символизируя пару молодоженов. Восемь холодных и восемь горячих блюд намекают на пожелание разбогатеть (八八大发席). Во время траурного застолья подают семь блюд, потому что слово «семь» (七) является омофоном «горевать», «скорбеть» (凄).

Иногда после трапезы каждому ее участнику выдают кусочек красной материи для отпугивания злых духов, которые, по поверьям, очень активизируются в связи со смертью и похоронами.

Проводы

Один из важнейших похоронных обрядов — разбивание глиняного горшка сразу после переодевания усопшего, перед выносом, либо на могиле после погребения (зависит от

местности). В этом горшке сначала сжигают ритуальные бумажные деньги, а потому у него имеется несколько названий: «горшок Инь-Ян», «горшок доброго предзнаменования» и др. В диаметре он не более пяти *цуней*, высотой — в два *цуня*, а на дне в его центре имеется отверстие, чтобы прогоревшие деньги выпадали и освобождали место для новых подношений. Перед горшком принято стелить циновку для родственников, чтобы те ставали на колени, прощаясь и сжигая ритуальные деньги. Весь пепел из горшка высыпают в гроб, снабжая ушедшего «деньгами».

Перед тем, как разбить горшок, его устанавливают перед гробом и тот, кто должен это сделать (обычно, старший сын), встает на колени. Близкие родственники, рыдая, тоже встают на колени перед гробом полукругом. Если почивший — мужчина, то горшок разбивают левой рукой, если женщина, — правой, ибо, согласно традиционным устоям патриархального общества, самые уважаемые люди занимают левую сторону⁶.

Обычай разбивания горшка содержит богатый смысл, можно назвать, как минимум, три

скрытых послыла. Первый — проявление сыновнего почтения, т.е. проявление культуры преданности родителям (孝道文化), ведь среди традиционных моральных принципов китайцев почитание родителей — самый главный. Удар по глиняному горшку символизирует, что младшее поколение до конца выполнило свой долг перед усопшим.

Еще более важным считается то, что, ударя по горшку, старший сын объявляет окружающим, что он перенимает посмертное наследие почившего, т.е. готов нести на своих плечах обязанность помогать младшим братьям и сестрам.

Второй посыл — удары по горшку символизируют пожелание покойному в иных пределах мира и спокойствия **из года в год** (岁岁平安), а потомкам, детям и внукам, — удачи в жизни.

Чем больше осколков от горшка, тем лучше — считают в народе, потому что слово *суй*, «разбиться», «осколки» (碎碎), является омофоном слова *суй*, «годы» (岁). Желательно, чтобы несущие гроб еще и наступали на эти осколки, дробя их. Причем, если в результате трех ударов разбить горшок не удалось, то повторные попытки недопустимы.

⁶ Nagina Такое правило соблюдалось и в общественных туалетах, и при надевании обручальных колец (у мужчины — на левой руке, у женщины — на правой), и на свадебных фотографиях, и за свадебным столом, везде мужчины — слева. Если поступить иначе, люди станут смеяться, мол, нарушили правила.

Истоки такого обычая следует искать в мифах о Пань-гу, создателе Вселенной. После того, как он стал небожителем, его органы превратились в Луну, Солнце и другие небесные тела, а также четыре стороны света, пять священных холмов Китая, реки, озера и всех живых существ. Из данных мифов и легенд китайская нация почерпнула основные сведения о божествах Солнца и Луны.

В произведении «Записки о круговороте Пяти стихий в календарном году» («五运历年记») говорится, что божества эти образовались из пары глаз Пань-гу: покровитель Солнца образовался из левого глаза, Луны — из правого. Отсюда и возник обычай «мужчина — слева, женщина — справа» (男左女右), т.е. космические начала Ян и Инь. А кто же эти покровители-божества? Солнца — Фу-си (伏羲), Луны — Нюй-ва (女娲), и это самые древние божества в Китае.

Третий посыл заключается в том, что горшок символически содержит «суп забвения», дословно — «суп тетушки Мэн» (孟婆汤), и усопший, переходя по мосту между миром живых и мертвых, вкусив его, забывает о прошлой жизни. Родственники, конечно, не желают терять связь с предком; они хотят, чтобы ушедший помнил дни, проведенные с живыми, а потому разбивают горшок. В этом проявляется любовь и нежелание расставаться с покойным.

Можно назвать и еще один символический смысл действия — пожелание живущим примириться с утратой и счастливо провести оставшиеся годы. Смерть подобна угасшей лампаде, и никому не удастся избежать существующего порядка: рождение, зрелость, старость, болезни и смерть. Всему приходит конец; так и глиняный горшок, рано или поздно, разбивается, и в данной ситуации осколки горшка символизируют завершение жизни: обратной дороги нет.

Китайцы верят, что человек продолжает существовать в царстве мертвых (阴间), а потому следует обеспечить его не только всеми необходимыми в быту предметами, но и деньгами. Деньги в Китае тоже делятся на Инь и Ян. Последними пользуются живые люди, а купюры, предназначенные для сжигания, — это валюта, которой пользуются только в загробном мире.

Ритуальные деньги напоминают обычные банкноты (чаще — доллары США неправдоподобного номинала — от десятков тысяч до сотен миллионов долларов) и необходимы, как полагают китайцы, не только для обеспечения счастливого существования, но и на посмерт-

Рис. 10. Доллары для сжигания

ном суде, чтобы можно было подкупить Янь-ло вана, сделав суд менее строгим.

Банкноты «загробного банка» украшают портреты героев мифологии: Нефритового императора (председатель банка), Янь-ло вана (заместитель председателя), Восьми Бессмертных, Будды или драконов. Обрядовые деньги продаются пачками по 40-50 купюр, упакованных в целлофановую обертку.

Родные усопшего, стремясь обеспечить безбедную жизнь в мире Инь, покупают не только пачки ритуальных денег, но и изображение предметов, необходимых в быту: бумажные поделки в виде автомобилей, загородных домов, одежды, телефонов, кондиционеров, бильярдных столов, кредитных карт и пр., пр.

Древнее китайское искусство изделий из папье-маше для похоронных обрядов в последнее время активно возрождается в стране. Раньше для похорон изготавливали в натуральную величину бумажные паланкины, целые

Рис. 11. Сжигание жертвенных денег

отряды полиции, горничных, девочек-служанок, конные отряды и пр., зато сейчас выполняют миниатюрные копии предметов роскоши, которых человек, возможно, и не имел при жизни, зато после смерти станет их обладателем: будучи сожженными, они символически уйдут вместе с усопшим в виде дыма.

Купюры и «предметы роскоши» следует сжечь через семь дней после похорон в специальных печах на территории кладбища; у каждой печи — изображение одного из зодиакальных животных, чтобы можно было выбрать покровителя покойного.

Рис. 12. Мебель, машина и дом для сжигания на могилах в праздник Цин мин

Однако пачек денег и любимых предметов для сжигания вовсе не достаточно. Для проводов мужчины изготавливают из белой бумаги еще и коня, для женщины — бумажную корову, которая символизирует неустанный домашний труд. Считается, что женщина за всю жизнь так много стирает, моет и чистит, что после нее остается большое количество грязной воды Инь, т.е. мертвой, и ее следует уничтожить. Именно бумажная корова, а то и несколько коров — для верности, — призваны выпить всю грязную воду. Бумажных

Рис. 13. Предметы для сжигания любимым усопшим. В загробном мире все пригодится

Рис. 14. Цин мин. Предметы для сжигания

животных, коня или корову, несут впереди похоронной процессии.

Ранее, начиная с периода Хань, этих животных для сжигания на могиле выполняли из глины, а в период правления династии Юань глубокое уважение к бумаге с письменами распространилось и среди простых крестьян; в ре-

Рис. 15. Конь для сжигания

зультате глиняных животных заменили на бумажные.

Бумажные муляжи рабочего скота имеют свое символическое значение. Корова, как уже упоминалось, символизирует домашний труд; на лошади, как полагают живущие на северо-востоке Китая, мужчине легче добраться до Западных небес (буддийский рай), так что бумажная лошадь — символ быстрого передвижения в иной мир.

Но есть и иная трактовка. В провинции Ляонин и во Внутренней Монголии протекают реки Силамулунь (на языке киданей — Желтая река), берущая начало в южном Хингане, и Ляохэ (Земляная река). Сливаясь, они впадают в реку Даляо.

Местные говорят, что когда-то в месте слияния встретились прекрасная девушка, передвигавшаяся в телеге, которую тащила черная корова, и красивый юноша, скакавший на белом коне. Конечно же, они полюбили друг друга, о чем свидетельствовала и природа вокруг: с неба посыпались цветы, на земле

проклюнулись грибы долголетия *лин-чжи*, громко защибетали птицы, и вверху проплывали благовещие облака. Взявшись за руки, молодые больше не разлучались. *Кидане* утверждают, что юноша и девушка стали их далекими предками, а потому в тех краях поклоняются Черной корове и Белой лошади. Стало быть, бумажные муляжи жертвенных животных для сжигания во время похорон — символы любви мужчины и женщины.

Бумажным животным связывают ноги веревкой, как путами, и лишь после предания усопшего земле путы разрезают и животное сжигают. При покупке бумажных домашних животных в специальных магазинах продавец непременно напоминает: «Не забудьте разрезать путы». Такое действие будет означать, что родственники символически отпускают усопшего в мир иной.

Рис. 16. Бумажный дворец, 1924

Рис. 17. Бумажный автомобиль, 1924 г.

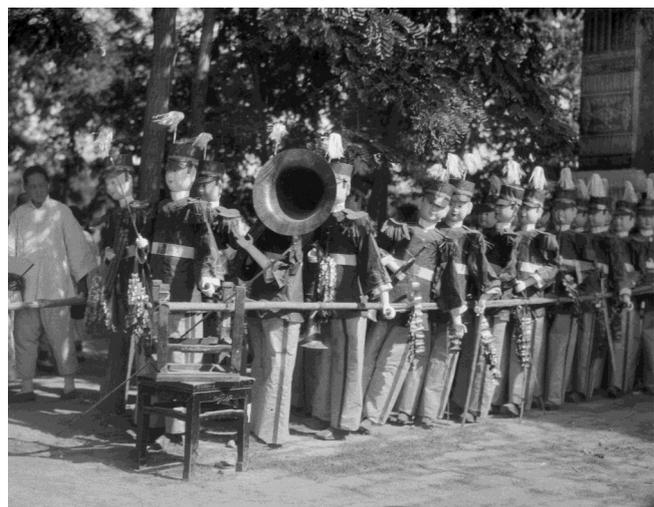

Рис. 18. Бумажный оркестр, 1924

Рис. 19. Бумажные слуги, провожающие хозяина, 1917

Выводы

Современный ритуал похорон в Китае окончательно сложился примерно в период Воюющих царств, а во времена правления династий Тан, Сун и Мин этот ритуал значительно дополнился. За многие века культура похорон, конечно, претерпела некоторые изменения, однако сердцевина этой культуры осталась прежней и передается из поколения в поколение, особенно — в деревнях и небольших городах; именно поэтому она представляет для нас большой интерес.

Церемониал похорон очень сложный — намного сложнее свадебного, и перегружен различными важными мелочами, поэтому для его проведения назначают распорядителя — человека, хорошо знакомого с обрядовой стороной. В похоронных традициях многое взято из натурфилософской школы, рассматривающей все явления с точки зрения космогонических сил Инь и Ян, а также из геомантии (*фэн-шуй*) и местных культур.

Сложные обряды, порой, настолько противоречивы, что разобраться в них и проанализировать весьма нелегко. Порой эти обычаи настолько архаичны, что могут вызвать изумление у неподготовленного иностранца.

Например, в г. Шиши (石獅) городского округа Цюаньчжоу провинции Фуцзянь для покойного находится место за поминальным столом, где, как надеются родственники, он тоже располагается вместе с семьей и обедает. Довелось присутствовать на похоронах супруги директора крупного завода, и поминки проходили

Рис. 20. Траурная хоругвь

в огромной столовой этого предприятия. Гостей собралось огромное количество, и все сидели за круглыми столами с угощением в течение семи дней, приходя туда ежедневно, как на работу.

Директор завода не спешил с погребением, поскольку ждал приезда родственников с севера Китая. Покойная супруга сидела за отдельным накрытым столом, склонив голову. Поминки мало напоминали печальное событие, поскольку играла музыка, а гости ежедневно, насытившись, принимались развлекаться: щелкали семечки, играли в настольные игры, беседовали.

Через неделю усопшую унесли в богатом паланкине на кладбище, тоже — сидя. Провожавшие остались за его пределами, а внутрь пустили лишь близких родственников, поэтому узнать, был ли гроб, и как именно хоронили женщину, узнать не довелось.

Похоронные обряды являются важнейшей частью древней китайской культуры и впитали в себя и элементы различных верований, и множество суеверий, и интереснейший пласт символики, помогающей понять смысл конкретных обычаев и предписаний, запретов и обязанностей.

Список литературы

1. Ван Цзяньхуа, У Юй-лун. Сан су [Ван Цзяньхуа, У Юйлуи. Похоронные традиции], Бэйцзин: Чжунго люйю чубаньшэ, 2004. (На кит.).
2. Жэнь сы вэйшэньмо бу нэн чуань жичан ифу? [Почему нельзя надевать на покойника повседневную одежду?]. URL: https://www.sohu.com/a/491309414_99943903 22.09.2022. (На кит.).
3. Жэнь сы хоу вэйшэма бу нэн чуань жичандэ ифу? Чуань шоу-и ю шэма цзянцзю ма? [Почему после смерти нельзя надевать повседневную одежду? Что надо знать об одежде «долголетия»?]. URL: <https://www.163.com/dy/article/HD200V7V055391KX.html> 24.07.2022 (На кит.).
4. Жэнь сыхоу вэйшэма яо чуань шоу-и? Чуань цзи цзянь, жухэ чуань, ю шэма цзянцзю? [Почему после смерти надо обряжать
5. Жэнь сыхоу яо чуань нэй ци цзянь шоу-и? Шоуи бисуй ши ци цзянь тао ма? [После смерти на усопшего надо надевать семь комплектов одежды? Одежда «долголетия» включает семь комплектов?]. URL: https://www.toutiao.com/article/6957056945073193502/?channel=&source=search_tab 01.05.2021 (На кит.).
6. Жэнь цюйши хоу вэйхэ яо чуань шоу-и? Чуань шоу-и ю шэма цзянцзю? Чжунаньцзя: ю сы дьянь сюйяо чжуи [Почему на почившего следует надевать одежду «долголетия»? Что надо знать об одежде «долголетия»? Специалист: следует обратить внимание на четыре момента]. URL: https://www.toutiao.com/article/6934239280663380493/?channel=&source=search_tab 28.02.2021 (На кит.).
7. Нунцунь гэи шичжэ чуаньдэ шоу-и, цзюйжань хай ю чжэма додэ гуйцзюй! Бу чжи ши цзяньданьдэ чуань и! [В деревнях хоронят в одежде «долголетия», но есть и еще множество правил! Не только одежда «долголетия»!]. URL: <https://so.toutiao.com/search?keyword=%E4%BA%BA%E6%AD%BB%E5%90%8E%E7%A9%BF%E5%AF%BF%E8%A1%A3%E7%9A%>

84%E8%A7%84%E7%9F%

A9&pd=synthesis&source=related_search&in_ogs=&search_json=%7B%22from_query%22%3A%22%E4%BA%BA%E6%AD%BB%E5%90%8E%E5%8F%A5%E5%90%89%E7%A5%A5%E8%AF%9D%22%7D&dvpf=pc 08.10.2018. (На кит.).

8. Ти лаожэнь чуань шоу-и ши цзай шансинь е бу нэн ку чужэн, юаньинь ю лян чжун шофа! [Облачая почивших родителей в одежду «долголетия», несмотря на горе, нельзя громко плакать; существует две версии, поясняющие причину!]. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/224997656> 08.09.2020. (На кит.).

References

1. Wang Jianhua, Wu Yulong. Sang su [Wang Jianhua, Wu Yulong. [Похоронные традиции], Beijing: Zhongguo lvyou chubanshe, 2004 (In Chinese).
2. Nongcun gei shizhe chuande shou-yi, juran hai you zhema duode guiyu! Bu zhi shi jiangdande chuan yi! [В деревнях хоронят в одежде «долголетия», но есть и еще множество правил! Не только одежда «долголетия»!]. URL: https://so.toutiao.com/search?keyword=%E4%BA%BA%E6%AD%BB%E5%90%8E%E7%A9%BF%E5%AF%BF%E8%A1%A3%E7%9A%84%E8%A7%84%E7%9F%A9&pd=synthesis&source=related_search&in_ogs=&search_json=%7B%22from_query%22%3A%22%E4%BA%BA%E6%AD%BB%E5%90%8E%E5%8F%A5%E5%90%89%E7%A5%A5%E8%AF%9D%22%7D&dvpf=pc 08.10.2018. (In Chinese).
3. Ren jushi hou weihe yao chuan shou-yi? Chuan shou-yi you shenme jiangjiu? Zhuanjia: you si dian xuyao zhuyi [Почему на почившего следует надевать одежду «долголетия»? Что надо знать об одежде «долголетия»? Специалист: следует обратить внимание на четыре момента]. URL: https://www.toutiao.com/article/6934239280663380493/?channel=&source=search_tab 28.02.2021. (In Chinese).
4. Ren sihou weishenme bu neng chuan richangde yifu? Chuan shouyi you shenme jiangjiu ma? [Почему после смерти нельзя надевать повседневную одежду? Что надо знать об одежде «долголетия»?]. URL: <https://www.163.com/dy/article/HD200V7V055391KX.html> 24.07.2022. (In Chinese).
5. Ren si wei shenme bu neng chuan richang yifu? [Почему нельзя надевать на покойника повседневную одежду?]. URL: https://www.sohu.com/a/491309414_99943903 22.09.2022. (In Chinese).
6. Ren sihou weishenme yao chuan shou-yi? Chuan ji jian, ruhe chuan, you shenme jiangjiu? [Почему после смерти надо обряжать в одежду «долголетия»? Сколько одежды надо надевать и на что обращать внимание?]. URL: https://www.toutiao.com/article/6957056945073193502/?channel=&source=search_tab 01.05.2021. (In Chinese).

7. Ren sihou yao chuan nei ji jian shou-yi? Shou -yi bixu shi ji jian tao ma? [После смерти на усопшего надо надевать семь комплектов одежды? Одежда «долголетия» включает семь комплектов?]. URL: https://www.toutiao.com/article/6999545260619678247/?channel=&source=search_tab 23.08.2021. (In Chinese).
8. Ti laoren chuan shou-yi shi zai shangxin ye bu neng ku chusheng, yuanyin you liang zhong shuofa! [Облачая почивших родителей в одежду «долголетия», несмотря на горе, нельзя громко плакать; существует две версии, поясняющие причину!]. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/224997656> 08.09.2020. (In Chinese).

Сведения об авторе

Исаева Людмила Ивановна

Старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая

Институт Китая и современной Азии РАН
(ИКСА РАН)

117997, Москва, Нахимовский пр., 32

Россия

miladina@rambler.ru

Information about the author

Lyudmila I. Isaeva

Senior Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997

Russia

miladina@rambler.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.2023

Одобрена после рецензирования: 23.09.2023

Принята к публикации: 29.09.2023

Information about the article

The article was submitted: 10.09.2023

Approved after reviewing: 23.09.2023

Accepted for publication: 29.09.2023

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный.

В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учрежде-

ния (в соответствии с наименованием, указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов).

Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.

п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структу-

рированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения.

Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. !В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О.

Название статьи. *Название журнала, где была издана статья.* Город: издательство; год. С. (страницы, на которых размещена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок *Chicago*, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. *Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochnaya literatura,

1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, при-

водят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова **«Вклад авторов:»** (“**Contribution of the authors:**”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021;

принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021; approved after reviewing 08.12.2021; accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/*другое*

Исторические/*другие науки*

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

²*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other* studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

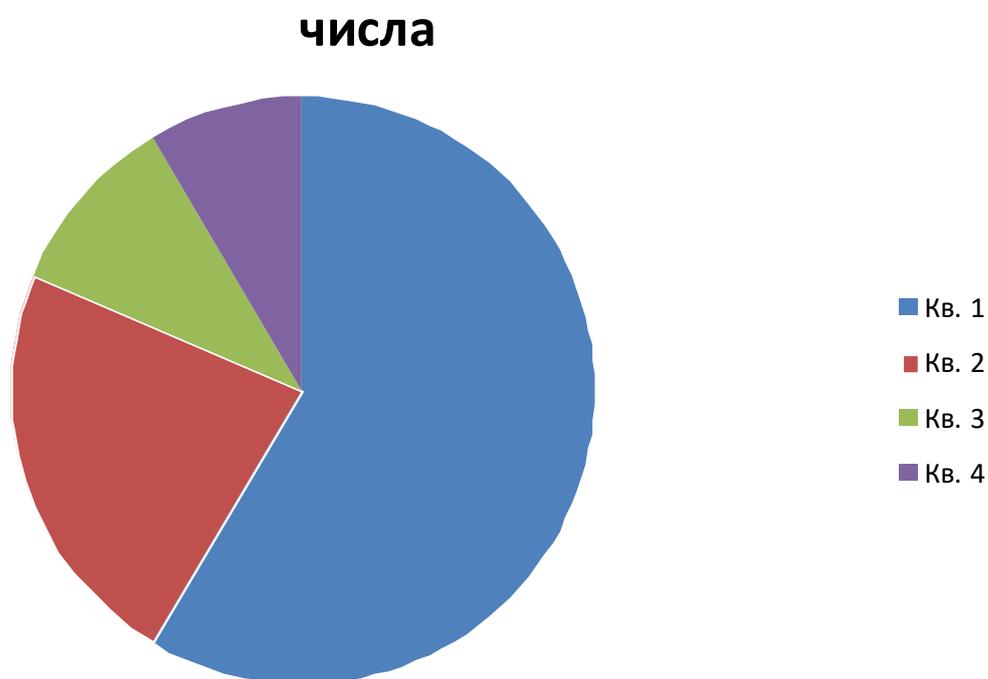

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

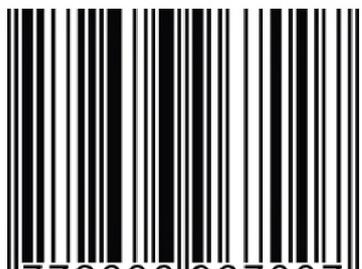
Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >